

Р.Ю. Почекаев

БАТЫЙ **Хан, который не был ханом**

Посвящаю эту книгу своему отцу – Юлиану Викторовичу Почекаеву

Предисловие

ХАН, КОТОРЫЙ НЕ БЫЛ ХАНОМ

Я хорошо знаю, что в настоящее время почитание героев признается уже культом отжившим, окончательно прекратившим свое существование. Наш век по причинам, которые составят некогда достойный предмет исследования, есть век отрицающий, так сказать, самое существование великих людей, отрицающий самую желательность их.

Т. Карлейль. Герои, почитание героев и героическое в истории

Огромная территория от Алтая на востоке до Днестра и Дуная на западе, известная в восточных исторических сочинениях под названием «Дешт-и Кипчак», в течение многих веков была местом обитания различных кочевых народов — тюрок, кимаков, кипчаков. При этом даже родственные племена — например, кипчакские — нередко отличались друг от друга языком, обычаями и даже не имели представления о других кипчакских племенах. Предводители, сумевшие объединить хотя бы два-три племени (и то — на период совместного похода или отражения нападения врага) уже именовались «великими ханами». Однако до середины XIII в. ни один вождь не объединял под своей властью все народы, населявшие Дешт-и Кипчак.

Таким вождем стал Бату (Батый), сын Джучи, внук Чингис-хана. Будучи всего лишь одним из многочисленных внуков основателя Монгольской империи, он уже в молодости возглавил крупнейший из ее уделов — Улус Джучи и в течение двух десятилетий объединил Дешт-и Кипчак под своей властью, причем не формальной, а реальной. Многочисленные независимые племена, прежде населявшие Кипчакскую степь, превратились в подданных одного правителя, воля которого была законом для каждого жителя Дешт-и Кипчака. Власть Бату не ограничивалась исключительно степью: он являлся сюзереном многих оседлых государств Азии — Грузии и Армении, Сельджукского султаната, русских княжеств, определял политику в монгольских владениях в Иране и Хорезме, Балканских государствах, а в последние годы жизни являлся самой влиятельной фигурой Монгольской империи. Бату был современником таких правителей, как Фридрих II Гогенштауфен, Людовик IX Святой, папа римский Иннокентий IV, Александр Невский — и со всеми ими он имел контакты. Можно без преувеличения утверждать, что Бату принадлежит особое место в истории, формирования дипломатических отношений между Европой и Монгольским миром, поскольку он стал первым монгольским правителем, вступившим в контакты с представителями Европы, и в дальнейшем уделял большое внимание поддержанию этих контактов.

Безусловно, Бату стал столь могущественным правителем далеко не сразу после того, как возглавил Улус Джучи. Семнадцатилетний царевич поначалу обладал лишь номинальной властью и первые несколько лет своего «правления», по-видимому, вообще отсутствовал в

своих владениях. В 1235 г. было принято решение о походе на Запад, ставшем не только важной страницей в биографии Бату, но и одним из переломных этапов в истории Монгольской империи и христианского мира, поскольку именно в результате этого похода сложились западные границы империи, и европейцы открыли для себя бескрайнюю Азию. Бату стал предводителем этого похода — сначала номинально, а затем — и фактически, что в немалой степени способствовало росту его авторитета и могущества в дальнейшем. После смерти в конце 1241 — начале 1242 гг. Угедэя и Чагатая, сыновей Чингис-хана, Бату стал главой рода Чингизидов — сначала также номинально, но к концу 1240-х гг. обрел и реальную власть в семействе Чингис-хана и империи. Наконец, после того как великим ханом стал Мунке (избрание которого было подготовлено и осуществлено по инициативе и при непосредственном участии Бату), сын Джучи официально приобрел самое высокое положение в Монгольской империи, получив титул «ханского отца», то есть по статусу считался выше самого великого хана. Таким титулом не обладали другие Чингизиды ни до, ни после Бату. До последнего дня ему приходилось непрерывно бороться за приобретение власти и авторитета, а впоследствии — за их поддержание и укрепление. Результатом этой борьбы стало не только его главенствующее положение в Монгольской империи, но и то, что было заложено могущество Улуса Джучи, который вскоре после смерти Бату обрел независимость и просуществовал свыше двух с половиной столетий в качестве самостоятельного государства, преемники которого (в частности, Крымское и Казахское ханства) дожили до конца XVIII-XIX вв.

Однако, несмотря на столь выдающуюся роль Бату в истории Кипчакской степи, Монгольской империи и всей Евразии, не сохранилось ни одного его жизнеописания, нет ни одного исследования, посвященного его жизни и деятельности! Большинство средневековых авторов и современных исследователей ограничивались краткими сообщениями об отдельных событиях его жизни или же общими оценками Бату как правителя. В результате в историографии широко распространился образ Бату, совершенно не соответствовавший его истинной роли в истории Евразии.

Позволим себе процитировать несколько биографических статей об объединителе Дешт-и Кипчака из наиболее авторитетных энциклопедических изданий, поскольку содержащаяся в них информация является своего рода квинтэссенцией представлений отечественных и иностранных исследователей о Бату.

Статья из энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, изданного в 1890–1907 гг., отражает представление о Бату, сложившееся в дореволюционной отечественной историографии: «Батый — внук Чингисхана¹ (см. Золотая Орда) служит героем нескольких „сказаний“, одно носит заглавие „Убиение кн. Михаила Черниговского и боярина его Феодора в Орде от Батыя“, второе „Батыево нашествие“. Имя Батыя перешло и в народную поэзию; так, напр., одна былин рассказывает, что когда князь Владимир посадил Илью Муромца в погреб в наказание, Батыга Батыгович осадил Киев. Отсюда видно, насколько Батый сделался известным на Руси». Несколько больше внимания уделено в статье Н. И. Веселовского «Золотая орда» в этом издании: «...Джучиев улус обнимал огромное пространство, еще не совсем завоеванное: Кипчацкую степь от верховьев Сыр-дарьи, Хорезм (Хива), часть Кавказа, Крым и Россию. Джучи умер раньше этого раздела, что несколько отсрочило вторичное нашествие монголов на Россию; удел достался многочисленному потомству Джучиеву, во главе которого стал Батый. На курултае (сейме) в Монголии в 1229 г. решено было послать 30-тысячную армию для завоевания стран к северу от Каспийского и Черного морей; но она почему-то не была отправлена, и только на курултае 1235 г. осуществилось это намерение. Начальство над армией было поручено Батыю, к которому приставлен ноян Субедай, участвовавший в первом нашествии монголов на Россию. К 1240 г. Россия была покорена, а также Кавказ до Дербента; тогда Батый направился в Польшу,

¹ В цитатах сохраняется авторская форма написания имен и географических названий.

оттуда в Силезию, в Моравию, затем в Венгрию; всюду нанося поражения, а один его отряд проник в Трансильванию и опустошил страну. Повернул назад Батый только потому, что получил известие о смерти хана Угедэя. Смерть монгольского хана всегда останавливала военные действия монголов, где бы они ни были, так как князья должны были спешить на курултай, для избрания нового хана. Позже Батый не делал попыток воевать на запад, а занялся устройством своей орды. По первоначальному плану Батыю предполагалось дать 30 000 войска; нет основания думать, что это число было потом изменено в ту или другую сторону. В это же войско входили и 4000 монголов с семьями, данных Чингисханом в каждый улус, в виде рассадника монгольского элемента, главную же часть войска Батыя составляли татары — около 25 000 душ, с семьями... Батый со своею ордою поселился в волжских степях, т. е. стал господствовать над Россией издали, в подробности управления не вмешиваясь, а довольствуясь данью... Батый выстроил на Волге столицу Сарай при помощи мусульманских архитекторов... Батый умер в 1255 г. ...» [Брокгауз и Ефрон 2003].

Статья из Большой Советской Энциклопедии (издание, статья из которого цитируется, вышло в 1969-1978 гг.) отражает образ Бату, сложившийся в советской историографии: «БАТЫЙ, Бату, Саин-хан (1208-1255), монгольский хан, сын Джучи, внук Чингисхана. После смерти отца (1227) стал главой Улуса Джучи. Завоевав Дешт-и-Кипчак (Половецкая степь) (1236), возглавил поход в Восточную Европу (1237-1243), сопровождавшийся массовым истреблением населения и уничтожением городов. В результате героического сопротивления русского народа, мужественно оборонявшего от захватчиков Рязань, Москву, Владимир, Козельск, Киев и другие города, войска Батыя понесли большие потери. В конце 1240 г. монголо-татары, уже истощенные в борьбе с Русью, вторглись на территорию древних государств Восточной Европы (Польши, Чехии, Венгрии, Далмации). Встретив сопротивление народов этих стран и не рискуя оставлять у себя в тылу завоеванные русские земли, Батый вынужден был весной 1242 начать поспешное отступление на Восток. Смерть великого монгольского хана Угедэя (декабрь 1241 г.) заставила Батыя возвратиться в Улус Джучи для укрепления своего положения. В 1243 г. в низовьях Волги основал феодальное государство — Золотую Орду со столицей Сарай-Бату, простиравшееся от Иртыша до Дуная, участвовал в перевороте в Монгольской империи (1251 г.), и при его поддержке великим ханом империи стал Мункэ» [БСЭ 1970, с. 46-47].

Наконец, статья из Enciclopedia Britannica, одной из самых популярных энциклопедий в мире, содержит представление о Бату, распространенное в западной историографии (статья цитируется по изданию 2001 г.): «Бату (умер около 1255г. в России). Внук Чингис-хана и основатель Кипчак-ханства, или Золотой Орды. В 1235 г. Бату был избран главнокомандующим западной частью Монгольской империи, и ему было поручено завоевание Европы. К 1240 г. он завоевал всю Россию. Во время кампании в Центральной Европе одна монгольская армия одержала победу над Генрихом II, герцогом Силезии (на территории современной Польши), 9 апреля 1241 г.; другая армия, возглавлявшаяся самим Бату, разгромила венгров двумя днями позже. Уставив контроль над Польшей, Богемией, Венгрией и долиной Дуная, Бату намеревался начать завоевание Западной Европы, когда получил известие о смерти главы Монгольской империи, великого хана Угедэя (декабрь 1241 г.). Чтобы принять участие в выборах его преемника, Бату увел вою армию, спасая Европу от возможного опустошения. Он основал государство Золотая Орда в Южной России, которое управлялось его преемниками следующие 200 лет. В 1240 г. армия Бату razорила и сожгла Киев, главный город России. В период владычества Золотой Орды центр политической жизни России постепенно переместился из Киева в Москву» [Britannica 2001]².

Таким образом, в глазах и российских, и западных исследователей Бату является в первую очередь завоевателем и разорителем Руси и Центральной Европы, а кроме того — основателем и ханом Золотой Орды, главным направлением политики которого стало

² Перевод мой. — Р. П.

господство над Русью. Лишь мимоходом отмечена роль Бату в политике Монгольской империи — участие в избрании великого хана, поддержка Мунке в борьбе за престол. Ни слова нет про его значение в объединении многочисленных племен Дешт-и Кичпака под единой властью, про его сюзеренитет и влияние в государствах Закавказья, Малой Азии, Ирана, ведущую роль в политике Монгольской империи.

Не считая биографических статей в энциклопедиях и словарях, Бату посвящено всего лишь несколько небольших исследований, касающихся отдельных аспектов его биографии. В 1855 г. вышла статья И. Н. Березина «Нашествие Батыя на Россию», в которой, как следует из названия, освещен один эпизод биографии Бату. В начале XX в. появилась работа В. В. Бартольда «Батый»/Batu-Khan, которая была подготовлена как статья для немецкоязычной «Энциклопедии ислама», но вполне может считаться самостоятельным биографическим очерком — возможно, самым лучшим на сегодняшний день. В 1970 г. английский востоковед Дж. Э. Бойл опубликовал статью «Посмертный титул Бату-хана» (русский перевод 2002 г.), в которой проанализировал титул Бату — «Саин-хан». В 1992 г. появилась работа Г. А. Федорова-Давыдова «Смерть хана Бату и династическая смута в Золотой Орде в освещении восточных и русских источников». В 2002 г. вышло небольшое исследование В. Я. Романива «Бату-хан и „центральное монгольское правительство“: от противостояния к соправительству», посвященное взаимоотношениям Батыя с Каракорумом в 1240-е гг. Наконец, в Монголии в начале 2004 г. вышла книга Ч. Чойсамба «Походы Бату-хана» (русский перевод 2005 г.); согласно аннотации, в книге рассказывается «об истории военных походов Бату-хана на Русь, Европу, а также о его планах захвата Рима». По-видимому, следует упомянуть также статьи С. П. Розанова, Ч. Гальперина, О. М. Ульянова и А. А. Горского, посвященные «Повести об убиении Батыя», хотя это произведение не содержит никакой информации о деятельности реального Бату, поскольку является политическим памфлетом середины, или половины XV в. Кроме того, все историки, занимавшиеся вопросами истории Монгольской империи, Золотой Орды или Руси XIII в., непременно упоминали о Бату в своих работах.

В процессе работы над книгой о Бату мной были собраны и систематизированы сведения о нем, содержащиеся в различных источниках XIII-XVII вв. — официальных документах (письмах и отчетах), летописях и хрониках, составленных монгольскими, китайскими, тюркскими, арабскими, персидскими, армянскими, русскими, польскими, итальянскими и другими западноевропейскими авторами. Сведения эти большей частью кратки и разрозненны, нередко сведения о том или ином этапе или эпизоде жизни Бату присутствуют только в каком-либо одном источнике и не могут быть проверены на основании других доступных нам исторических памятников. Когда же несколько источников на разных языках содержат сведения об одних и тех же эпизодах из биографии Бату, в таких случаях наиболее интересно проанализировать трактовку событий тем или иным автором, его отношение к личности и деяниям Бату.

К моему удивлению, обнаружили значительные расхождения между: сведениями источников о Бату и выводами исследователей, которые опирались на эти самые источники. Так, например, анализ источников позволяет утверждать, что Бату никогда не был ханом: он упоминается с таким титулом только в сочинениях, появившихся гораздо позже его смерти; Затем вовсе не героическое сопротивление русских или народов Центральной Европы и даже не смерть Угедэя заставили Бату прекратить западный поход: он завершил его, полностью достигнув поставленных целей, тогда как смерть великого хана послужила лишь официальным поводом для свертывания боевых действий. Кроме того, Бату не основывал никакой Золотой Орды, и владычество над Русью составляло отнюдь не самое главное направление его политики. Наконец, Бату не просто «поддержал» Мунке на выборах великого хана, а фактически сам возвел его на трон.

Выявленные расхождения обусловили наличие в данной книге своеобразной полемики с другими исследователями и опровержение распространенных, но не соответствующих сведениям источников, мнений современных авторов относительно различных аспектов

биографии Бату. Однако главной задачей исследования является все же не спор с современными авторами, а восстановление в хронологическом порядке на основании сведений источников о Бату, реконструирование биографии этого выдающегося правителя.

Объектом настоящего исследования, таким образом, является деятельность Бату как государственного деятеля, правителя, военачальника и дипломата, на протяжении трех десятилетий стоявшего во главе Улуса Джучи и определявшего политику многих государств Евразийского континента.

Приношу свою искреннюю благодарность А. Л. Барковой (Москва), П. Н. Петрову (Нижний Новгород), К. З. Ускен-баю (Алматы, Казахстан), Р. П. Храпачевскому (Москва) за предоставленные материалы и консультации по ряду вопросов, возникших при работе над книгой.

Считаю своим долгом выразить глубокую признательность В. В. Трепавлову (Москва) за рекомендации и замечания фактологического и концептуального характера и А. Г. Юрченко (Санкт-Петербург) за предоставленные источники и помощь в написании этой книги.

Часть первая ВНУК ЧИНГИС-ХАНА, СЫН ДЖУЧИ

§ 1. Имя и титул

Знай, о дорогой мой, если даст тебе бог сына, то прежде всего дай ему хорошее имя, ибо это — одно из отцовских прав.

Кабус-намэ

Сыну Джучи и Уки-хатун при рождении было дано имя Бату, в историографии широко распространены также его имена «Батый», «Бату-хан» и «Саин-хан». Монгольское слово «бат» означает «крепкий, прочный, нежный» [БАМРС 2001, с. 236]. Таким образом, это было традиционное имя-благопожелание, чтобы младенец рос здоровым телом и крепким духом, твердым в своих устремлениях. Это имя носили знаменитые монгольские правители — Даян-хан (Бату-Мунке) и Абатай-хан (Вачир-Бату). В форме «Бата» оно до сих пор популярно в Бурятии и в форме «Бат» — в Монголии: Ж. Батмунх в 1974-1984 гг. был премьер-министром МНР, а П. Очирбат — первым президентом Монголии в 1990-1997 гг. Имя это является настолько распространенным, что используется в грамматических примерах учебников по монгольскому языку [см., напр.: Рин-Чинэ 1952, с. 25; Омакаева, Пюрбеев 2005, с. 105-107]³.

Вариант «Бату» является средневековым монгольским произношением этого имени: именно так звучит имя Батья в монгольской хронике «Сокровенное сказание», написанной, как считается, около 1240 г., и, например, в более позднем сочинении «Алтай Тобчи», созданном монгольским ламой Лубсаном Данзаном во второй половине XVII в. [Козин 1941, § 269; Алтан Тобчи 1973, с. 243; см. также: Панкратов 1998, с. 44]. Так же передают это имя и иностранные авторы, услышавшие его в монгольском варианте: армяне Вардан Великий, Стефан Орбелиани; арабы ан-Нувейри, Ибн Халдун, ал-Макризи, ал-Айни, ал-Калкашанди; персы Джувейни, Рашид ад-Дин, Джузджани, Хамдаллах Казви-ни, Шами, Йезди, Гаффари,

³ А. А. Бушков, заявляя, что хорошо знает монголов и Монголию, утверждает, что такого монгольского имени не существует [Бушков 1997, с. 113]. В связи с вышесказанным его заявление представляется более чем странным.

Натанзи; венгерский епископ Рогерий.

У ряда авторов имя «Бату» присутствует в несколько измененном варианте: Симон де Сент-Квентин, посланец папы римского к монголам в Малую Азию в 1247 г., передает его как Batho или Bathot, Вильгельм де Рубрук — Baatu, Фома Сплитский — Batho, венецианец Марко Поло — Patu, китайская династийная хроника «Юань ши» (1369 г.) — «Баду». Prince Batho, живущего в city of Orda, упоминает и автор «Путешествия сэра Джона Мандевилля» [Mandeville 1910, p. 81], которое было написано около 1372 г. и являлось своего рода памфлетом, пародирующим труды средневековых авторов — Марко Поло и др. (факт упоминания в нем Бату представляется важным, поскольку отражает значительность этой фигуры в истории того времени). В татарском средневековом эпосе «Идегей» имя Батыя встречается в форме «Байду» и даже «Баянду» [Идегей 1990, с. 56, 161].

Широко употребительной формой имени Бату является «Батый»: так это имя передается всеми русскими летописцами, а также и некоторыми западными авторами, услышавшими его от русских информаторов. К последним относятся папские посланцы Иоанн де Плано Карпини и Бенедикт Поляк (в своих отчетах о путешествии к монголам они называют Батыя Vati), а также Ц. де Бридиа, записавший отчет брата Бенедикта, и создатель Великопольской хроники (нач. XIV в.), автор Хроники Быховца, Матвей Меховский (нач. XVI в.) и др. Каким образом «Бату» трансформировалось в «Батый»? Вполне вероятно, что русские авторы стали произносить непривычное им монгольское имя по аналогии со знакомыми тюркскими: например, в Тверской летописи сообщается, что перед битвой на Калке принял крещение половецкий хан Бастый [Воинские повести 1985, с. 83]. Кроме того, в русской былинной традиции имя Батыя пополнилось еще и «отчеством». В некоторых фольклорных введениях Батыя именуют «Батыем Батыевичем» и даже «Батыгой Сергеевичем»! [Былины 1958, с. 166, 377]. Последнее «отчество» — наиболее загадочное, но его происхождение, по-видимому, до сих пор не привлекло внимания исследователей.

Один из самых любопытных вариантов имени Батыя встречается в «Великой хронике» английского историка Матфея Парижского и «Анналах Бертонского монастыря» XIII в.): русский архиепископ Петр, рассказывая на Лионском соборе о монголах, назвал имя «Bathatarcan» [Матфей Парижский 1997, с. 283; Английские источники 1979, с. 181, 3]. Наиболее очевидным, представляется следующее объяснение: в имени «Бататаркан» соединились собственное г Бату, этникон «татар/тартар» и титул «хан/кан»⁴. Однако в этом слове также усматривается соединение собствен-во имени «Бату» и титула «тархан», которым в тюрко-ягольском обществе обозначались лица, в течение нескольких поколений обладавшие налоговым и судебным иммунитетом [Шапшал 1953, с. 304-316]. Правда, почему «тархан» употребляется применительно к Бату, непонятно: тарханами, как правило, являлись простолюдины, а среди нойонов и тем более представителей Золотого рода Борджигин их никогда не было. Такая ошибка могла быть сделана не европейским автором сообщения, а его восточными информаторами, знакомыми с этим титулом, поскольку в восточных хрониках путаница терминов «хан» и «тархан» имела место и впоследствии. Например, в тюркском историческом сочинении «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», написанном около 1505 г. и приписываемом Мухаммаду Шейбани, тюменский хан Хаджи-Мухаммад назван «Хаджи Мухаммад-тарханом», что является явной ошибкой [МИКХ 1969, с. 19,-Юдин 2001, с. 31).

Судя по контексту сообщений «Великой хроники» и «Анналов», в них смешиваются образы Батыя и его дяди — великого хана Угедэя: якобы он, сидя в городе «Орнук» (в историографии традиционно отождествляется с Ургенчем), направлял «своих военачальников против Русей», Польши и Венгрии». Как известно, это Угедэй, оставаясь в столице империи, отправлял войска на завоевание различных стран, тогда как Бату лично принимал участие в походах [ср.: Юрченко 20036, с. 684]. Это смешение и вызвало

⁴ Предположение высказано В. В. Трепавловым при устной консультации.

приписывание Бату ханского титула, применение которого по отношению к Бату также вызывает сомнения.

В исторических сочинениях Бату очень часто упоминается с ханским титулом — «Бату-хан». Между тем в сочинениях, появившихся при жизни или вскоре после смерти Батыя, ханский титул у него отсутствует. Например, посол, папы Иннокентия IV Иоанн де Плато Карпини и его спутник Бенедикт Поляк, побывавшие у Батыя в 1245-1246 гг.; сообщают, что Батый «является самым могущественным после кана» (Иоанн де Плато Карпини 1997, с. 49; Ц. де Бридиа 2002, с. ПО], но самого Батыя ханом не называют, как, собственно, и никого из остальных Чингизидов, кроме самого великого хана Гуюка. В своем отчете брат Бенедикт титулет Батыя *princip*, то есть «принц» [Benedicti Poloni 1929. 3, 6]. Информаторами папских посланцев были высокопоставленные монгольские чиновники, поэтому ошибки францисканцев в отношении титулатуры членов Золотого рода исключаются, и если они не называют Бату ханом, можно с уверенностью утверждать, что он таковым и не являлся. Каноник Рогерий (впоследствии — архиепископ Сплита), переживший монгольское нашествие на Венгрию, называет Батыя «великим господином» или «главным господином» [Хрестоматия 1963, с. 714]. Не называют его ханом и другие современники — персидские историки Минхадж ад-Дин ал-Джувейни и Ала ад-Дин Ата-Малик Джувейни, армяне Киракос Гандзакци и Вардан Великий. Ипатьевская и Лав-рентьевская летописи, которые считаются наиболее ранними из дошедших до нас русских источников о нашествии монголов, также упоминают Батыя без ханского титула: ни он сам, ни его ближайшие преемники — Сартак, Улагчи, Берке — не являются «царями» или «цесарями» (так «переводили» древнерусские летописцы титул хана); первым с царским титулом в этих летописях упомянут Мунке-Тэмур, при котором Улус Джучи действительно стал самостоятельным государством, а его правитель принял ханский титул [см., напр.: Насонов 2002, с. 237; Кучкин 1990, с. 28]. Весьма характерно в этом отношении сообщение Новгородской первой летописи под 6750 (1242) г.: «Того же лета князь Ярослав Всеволодиць позванъ цесаремъ Татарьскимъ, и иде в Татары къ Батыеву, воеводе татарьску» [ПСРЛ 2000а, с. 297]; как видим, здесь Батый не только не назван «цесарем», но и противопоставляется ему как «воевода»! Первые источники, упоминающие Батыя с ханским титулом, появляются не ранее 1280-х гг. — начала XIV в.: это труды венецианца Марко Поло, армянского хрониста Мхитара Айри-ванеци, персидского историка конца XIII — начала XIV вв. Фазлаллах Рашид ад-Дина и его арабского современника Шихаб ад-Дина ан-Нувейти. Таким образом, анализ источников позволяет вполне однозначно утверждать, что Батый при жизни ханского титула не носил.

Отсутствие у Бату, как и у остальных членов семейства Чингизидов (кроме самого великого хана), какого-либо титула регламентировалось соответствующими правовыми нормами Монгольской империи. Персидский историк Джувейни, начавший работу над своим трудом еще при жизни Бату сообщает: «И еще у них похвальный обычай, что закрыли они двери чиновничества, похвальбы званиями и (воспретили) крайности самовозвеличения и недоступности, кои в заводе у счастливых судьбы и в обычае царей. Кто ни воссядет на ханский престол, одно имя ему добавляют Хан или Казн, и только. Более сего не пишут, а сыновей его и братьев зовут тем именем, что наречено им при рождении, будь то в лицо или за глаза, будь то простые или знатные. Когда пишут обращения в письмах, одно то имя пишут, и между султаном и простолюдином разницы не делают. Пишут только суть и цель дела, а излишние звания и выражения отвергают» [цит. по: Вернадский 1999, с. 142; см. также: Кляшторный, Султанов 2004, с. 195-196].

Джувейни также сообщает, что родственники называли Бату «ака» («ага») [Juvainu 1997, p. 557], но это был не титул, а уважительное обращение к старшему в роду, каковым Батый и стал после смерти Чагатая в год воды-тигра (1242 г.). В послании самого Батыя к своим монгольским родичам, приведенном Джувейни, встречается такая фраза: «Все ж вы должны прибыть на курилтай, и участвовать в обсуждении, и посоветоваться еще раз, когда соберутся вместе все ака и ини-» [Juvainu 1997, p. 265-266]. «Ака и ини» в данном случае

означает просто «старшие и младшие братья», да и в современном монгольском языке слово «ах» означает именно «старший брат». Поэтому можно утверждать, что термин «ака» просто означал главенство в семье, роде, а не какое-то особое положение в имперской иерархии, как полагает, например, П. О. Рыкин [Рыкин 2005, с. 132; ср.: БАМРС 2001, с. 175; Севортян 1974, с. 70]. Джувейни упоминает Бату с загадочным титулом «каан-ака», а в «Истории» Киракоса Гандзакети — с не менее таинственным титулом «ханского отца», но их мы подробнее рассмотрим ниже. Сейчас же нас интересует правомерность применения к Бату титула «хан».

Следует ли видеть в приписывании Бату ханского титула ошибку летописцев более позднего времени? Скорее всего, нет. Полагаю, что ханский титул Бату стал одним из элементов государственной и правовой идеологии, создававшейся его преемниками — ханами Золотой Орды. Ханский титул официально был принят Мунке-Тэмуром, внуком Бату, в 1267 г., что нашло отражение, в частности, в чеканке монеты с собственным именем и издании ярлыков — грамот, выдача которых являлась исключительно ханской прерогативой. Мунке-Тэмур и его преемники стремились обосновать права на фактически узурпированную ими ханскую власть и «удревнить» ее за счет присвоения ханского титула уже умершим правителям Улуса Джучи, которые ханами не были. Так, *post-factum*, ханский титул появился у первого правителя, Джучи, и у его преемника Бату: в результате золотоордынские ханы представляли как потомки непрерывного ряда ханов, начиная с Чингис-хана. Примеры такого «удревнения» не столь уж редки и в монгольской историографии. Например, в «Шэн-у цинь-чжэн-лу», монгольской хронике эпохи Хубилая, составленной в соответствии с традициями китайской историографии, Чингис-хан фигурирует под посмертным императорским именем «Шэн-у Тай-цзу» («Воинствующий император, Великий предок»), а его отец Есугей-багатур, который не был не только императором, но даже и ханом, упомянут под именем «Шэн-юань Лю-цзу» («Августейший император Юань, Блистательный предок») [см.: Бира 1978, с. 102-103].

Некоторые авторы (Рашид ад-Дин, ан-Нувеири, Ибн Халдун, неизвестный автор «Шейбани-намэ», Гаффари, Абу-л-Гази, Я. Рейтенфельс) писали, что Бату называли также Саин-ханом. В татарском эпосе «Идегей» Бату фигурирует как «Баянду, Саин-хан» [Идегей 1990, с. 56]. Другие историки (Ибн Биби, Рукн ад-Дин Бейбарс, Магакия, Утемиш-хаджи) именуют Батыя просто Саин-ханом, не упоминая его настоящего имени. Некоторые авторы даже приводят объяснение этого имени. Например, армянский автор конца XIII-начала XIV вв. Григор Акнерци в своей «Истории народа стрелков» сообщает: «Он был очень добр, за что народ прозвал его Саин-хан, т. е. добрый, хороший хан» [Патканов 1871, с. 18]⁵, а Ибн Халдун пишет: «Батухан, прозванный Саин-ханом, то значит царь отличный» [СМИЗО 1884, с. 378}.

Появление этого имени стало причиной многих историографических курьезов. Так, например, средневековые авторы нередко считали Бату и Саин-хана двумя разными правителями. Первой жертвой этой ошибки стал, наверное, Марко Поло, написавший, что «после царя Саина царствовал Пату» [Марко Поло 1997, с. 371]. Эту же ошибку допускают персидские авторы, которые, в отличие от венецианского путешественника, указывают Бату и Саин-хана не подряд, а еще и «вставляют» между ними других ханов. Например, Низам ад-Дин Шами в «Книге побед», которую писал, опираясь, в частности, на устные сообщения не слишком компетентных информаторов, утверждает, что «до нашего времени царствовали в Дешт-и-Кипчаке, — 25 человек: 1) Джучи, 2) Бату, 3) Берке-хан, 4) Саин-хан, 5) Йисун-Мунке...». Его ошибку повторяет и использовавший его произведение Шараф ад-Дин Йезди: «Всех царей из рода Чингиз-хана, правивших в Дешт-и-Кипчаке до сего времени, 32. 1) Джучи... 2) Бату, сын Джучи... 3) Берке-хан, брат его. 4) Саин-хан. 5) Йису-Мунке...»

⁵ Сам К. П. Патканов полагает, что под именем «Саин-хана» здесь подразумевается великий хан Гуок, а не Батый [Патканов 1871, прим, 35 на с. 78].

[СМИЗО 1941, с. 105, 145]. Между тем последовательность правителей Улуса Джучи, установленная исследователями на основании анализа различных источников, выглядит следующим образом: 1) Джучи; 2) Бату; 3) Сартак; 4) Улагчи; 5) Берке; 6) Мунке-Тэмур [см., напр.: Гаев 2002, с. 49; Мыськов 2003, с. 154].

Автор «Казанской истории» (вторая половина XVI в.) сообщает, что «Бысть же на Оке реке старый градъ, имянемъ Брюховъ, отгуду же прииде царь, имянемъ Саинъ, Болгарский, и поискавъ по местомъ проходя, въ лета 6680-го (1172 год! — Р. П.), и обрете место на Волге на самой украине Рускои, на сей стране Камы реки, концомъ прилежа къ Болгарскои земле, другимъ же концомъ къ Вятке и къ Перми. Место пренарочито, и красно велми, и скотопажно, илисто, и всяцеми семяны родимо, и овощми преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого много угодыя, яко не ести можно другаго такова места по всей Рускои земле нигдеже, подобно такову месту красотою и крепостию и угодьемъ человеческимъ, и не вемъ же, аще есть въ чужихъ земляхъ. И велми царь за то возлюби Саинъ Болгарский», тем на предыдущей странице той же «Казанской истории» содержится сообщение... о Саине Ордынском, который якобы правил после Батыя! [Казанская история 1954, 4 46-47]. Можно, конечно, допустить существование него правителя Волжской Булгарии по имени Саин, о котором нам неизвестно из других источников. Но гораздо более очевидным представляется «раздвоение» Саин-хана в русской летописной традиции. Русский историк XVII в. А. Лызлов пишет, что «По Батые же бысть царь во Орде имянем Саин», которого считает основателем Казани [Лызлов 1990, с. 48].

Ряд европейских авторов более позднего времени отождествляет Саин-хана и Батыя, но при этом считает титул «Саин-хан» настоящим именем, а «Батый» — прозвищем: «Иокухан родил Заинхана (Zaincham), третьего императора, которого во всем мире, а преимущественно в Польше, Венгрии и России называют Батый» [Меховский 1936, с. 64]; «Чингиз-хану наследовал его сын Иоку-хан, отец Заин-хана, иначе называемого Батыем» [Виженер 1890, с. 83]; «вождь Земихен... его же россиане и литва называют Батыем» [Лызлов 1990, с. 21].

Историки по-разному объясняют появление имени «Саин-хан». Например, Г. В. Вернадский пишет: «Указателем уховных качеств Бату является эпитет „саин“, который дается ему в некоторых восточных анналах, а также в тюркском фольклоре. Его переводят как „хороший“. Поль Пеллье отмечает, однако, что это слово имеет также толкование „умный“, и в случае с Бату его надо понимать именно в этом смысле. Таким образом, саин-хан может обозначать: „благоразумный хан“ или „мудрый хан“» [Вернадский 2000, с. 147-148]. Таким образом, Вернадский, вслед за Пеллье, рассматривает имя «Саин-хан» как почетное прозвище.

Английский исследователь Дж. Бойл показал, что «Саин-хан» — это посмертный титул Бату, поскольку словом «саин» монгольские правители обозначали своих умерших предшественников, имена которых, в соответствии с обычаем, упоминать не следовало [Бойл 2002, с. 28-31; ср.: Григорьев 1985, с. 120-121; Алтан Тобчи 1973, прим. 18 на с. 318]. Его заявление можно понять так, что титул «Саин-хан» мог применяться не только по отношению к Бату, но и к другим Чингизидам. В самом деле, ни один из современников Бату (автор «Сокровенного сказания», Иоанн, де Плано Карпини, Бенедикт Поляк, Вильгельм де Рубрук) или историков, писавших сразу после его смерти (Джуджани, Джувейни) не упоминают титула «Саин-хан»: впервые он встречается у сельджукского автора Ибн Биби и венецианца Марко Поло, писавших в 1280-1290-е гг. Действительно, правители различных монгольских государств использовали эпитет «саин» по отношению к своим покойным предшественникам на троне. Но позволим себе не согласиться с английским исследователем в том, что титул «Саин-хан» мог присваиваться и другим потомкам Чингис-хана. Под этим титулом в историю вошел именно Бату: так называют его тюркские, персидские, армянские, арабские, русские и европейские авторы. Исключение составляет более, поздняя монгольская историография: под титулом «Саин-хан» известны правители Халхи XV1-XV11 вв. — Абатай-хан, родоначальник Тушэту-ханов (собственное имя которого было... Вачир-Бату!), его внук Тушэту-хан Гомбо-Доржи и, возможно, сын последнего — Чахун-Доржи [Алтан

Тобчи 1973, с. 292; Насилов 2002, с. 60; История Эрдэни-дзу 1999, с. 64-66; Материалы 1996, с. 109, 117, 158 и др.; Чимитдоржиев 2002, с. 186-187).

Интересно проследить, как посмертный титул Бату со временем превратился в альтернативу его имени и даже употреблялся в официальных документах. Например, в ярлыке Ахмед-хана великому князю Ивану III от 1476 г. содержится фраза: «А вам ся есмя государи учинили от Саина царя сабельным концом...» [Базилевич 1948, с. 31]. Восточные авторы именовали Улус Джучи (Золотую Орду) «Саин-хановым юртом» [см., напр.: Абу-л-Гази 1958, с. 44]. В сочинениях бухарских авторов ХУ1-ХУП вв. сообщается, что Абу-л-Хайр (прав. 1428-1468) занял «трон Саин-хана» 1969, с. 17, 97, 393; Кухистани 1958, с. 94]. Туркменские племена яка, кочевавшие между реками Атрек и Горган, являлись подданными Бату, и их второе название, «саин-хани», упоминается в исторических сочинениях XVI в. [Материалы 1938, с. 45; Рузбихан 1976, с. 112; Туркмени-ган 1981, с. 60-61].

Как видим, в исторической традиции имеется несколько широко употребительных вариантов имени этого деятеля, в настоящем исследовании будет использоваться форма «Бату» как наиболее близкая к оригинальному монгольскому варианту.

§ 2. «Жития его было...»

Имя ему дал я, долгую жизнь пусть даст ему бог.

Книга Деда Коркута

В отношении дат жизни Бату в источниках также нет единообразия. Это создает значительные затруднения для биографа, пытающегося определить даты его рождения и смерти. Судя по монгольским источникам, самих монголов дата рождения того или иного деятеля и даже хана почти никогда не интересовала: даже дату рождения Чингис-хана приходится устанавливать на основании косвенных сведений [см., напр.: Храпачевский 2004, с. 49-64].

Единственным источником, в котором указан год рождения Бату, являются «Списки устроителя мира» персидского автора Кази Ахмеда Гаффари: «Родился он в 602 г. (≈18 VIII 1205-1207 VIII 1206)» [СМИЗО 1941, с. 210]. Однако следует иметь в виду, что это сочинение появилось в середине XVI в., то есть три столетия спустя после смерти Бату. Вполне возможно, что автор пользовался какими-то источниками, не сохранившимися до нашего времени, но коль скоро о них нет сведений, то нельзя полагаться на достоверность этой даты. Год рождения Бату можно установить на основании сообщений о дате его смерти и продолжительности жизни. Но и в отношении года его кончины у авторов нет единодушия.

Самая ранняя дата, 1246/1247 (или 1247/1248) год, указывается во многих русских летописях (Московский свод конца XV в., Тверская летопись и др.) и сочинениях более позднего времени — например, «Записках о Московии» Сигизмунда Герберштейна или «Скифской историй» Андрея Лызлова [Московский 2000, с. 191-193; Тверская 2000, с. 403-404; Герберштейн 1988, с. 166; Лызлов 1990, с.28]. Однако, как установлено современными исследователями, в основе этих сведений лежит так называемая «Повесть об убиении Батыя» — политический памфлет, созданный в конце XV в., в эпоху активизации борьбы Москвы с Золотой Ордой, и фактологическая ценность его минимальна [Горский 2001б, с. 197-199]. Следовательно, есть все основания отнести к этой дате с недоверием. Другая дата смерти Бату — 1252/1253 год: ее приводят другие персидские и арабские историки, — Рашид ад-Дин, ан-Нувеири, Ибн Халдун, ал-Айни, Гаффари и др. Несколько фактов не позволяют признать истинность именно этой смерти Бату. Во-первых, францисканец Вильгельм де Рубрук, посланный французским королем к монголам, встречался с Бату в 1253 г., и тот вел в это время весьма активную деятельность. Во-вторых, согласно сведениям восточных авторов, Хулагу, отправленный Великим ханом Мунке на

войну с Багдадским халифом, более трех лет провел в Чагатаевом улусе, собирая войска, и двинулся далее только после смерти Бату. Джувейни, современник описываемых событий, сообщает, что это произошло в 654 г. х., т. е. 1256 г. [Juvaini 1997, p. 268; ср.: Негри 1844, с. 386; Мыськов 2003, с. 48], Таким образом, появляется третья дата кончины Бату — 1255/1256 или даже 1256/1257 г. Отметим, что именно ее называют современники Бату—армянские авторы Киракос Гандзакец и Вардан Великий, а также персидский историк Джувейни [см.: Федоров-Давыдов 1992, с. 73]. Интересно, что персидские историки более позднего времени —Хамдаллах Казвини (1280—1349) и Шараф ад-Дин Йезди (ум. 1454), пользовавшиеся преимущественно трудом Рашид ад-Дина, дату смерти Бату указали по Джувейни. Эту же дату приводит и египетский автор XV в. Ахмад Таки ад-Дин ал-Макризи, несмотря на то что все его арабские предшественники сообщают о смерти Бату под 1252/1253 г. Еще один современник Бату — Минхадж ад-Дин Джузджани, писавший при дворе делийских султанов, сообщает, что «процарствовал около 28 лет над этим краем, он скончался» [СМИЗО 1941, с. 16]. Бату наследовал своему отцу в 1227 г., а утвержден в качестве главы Улуса Джучи был примерно годом позже, следовательно, его смерть по Джузджани приходится на 1255/1256 г. Сельджукский историк Ибн Биби, писавший в середине 1280-х гг., сообщает под 1256 г., что «бог всевышний побудил Саин-хана послать большое войско для освобождения султана Изз-ад-дина», сообщая, впрочем, что освобожденного султана принимал уже Берке, брат Бату [СМИЗО 1941, с. 25-26].

Небезынтересно отметить одно сообщение хроники «Юань ши», составленной в Китае в 1368-1369 гг. на основе документов из архива монгольских императоров династии Юань (1280-1368). В разделе, посвященном Хубилаю, под 1273 г. имеется запись: «Как и ранее, давно не приходит Баду». Конечно, после распада Монгольской империи в 1260-е гг. контакты между империей Юань и Улусом Джучи стали весьма редки, но все же тот факт, что в Китае могли не знать о смерти Бату, случившейся почти двадцатью годами раньше, представляется весьма странным. Поэтому Е. И. Кычанов, обративший внимание на эту фразу, выразил сомнение, что речь идет о правителе Улуса Джучи [Кычанов 2000, с. 156].

Сведения о продолжительности жизни Бату представлены только в двух источниках. В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина сообщается, что «жития его было сорок восемь лет» [Рашид ад-Дин 1960, с. 81]. Любопытно, что в другом разделе Рашид ад-Дин сообщает, что Бату «прожил целый век» [Там же, с. 71], при этом и в других местах своего сочинения подчеркивая, что он был «стар». Возможно, под «целым веком» персидский историк подразумевал не столько продолжительность жизни Бату, сколько достижение им вершин власти и могущества, осуществление всех планов. Но неизвестный автор тюркского сочинения сер. XVI в. «Шейбани-намэ», видимо, понял его слова буквально и даже уточнил: «Бату жил долго после смерти Чучи Хана: жизнь перешла за сотню» [Березин 1849, с. XLVI]. Эта фраза позволяет предположить, что вокруг образа Бату к XVI в. начали складываться легенды: приписывание герою долгого века жизни — распространенный прием в эпических произведениях азиатских народов. Так, Рустам, герой иранского эпоса, говорит:

«Шесть долгих столетий прошло с тех времен,
Как был я от славного Заля рожден»
[Фирдоуси 1994, с. 250].

А его отец Заль-Зер даже переживает своего сына. Герои тюркских эпосов также нередко живут намного дольше обычных людей: Аруз, персонаж «Книги Деда Коркуда», —300 лет, герой тюркских эпосов Кер-оглы — 120 лет и т. д. [Липец 1984, с. 44]. Вполне возможно, что и Бату со временем мог восприниматься как некий эпический герой, а разница между историей и эпосом в средневековой традиции была весьма зыбкой. За неимением другой информации о продолжительности жизни Бату примем за истину сообщение Рашид ад-Дина о сорока восьми годах. Известно, что первым годом жизни у монголов считается год, проведенный в утробе матери. Прибавив этот возраст к дате рождения Бату, указанной Гаффари, получим как раз 1252/1253 г., а в ошибочности этой даты мы уже имели возможность убедиться. Отняв же возраст Бату от наиболее достоверной даты его смерти,

1256 г., получим наиболее вероятную дату появления его на свет, 1209 год, по монгольскому календарю — год земли-змеи.

§ 3. Отец, или Загадки Джучи

*Мой отец, седьмой на троне, Саридан, гроза врагов,
Управлял своим уделом, супостатов поборов.
Был счастливцем он при жизни, весельчак и зверолов.
Порицать его боялись и мудрецы, и суеслов.*

Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре

Жизнь Джучи до сих пор не стала темой биографического исследования, хотя периодически появляются работы, посвященные отдельным аспектам его жизни и деятельности⁶. Несомненно, личность Джучи, несколько меркнувшая на фоне собственных отца и сына, заслуживает внимания историков. Но поскольку настоящее исследование посвящено Бату, рассмотрим только некоторые аспекты биографии Джучи, имевшие значение в судьбе его сына и преемника. Информация источников об этих событиях настолько противоречива, что позволяет назвать их «загадками Джучи».

§3.1. Загадка первая: происхождение

Как сообщают источники, Джучи родился вскоре после того, как его мать Борте-хатун, старшая жена Тэмуджина (будущего Чингис-хана), была освобождена из меркитского плена, в который попала незадолго до того. Это обстоятельство послужило стимулом для появления слухов о том, что первенец Тэмуджина — вовсе не его сын, а плод связи Борте с меркитским аристократом Чильгир-бохо. Сам Чингис-хан после рождения сына пресек эти слухи, заявив, что его жена попала в плен уже беременной.

Семейство Чингизидов вопрос о происхождении Джучи, видимому, не слишком волновал: проблема рождения Джучи затрагивается только в одном эпизоде «Сокровенного сказания», относящемся примерно к 1218-1219 гг., когда самому Джучи было уже около сорока лет. Перед походом против хорезмшаха Мухаммеда Чингис-хан собрал сыновей, чтобы объявить имя своего наследника и выслушать мнение сыновей, и «не успел Чжочи открыть рта, как его упредил Чаадай: «Ты повелеваешь первому говорить Джочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Джочия? Как можем мы повиноваться этому наследнику меркитского плена?» При этих словах Чжочи вскочил и, взяв Чаадаю за ворот, говорит: «Родитель-государь еще пока не нарек тебя. Что же ты судишь меня? Какими заслугами отличаешься? Разве только одной лишь свирепостью ты превосходишь всех. Даю на отсечение свой большой палец, ты только ты победишь меня даже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если только ты повалишь меня, победив в борьбе. Но будет на то воля родителя и государя!» И Чжочи с Чаадаем ухватились за ворота, изготовясь к борьбе. Тут Боорчи берет за руку Чжочия, а Мухали - Чаадаю, и разнимают» [Козин 1941, §254]. Вполне возможно, что Чагатай «в состоянии аффекта» и в самом деле мог высказать вслух то, что прочие не осмеливались говорить открыто. Вместе с тем нельзя не отметить, что ни Джучи, ни Чингис-хан не стали опровергать слова Чагатая: видимо, для них эта тема была исчерпана, раз Чингис-хан после рождения Джучи признал свое отцовство.

В отличие от монгольских авторов, персидские и тюркские средневековые историки уделили происхождению Джучи куда большее внимание — вероятно, из-за того, что в

⁶ Мне известны только две работы, непосредственно посвященные Джучи [Тоган 2001; Егинбайулы 2001].

монгольских государствах Центральной Азии уже в XIV в. сложился культ Чингис-хана, и только принадлежность к его роду по прямой мужской линии давала право на ханский титул [Султанов 2001, с. 60 и след; ср.: Юдин 1992, с. 15-16]. Поэтому придворные историографы Чингизидов всячески стремились подчеркнуть, отсутствие оснований для подозрений по поводу происхождения Джучи. Наиболее подробно официальная версия обстоятельств появления Джучи на свет приведена у Рашид ад-Дина: «В первые же годы деяний Чингиз-хана, когда на страницах листов эпохи еще не появилось следов его миродержавия, его жена, упомянутая Бортэ-фуджин, забеременела Джучи-ханом. В такое время род меркит, воспользовавшись удобным случаем, разграбил жилище Чингиз-хана и увел [в полон] его жену, которая была беременна. Хотя это племя до этого враждовало и спорило с Онг-ханом, государем [племени] кераит, но в то время между ними был мир, поэтому они отослали Бортэ-фуджин к Онг-хану. Так как последний с отцом Чингиз-хана были побратимами и Чингиз-хана [Онг-хан] называл сыном, то он почитал и уважал Бортэ-фуджин, содержал ее на положении молодой снохи и оберегал от посторонних взоров. Так как она была очень красивой и способной, то эмиры Онг-хана между собой говорили: „Почему Онг-хан не берет [себе] Бортэ-фуджин?“ Он ответил: „Она на положении молодой жены моего сына и находится у нас в безопасности; неблагородно смотреть на нее с коварными намерениями“. Когда Чингиз-хан об этом обстоятельстве узнал, он послал к Онг-хану с просьбой вернуть обратно Бортэ-фуджин одного эмира по имени Саба, из числа ваг-уд'ов рода джелаир... Онг-хан, оказав ей внимание и заботу, отправил ее вместе с Саба. В пути неожиданно появился на свет сын, по этой причине его называли Джучи. Так как дорога была опасной и не было возможности остановиться, а соорудить колыбель трудно, Саба замесил немного мягкого теста, завернул в него ребенка и взял его в полу своей [одежды], чтобы его [ничто] не тревожило. Он вез его бережно и доставил к Чингиз-хану» [Рашид ад-Дин 1960, с. 65]. Почти дословно повторяют эту историю неизвестный автор «Родословия тюрков» (XV в.), Хафиз-и Таныш Бухари и хивинский хан Абу-л-Гази, писавший свою историю на основе труда Рашид ад-Дина. Последний добавил к сведениям Рашид ад-Дина объяснение выбора имени Джучи: «Чингиз-хан, увидев этого своего сына, сказал: „К нам благополучно прибыл новый гость!“ Монголы на своем языке гостя, в первый раз пришедшего, называют словом „джучи“. По такому обстоятельству дано этому сыну имя Джучи» [Хафиз 1983, с. 73; Абуль-гази 1996, с. 97-98; ср.: Негри 1844. с. 385].

Показательно, однако, что Рашид ад-Дин, всячески отстаивавший законность происхождения Джучи, чуть ниже обмолвился: «Но между ним и его братьями Чагатаем и Угедзем всегда были препирательства, ссоры и несогласия по причине... [в тексте пробел. — Р. П.], а между ними и Тулуй-ханом и родами обеих сторон был обоюдно проторен путь единения и искренности. Они никогда [Тулуй-хана] не упрекали и считали его подлинным [сыном Чингиз-хана]» Рашид ад-Дин 1960, с. 65]. Надо полагать — в отличие от Джучи... Позднее тема о происхождении Джучи была подхвачена персидским историком XVI в. Гаффари: «Между ним, Угетаем и Чагатаем, хотя они были от одной матери, была вражда, и они (Угетай и Чагатай) делали нападки на его происхождение» [СМИЗО 1941, с. 210].

Настоящей апологией Джучи является фрагмент «Родословия тюрков», составленного в XV в.: «Чагатай и Угетай стоянно клеветали Чингиз-хану в отношении происхождения Джучи так, как изложена эта великая клевета в историях чагатайских ученых. Однако все авторы справедливых, шильных и достоверных историй стоят на том, что продолжительность времени пленения Бурте-фуджин среди войска мекритов и кераитов, до прибытия в улус Чингизов, не достигает 4 месяцев. Также из большой любви Чингиз-хана к Джучи-хану, изложение которой было бы длинно, видно, что это чистая клевета, ибо как бы ни был хорош ребенок, от жалости родного отца до (жалости) приемного расстояние будет как от земли до неба. И также ни одному умному (человеку) не покажется разумным, чтобы (кто-нибудь) любил сына другого человека больше, чем своих сыновей, в особенности же в деле царства. А авторы достоверных историй говорят, что по той причине, что жалость и милость Чингиз-хана по отношению к Джучи-хану была на грани гибели (?) и крайность

любви переходила за рубеж умеренности (?), то из жадности и зависти Чагатай и Угетай на том упреке построили великую клевету; вследствие выше изложенного, между Джучи и его братьями, то есть Чагатаем и Угетаем, не было искренности. И это подтверждается тем, что Чингиз-хан любил Джучи-хана больше, чем всех своих детей мужского и женского пола, так что ни у кого не было смелости в присутствии Чингиз-хана произнести имя Джучи-хана с неодобрением» [СМИЗО 1941, с. 202-203].

Вопрос происхождения Джучи привлекал внимание и современных исследователей: к примеру, К. д'Оссон и Е. И. Кычанов признают достоверными сообщения о происхождении Джучи от Чингиз-хана, М. Хоанг — от Чильгира [Д'Оссон 1937, с. 201; Кычанов 1973, с. 134; Хоанг 1997, с. 106]. Л. Н. Гумилев заявляет: «Борте вернулась беременной и вскоре родила сына — Джучи. Тэмуджин признал его своим сыном и заявил, что Борте попала в плен уже беременной. Но сомнения грызли и отца, и сына» [Гумилев 19926, с. 289].

Однако какие же негативные последствия имели сомнения в происхождении Джучи для самого первенца Чингисхана и для его потомков? Как выясняется — никаких! Подозрения, высказанные в отношении Джучи, никогда не распространялись на его потомков, включая Бату. Он враждовал с некоторыми из своих родичей, потомков других сыновей Чингис-хана, которые порой позволяли себе его довольно грубо оскорблять, но среди этих оскорблений ни разу не встречается даже намек на происхождение Бату не от Чингис-хана. Напротив, Бури, внук Чагатай и один из главных недругов Бату, заявлял: «Разве я не из рода Чингисхана, как Бату?..» [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 123].

Позднее Бату стал главой рода Борджигин, самым старшим и почитаемым членом семейства Чингизидов. Более того, другие потомки Чингис-хана неоднократно предлагали ему трон великого хана. И впоследствии никто не выказывал сомнений в законном происхождении потомков Джучи: они не только носили ханские титулы в своих владениях, но и нередко приглашались на троны государств, принадлежавших другим ветвям Чингизидов. Самые известные примеры — приход в начале XVI в. к власти Шейбанидов в Бухарском ханстве и Арабшахидов — в Хивинском: Бухара и Хива входили в Улус Чагатай, а обе названные династии происходили от Шибана, сына Джучи. Казахский султан Ишим, потомок Туга-Тимура, сына Джучи, в 1695 г. был приглашен на трон Кашгара, а другой казахский султан Раджаб в 1722 г. вступил на самаркандский трон (Кашгар и Самарканд также входили в Улус Чагатай). Таким образом, какие бы слухи о происхождении Джучи ни распространялись, на судьбу Бату и других Джучидов они отрицательного влияния не оказали.

§ 3.2. Загадка вторая: место в имперской иерархии

Исследователи, высказывающие сомнения в происхождении Джучи от Чингис-хана, пытаются обосновать свою позицию, в частности, тем, что отец Бату так и не стал преемником своего родителя: мол, отец не доверял Джучи, лишил его права наследовать ханский титул и отправил в самые отдаленные западные владения своей империи. «Даже родной брат Джагатай в присутствии отца назвал царевича „наследником меркитского плена...“, чем вынудил отказаться претензий на наследие престола...» — пишет, в частности, Л. Н. Гумилев [Гумилев 19926, с. 289]. Однако Джучи стал наследником отцовского трона отнюдь не из-за сомнений Чингис-хана в своем отцовстве, а согласно древнему монгольскому обычаю: «Именно двор отца и матери достается всегда младшему сыну» [Вильгельм де Рубрук 1997, с.100]. Кроме того, у Чингис-хана было несколько приемных сыновей, и одного из них, Чагана, согласно «Сокровенному сказанию», он сделал начальником своей личной тысячи телохранителей, доверив этому приемному сыну свою жизнь. Анализ источников показывает, что самому Джучи, в отношении которого Чингис-хан всячески подчеркивал свое отцовство, он доверял не меньше, а гораздо больше.

Джучи не просто был отправлен на окраины Монгольской империи, а получил улус, не меньший, а возможно, и больший из всех, которые достались сыновьям Чингисхана.

В «Сокровенном сказании» приводится следующая информация: «Порешив выделить уделы для матери, сыновей и младших братьев, Чингис-хан произвел такое распределение. Он сказал: «Матушка больше всех потрудилась над созданием государства. Чжочи — мой старший наследник, а Отчигин — самый младший из отцовых братьев». Ввиду этого он, выделяя уделы, дал 10000 юрт матери совместно с Отчигином. Мать обиделась, но смолчала. Чжочию выделил 9000 юрт, Чаадаю — 8000, Огодаю — 5000, Толую — 5000, Хасару — 4000, Алчидаю — 2000 и Бельгутаю — 1500 юрт» [Козин 1941, § 242; см. также: Алтан Тобчи 1973, с. 186]. Как видим, Джучи получил наибольшее число людей из всех членов семейства Чингис-хана: брат последнего, Тэмугэ-отчигин, получил десять тысяч на двоих с матерью.

В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина приведены сведения о том, что все сыновья Чингис-хана (за исключением Тулуя, наследовавшего «коренной юрт» отца) получили при разделе владений в 1224 (или 1225) г. равное число воинов — по четыре тысячи человек [Рашид ад-Дин 19526, с. 274-276].

Интересно, что в поздней монгольской исторической традиции Джучи представлен как правитель западного крыла империи. В «Алтай Тобчи», составленном монгольским ламой Лубсан Данзаном во второй половине XVII в. приводится напутствие Чингис-хана, которое он дал Джучи, назначая его правителем западных уделов:

«В чем согласие между отцом и сыном?

Ведь не тайком отправляю я тебя [так] далеко,

[А для того,] чтобы ты управлял тем, чем я овладел,

Чтобы ты сохранил то, над чем я трудился,

Отделяю тебя, чтобы стал ты опорой

Половины моего дома и половины моей особы».

/Алтан Тобчи 1973, с. 231-232/

На основании этих сведений В. В. Трепавлов высказывает предположение, что Джучи стал соправителем отца [Трепавлов 1993, с. 86]. Однако следует принять во внимание, что «Алтай Тобчи» было написано в XVII в. и отражало в большей степени политическую идеологию монголов, сложившуюся в этот период времени. В XVI - XVII вв. в Монголии появился институт шитну-ханов («малых ханов») — соправителей хагана («великого хана») [Скрынникова 1988, с. 11-12]. Вероятно, по поручению монгольских правителей авторы летописей старались найти исторические обоснования этого института со времен Чингис-хана, благодаря чему и появился подобный фрагмент «Алтан Тобчи».

По нашему мнению, на возможное соправительство Чингис-хана и Джучи в большей степени указывает факт упоминания Джучи в источниках с ханским титулом. Можно было бы предположить, что Джучи, как и его сыну Бату, ханский титул был присвоен их преемниками с целью придания большей легитимности собственным правам на ханскую власть. Но дело в том, что Джучи назван ханом и в сочинениях, созданных еще во времена Угедэя и Бату! Например, Мухаммад ан-Насави в «Жизнеописании султана Джалал ад-Дина Манкбурны», написанном около 1241 г., протяжении всего своего повествования называет первенца Чингис-хана «Души-хан», тогда как его брата Чагатая ханом не называет, а про Угедэя говорит: «Уктай, который в наши дни является ал-хаканом» [Насави 1996 с. 131, 136]. Четвертого сына Чингис-хана, Тулуя, он также называет «Толи-ханом», что вполне объяснимо: после смерти отца и до Вступления на трон Угедэя Тулуй около двух лет управлял Монгольской империей. Ханом называют Джучи также францисканцы Иоанн де Плано Карпини и Бенедикт Поляк, посетившие Монгольскую империю в 1245-1247 гг. В их отчетах весьма скрупулезно отражены сведения о правящей верхушке империи, поскольку информаторами францисканцев были представители монгольской властной элиты [Христианский мир 2002, с. 20]. Так, ни Бату, ни другие Чингизиды в отчетах братьев Иоанна и Бенедикта не фигурируют под ханскими титулами — за исключением самого великого хана Гуюка. Но Джучи у них обоих упоминается под именем «Тоссук-кан» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 48; Ц. де Бридиа 2002, с. 110].

У Ата-Малика Джувейни, писавшего свою «Историю завоевателя мира» в 1250-е гг., Джучи упоминается под необычным титулом Джучи — «Улус-иди» («властитель улуса») [Juvaini 1997, p. 86; см. также: Boyle 1956, p. 148-152; Бойл 2002, с. 30]. Возможно, этот титул отражал особое место Джучи в иерархии Чингизидов. Полагаем, ханский титул мог быть присвоен ему вскоре после его смерти либо самим Чингис-ханом, либо его преемником Угедэем, что и нашло отражение в сочинении ан-Насави и в отчетах Иоанна де Плано Карпини и Бенедикта Поляка. Характерно, что Бату, став преемником отца в Улусе Джучи, этого титула не унаследовал: как мы имели возможность убедиться, он, подобно Джучи, получил ханский титул только спустя некоторое время после смерти.

§ 3.3. Загадка третья: обстоятельства смерти

Смерть Джучи (в результате которой Бату превратился из рядового представителя многочисленного поколения внуков Чингис-хана в одного из крупнейших улусных правителей Монгольской империи) неоднократно привлекала внимание хронистов и исследователей. И, так же как по поводу рождения Джучи, ни в источниках, ни в работах исследователей нет единодушия и по поводу его смерти.

В «Родословии тюрков» сообщается, что Джучи «умер в Дешт-и-Кипчаке за 6 месяцев до смерти Чингиз-хана», который умер в августе 1227 г.; Гаффари уточняет: «Умер он в реби 1 года мыши, 624 г. (≈ 19 II - 20. III. 1227) за 6 месяцев до отца» [СМИЗО 1941, с. 205, 210]. Более ранняя дата, 1225/1226 г., не представляется достоверной: в этом случае Бату в качестве преемника Джучи успел бы утвердить Чингис-хан, а не Угедэй, вступивший на трон в 1229 г. Дата же 641 г. х. (21.06.1243-08.06.1244), приводимая ан-Нувейри [СМИЗО 1884, с. 149], противоречит всем остальным источникам.

Можно выделить три основные версии смерти Джучи.

1. *Официальная версия, приведенная в трудах придворных историков Чингизидов*. Наиболее подробно она изложена в труде Рашид ад-Дина: «Чингис-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил северные страны, как то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кипчак и другие области тех краев. Когда же он уклонился от участия в этом деле, то Чингиз-хан, крайне рассердившись, сказал: „Я его казнию, не видать ему милости“, Джучи же неожиданно заболел и поэтому, когда отец по возвращении из страны таджиков прибыл в свои ставки, не смог приехать к нему, но послал ему несколько харваров добытых на охоте лебедей и рассыпался в извинениях. После этого Чингиз-хан еще несколько раз приказывал вызвать его к себе, но [тот] из-за болезни не приезжал и приносил извинения. Затем [однажды] какой-то человек из племени мангут проезжал через пределы юрта Джучи; а Джучи, перекочевывая, шел от юрта к юрту и таким же больным достиг одной горы, которая была местом его охоты. Так как сам он был слаб, то послал охотиться охотничьих эмиров. Когда тот человек увидел это сборище охотившихся людей, то подумал, что это [охотится сам] Джучи. Когда он прибыл к Чингиз-хану и тот спросил его о состоянии болезни Джучи, то он сказал: „О болезни сведений не имею, но на такой-то горе он занимался охотой“... По этой причине вспламенился огонь ярости Чингиз-хана, и, вообразив, что [Джучи], очевидно, взбунтовался, что не обращает внимания на слова отца, он сказал: „Джучи сошел с ума, что совершает такие поступки“. И приказал, чтобы войско выступило в поход в его сторону и чтобы впереди всех отправились Чагатай и Угедей, и сам собирался выступить в поход вслед за ними. В это время прибыло известие о печальном событии с Джучи в... году [в тексте пробел. — Р. П.]. Чингиз-хан пришел от этого в великую печаль и огорчение, он произвел расследование, выявилась ложь того мангута и было доказано, что Джучи был в то время болен и не был на охоте. [Чингиз-хан] потребовал того человека, чтобы казнить его, но его не нашли. Почтенные эмиры и гонцы, которые в разное время приезжали из Улуса Джучи, сказали, что смерть его произошла между тридцатью и сорока [годами его жизни], и эти слова сравнительно близки [к истине]. Другие же говорят, что его не стало в двадцатилетнем возрасте, но это чистое заблуждение» [Рашид ад-Дин 1960, с. 78-79]. Версию Рашид ад-Дина

повторяют и авторы более позднего времени, которые использовали его сочинение — в частности, неизвестный автор «Шейбани-намэ» (сер. XVI в.).

2. *Версия, приведенная в хрониках, авторы которых не расположены к монголам и к потомкам Джучи, в частности*. Так, ярый противник монголов Джузджани сообщает: «Когда Туши, старший сын Чингиз-хана, увидел воздух и воду Кипчакской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих. В ум его стало проникать желание восстать против своего отца; он сказал своим приближенным: „Чингиз-хан сошел с ума, что губит столько народа и разрушает столько царств. Мне кажется наиболее целесообразным умертвить отца на охоте, сблизиться с султаном Мухаммадом, привести это государство в цветущее состояние и оказать помощь мусульманам". Проведал о таком замысле брат его Чагатай и известил отца об этом изменническом плане и намерении брата. Узнав это, Чингиз-хан послал доверенных лиц своих отравить и убить Туши» [СМИЗО 1941, с. 14]. | Джузджани легко заподозрить в предвзятости: он сам сильно пострадал от монголов, вынужден был бежать от них Индию, где при дворе делийского султана написал сочинение, весьма негативно характеризующее монголов и, соответственно, их правящий род. Логично предположить, что намеренно приписал Чингиз-хану убийство сына, чтобы подчеркнуть свирепость и жестокость монголов, дискредитировать их правителя. Однако сходное сообщение мы находим и в «Алтай Тобчи»: «Гот Чагатай задумал против своего отца плохое, и когда он ехал к нему, то навстречу ему отправился Очир Сэчэн и дал ему яд. Говорят, вдвоем с Очир Сэчэном они и умерли» [Алтан Тобчи 1973, с. 293]. Несомненно, под «Чагатаем» здесь подразумевается Джучи: видимо, автор хроники не слишком хорошо представлял себе историю правителей западных владений Монгольской империи, живших за четыреста с лишним лет до него, и потому просто-напросто перепутал имена двух старших сыновей Чингиз-хана (это подтверждается еще и тем, что автор хроники далее повествует о деяниях Чагатая уже после смерти Чингиз-хана). В целом же, как видим, сообщение во многом повторяет версию Джузджани, хотя Лубсан Данзан, в отличие от персидского автора, вовсе не был заинтересован в том, чтобы бросить тень на род Чингизидов, поскольку создавал свой труд в монастыре, находившемся под покровительством ханов Халхи — потомков Чингиз-хана.

3. *Версия, основанная на степных преданиях*. Эта версия стоит особняком: ее авторы вроде бы и склоняются к насильственной смерти Джучи, но вместе с тем никого не обвиняют в его убийстве. Наиболее четко она отражена в «Чингиз-наме», сочинении хивинского автора сер. XVI в. Утемиш-хаджи, который сам признавался, что в большей степени опирался на устные рассказы хранителей степных преданий, а не официальные хроники: «Однажды, когда он охотился в горах, ему повстречалось стадо марал-кийиков. Преследуя его и пуская стрелы, он свалился с коня, свернул себе шею и умер» [Утемиш-хаджи 1992, с. 91]. Исследователи центральноазиатского (преимущественно казахского) эпоса приводят и другие варианты его гибели во время охоты — либо он был раздавлен стадом куланов, либо стал жертвой... тигра. Этому событию посвящена небольшая казахская народная поэма «Аксак кулан и Джучи хан», согласно которой Джучи был убит на охоте хромым куланом [см.: Молдобаев]. Любопытно, что косвенно подтверждают эту версию результаты археологических исследований предполагаемого мавзолея Джучи на реке Кенгир, в 45 км от Джезказгана, проводившихся в 1950—1990-х гг.: археологи обнаружили скелет мужчины, у которого не хватало костей одной руки, кроме того, в захоронении присутствуют кости диких животных [Егинбайулы 2001].

Легко заметить, что не только третья, но также первая и вторая версии смерти Джучи могли представлять собой распространенный историко-фольклорный сюжет, а не отражение реальных событий. Недоверие и зависть престарелого отца-правителя к сыну-богатырю, их взаимные претензии, которые нередко заканчиваются гибелью сына по воле отца или при выполнении опасного поручения — весьма распространенный сюжет в персидском и тюрко-монгольском эпосе [см., напр.: Фирдоуси 1994, с. 210 и след.; Липец 1984, с. 22]. От

отношения того или иного автора к Чингизидам зависела концовка сюжета — либо естественная смерть Джучи (у промонгольски настроенных историков), либо насильственная (у тех, кто не имел причин жаловать монголов вообще и Джучидов в частности).

На сегодняшний день исследователи склонны связывать смерть Джучи с естественной причиной — болезнью, поскольку источники сообщают, что в последние годы он много болел, и это было известно его отцу [см., напр.: Ускенбай 2003, с. 14]. Предположение же о насильственной гибели первенца Чингис-хана — лишь своеобразная дань высокому положению и значительной роли Джучи в истории: видимо, в осознании историков (даже официальных историографов, Чингизидов) просто не укладывался факт, что столь высокопоставленный правитель мог умереть такой «простой» смертью. Кроме того, обстоятельства смерти членов золотого рода в силу древних монгольских традиций чаще всего не подлежали широкой огласке, что давало дополнительный гимул для возникновения разного рода слухов и самых антастических версий кончины того или иного Чингизида. Как мы увидим ниже, и в смерти Бату ряд авторов склонен был видеть насильственную гибель...

Несмотря на то что Джучи, вероятнее всего, умер от болезни, а не был убит тайными недругами, ни для кого не были секретом его натянутые отношения с отцом, дядьями и братьями. Поэтому на нового правителя его улуса, кем бы он ни был, ложился тяжелый груз — установление с влиятельными родичами отношений, при которых ему удалось бы сохранить владения Джучи. Судьба распорядилась так, что этим правителем стал Бату, которому в год смерти отца исполнилось восемнадцать лет.

§ 4. Почему Батый наследовал отцу?

*И отдан Нимруз во владенье ему,
Великому, славному мужу тому.
Скрепил эту грамоту перстень царя,
Сказал он, ее исполину даря:
«О витязь, вовеки печалей не знай!
Хранимый тобой, да украсится край!»*
Фирдоуси, Шахнаме

В биографическом очерке о Бату, В. В. Бартольд пишет, что «Джучи умер на шесть месяцев раньше отца, т. е. примерно в феврале 1227 г.; из его 14 сыновей второй, Батый, был признан войсками на западе наследником Джучи, и этот выбор был впоследствии утвержден Чингиз-ханом или его преемником Угедеем» [Бартольд 2002а, с. 496], правда, ни на какой конкретный источник ученый при этом не сослался. Слова В. В. Бартольда можно понять так, что после смерти Джучи был собран курултай, на котором Бату и был провозглашен новым правителем улуса: именно предводители войска составляли большинство на таких съездах. Например, в «Сокровенном сказании» состав участников курултая, собравшегося для возведения на трон великого хана Угедэя, описывается следующим образом: «Чаадай, Бату и прочие царевичи Правой руки; Отчигин-нойон, Есунге и прочие царевичилевой руки; Толуй и прочие царевичи Центра; царевны, зятя, нойоны-темники и тысячники» [Козин 1941, § 269]. Вышеприведенная фраза В. В. Бартольда стала причиной создания историографического мифа о Бату — о его признании войсками, то есть избрании на курултае и, соответственно, ханском титуле. Которого, как я показал выше, он при жизни не носил. Так, о «признании» Бату сообщает Г. В. Вернадский [Вернадский 2000, с. 144]. М. Г. Сафаргалиев выражается еще более определенно: «После того, как Батый был провозглашен ханом Джучиева улуса, пришло известие о смерти и самого Чингис-хана» [Сафаргалиев 1996, с. 293]. Между тем сведений о том, что в Улусе Джучи после смерти его первого правителя состоялся курултай, нет ни в одном источнике. Ибо ханом Бату не был, и никакие войска его не избирали!

Поскольку нет никаких оснований считать Бату ханом, полагаю, можно определить его статус как правителя (фактически — наместника) Улуса Джучи, назначенного по распоряжению его деда Чингис-хана. Только от воли верховного правителя Монгольской империи зависело, кто унаследует власть в том или ином улусе или даже более мелком владении. Таким правителем на момент смерти Джучи являлся Чингис-хан, и только он мог решать судьбу любого улуса. Это объяснялось даже не столько правовым статусом того или иного улуса и органов его власти, сколько тем, что все улусы Монгольской империи находились в личной собственности рода Чингис-хана. Поэтому распоряжаться ими мог только сам великий хан и семейный совет Чингизидов [см.: Владимирцов 2002, с. 395-397].

Таким образом, назначение правителя улуса — даже не административное распоряжение, а практически «внутрисемейное дело», и Бату получил в управление Улус Джучи как член рода Чингизидов. А чтобы Чингис-хан признал во-воинок и утвердил их выбор — это вообще нонсенс, полного примера мы не встречаем ни разу за всю историю Монгольской империи! Правитель улуса назначался исключительно по воле монарха из Каракорума, так же было и в случае с Бату. Статус Бату и порядок его прихода к власти в Улусе Джучи не являлся тайной и был известен даже иностранцам. «Нойон Байот [Байджу-нойон, правитель ма-лоазиатских владений Монгольской империи. — Р. П.] и Бато являются назначенными им [великим ханом. — Р. П.] правителями», — сообщает папский посланец к монголам Симон де Сент-Квентин [Saint-Quentin 1965, XXXII, 40]. И, возможно, только после того как великий хан утвердил Бату, были собраны предводители войск Улуса Джучи — но не для принятия решения, а лишь для заслушивания распоряжения великого хана.

Именно такой вывод позволяют сделать источники, сообщающие о смерти Джучи и наследовании ему Бату. «Туши был старший сын Чингиз-хана. Когда он, вследствие замысла против отца, переселился из мира сего, то после него осталось много сыновей; старше всех их был Бату; его Чингиз-хан посадил (на престол) на место его отца», — сообщает Джузджани. «Батуй-хан, сын Джучи-хана, после смерти отца, по указу великого деда своего Чингиз-хана, поставил ногу на трон султанства Дешт-и-Кипчака», — вторит ему автор «Родословия тюрков» (XV в.). «Бату-хан, сын Джучи, прозвище которого было Саин-хан. По указу Угетай-каана он сел на место отца», — говорит персидский автор середины XVI в. Гаффари; хотя, по его словам, наследника Джучи назначил не Чингис-хан, а его преемник, принципиальных отличий от сообщений более ранних авторов нет: Бату наследовал своему отцу по воле великого хана [СМИЗО 1941, с. 15, 205, 210]. Хивинский хан Абу-л-Гази в «Родословном древе тюрков» (сер. XVII в.) описывает обстоятельства прихода Бату к власти сходным образом: «Чингиз-хан, услышав о смерти Джучи-хана, крайне опечалился и носил траур... По окончании траурных дней он сказал Утчикину [Тэмугэ-отчигину. — Р. П.]: „Отправься в Дешт-Кипчак и второго Джучи-ханова сына, Бату-Саин-хана, как его прозвали, возведи на отцовский престол; младшим его братьям и эмирам вели быть в повиновении у него"» [Абуль-Гази 1996, с. 98].

Важно отметить, что, согласно правилам наследования в Монгольской империи, Джучи совершенно не обязательно должен был наследовать его сын: теоретически правителем его улуса мог стать любой член рода Чингис-хана [Султанов 2001, с. 60 и след.]. Подобных примеров мы немало

находим в истории государств Чингизидов: в Чагатаевом улусе восходили на трон потомки Угедэя и Джучи, в государстве Хулагуидов — потомки Арик-Буги, брата Хулагу и даже Джучи-Хасара — брата Чингис-хана, то есть вообще не Чингизиды! Тем не менее наследником Джучи стал именно его сын Бату. Почему?

Согласно Абу-л-Гази, Чингис-хан, отправляя своего брата Тэмугэ-отчигина в Улус Джучи, завершил свое напутствие ему следующими словами: «...младшим его братьям и эмирам вели быть в повиновении у него. Если его братья эмиры не будут держаться этого распоряжения, то ты останься там и мне доноси о тамошних делах; мы примем на себя заботы об устройстве их» [Абуль-Гази 1996, с. 98]. Полагаю, этот фрагмент во многом

объясняет ту готовность, которой члены семейства Джучи и нойоны его улуса приняли предложенного Чингис-ханом кандидата: в противном случае властитель Монгольской империи установил бы свое прямое правление над западным крылом, назначив гуда не правителя-Чингизида, а своего простого наместника-даругу, ставшего бы просто проводником воли великого хана. Это совсем не устраивало аристократов Улуса Джучи, которые, естественно, предпочли грозному деду молодого и неопытного внука, сохранив порядок управления, сложившийся в улусе еще при Джучи. Однако это соображение не содержит ответа на вопрос, почему сам Чингис-хан предложил в качестве кандидата именно Бату: ни в сведениях Абу-л-Гази, ни в более ранних источниках нет ответа на вопрос, почему именно Бату сменил отца в качестве правителя улуса.

Не имея такового, исследователи высказывают различные предположения, стремясь «рационализировать» причины выбора, сделанного Чингис-ханом. Так, например, одни утверждают, что Бату был старшим из сыновей Джучи и именно поэтому стал наследником отца [Сафаргалиев 1996, с. 311; Григорьев 2000, с. 31]. Другие настаивают на том, что Бату уже с молодости успел проявить себя полководцем, что и обусловило его выбор [Chambers 2001, p. 50; Хрусталева 2004, с. 65]. Рассмотрим, насколько оправданны подобные предположения.

Был ли Бату старшим? У Джучи было много сыновей, и Бату не был старшим среди них: только Джузджани сообщает, что «старше всех их был Бату», тогда как большинство источников называет старшим Орду. Более того, некоторые свидетельства позволяют предположить, что у Бату были и другие старшие братья. Так, Джувеини при перечислении сыновей Джучи, «достигших возраста», первым называет Бувала, затем «Хорду» (т. е. Орду) и только потом Бату [Juvaini 1997, p. 266-267}. Бувал традиционно считается седьмым сыном Джучи, но, возможно, не по возрасту, а по положению в семейной иерархии Джучидов: его мать была наложницей, а не официальной супругой Джучи. Возможно, что и тринадцатый сын Джучи — Туга-Тимур, также родившийся от наложницы, мог быть старше Бату по возрасту: по сообщению Абу-л-Гази, именно он остался наместником Улуса Джучи, когда Бату отправился на великий курултай в Монголию [Абуль-Гази 1996, с. 98]. В турецкой рукописи, извлечение из которой было опубликовано А. Негри в 1844 г., содержится сообщение: «Токтимур, Герде и Бату, трое из сыновей покойного, пользовавшиеся наибольшим уважением, отправились после того к Чингису искать его милостей» [Негри 1844, с. 385]. Возможно, ровесниками Бату были и двое следующих братьев — Шибан и Тангут, вместе с ним участвовавшие в походах на Запад. Таким образом, отнюдь не старшинство Бату явилось причиной его избрания.

Источники не сообщают ни о подвигах Бату на поле брани, ни о его мастерстве наездника, меткости в стрельбе из лука или мастерском обращении с другими видами оружия. Только Шериф ад-Дин Йезди, описывая войну с Волжской Булгарией, мимоходом упоминает, что «Бату лично вступил в (самое) сражение и произвел несколько нападений сряду» [СМИЗО 1941, с. 146]. Несомненно, если бы преемник Джучи проявил себя в военном ремесле, авторы панегириков, посвященных ему, обязательно сообщили бы об этом. Ведь есть же в них сведения о том, что Шибан, брат Бату, был отважным воином, что их двоюродный брат Мунке (будущий великий хан) совершал в бою «богатырские подвиги», что другой двоюродный брат Байдар был метким стрелком из лука. А среди многочисленных достоинств Бату ратное искусство и военные подвиги не значатся. Проявить себя полководцем при жизни отца Бату также не мог просто в силу естественных причин: в год смерти Джучи его преемнику было около восемнадцати лет, а юношам такого возраста командовать войсками доверяли нечасто. Сам Джучи впервые был поставлен отцом во главе войск, когда ему было не менее 25 лет [Козин 1941, § 239].

Ни один источник не сообщает, что Бату пользовался особой благосклонностью своего деда Чингис-хана, в отличие, например, от других внуков — Мутугена, Хубилая или Есунке-ака, сына Хасара, которого великий хан даже пожелал увидеть перед кончиной.

Единственным объяснением причины выбора Чингис-хана на основании сведений

источников может быть происхождение Бату по линии матери — Уки-хатун, которая была дочерью Алчу (Ильчи)-нойона из племени кунграт. В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина среди нескольких сотен монгольских племенных вождей и аристократов назван только один Алчу-нойон-кунграт: это — сын Дай-сэчена, одного из племенных вождей кунгратов и... брат Борте-хатун, главной супруги самого Чингис-хана! [Рашид ад-Дин 1952а, с. 162; 1960, с. 71]. Таким образом, Уки-хатун была не только супругой Джучи, но и родной племянницей «старшей госпожи» властителя Монгольской империи, которая всю жизнь имела на него большое влияние.

Вполне возможно, что после смерти Джучи его мать Борте могла предложить Чингис-хану сделать преемником того из сыновей их первенца, который приходился ей не только внуком по отцу, но и внучатым племянником по матери. И предложение это могли поддержать ее могущественные родичи-кунграты — Алчи-нойон, его сын Шикунгурган, женатый на дочери Чингис-хана, и другие представители этого влиятельного клана, которые в течение многих поколений выдавали своих дочерей за Чингизидов и сами женились на представительницах Золотого рода: «их ранг [максаб] был таков, что они сживали выше сыновей [Чингиза]...» [Рашид ад-Дин 19523, с. 162; 19526, с. 273; Султанов 2001, с. 18]. Чингис-хан легко согласился на кандидатуру Бату, поскольку не видел оснований идти в этом вопросе на конфликт со своей главной женой и ее могущественной родней. Таким образом, Бату возглавил Улус Джучи по воле деда, вероятно, благодаря родственным связям своей матери.

§ 5. Батый среди Джучидов

И стала потом Алан-гоа так наставлять своих сыновей: «Вы все пятеро родились из единого чрева моего и подобны вы давешним пяти хворостинкам. Если будете поступать и действовать каждый сам лишь за себя, то легко можете быть сломлены всяким, подобно тем пяти хворостинкам. Если же будете согласны и единоклюны, как те связанные в пучок хворостинки, то как можете стать чьей-либо легкой добычей?»

Сокровенное сказание

Итак, восемнадцатилетний царевич, один из многочисленных внуков Чингис-хана, занял место правителя крупнейшего улуса Монгольской державы после своего отца — старшего сына Чингис-хана, прославленного полководца.

Матерью Бату, как уже было сказано, была Уки-хатун из племени кунграт, которая была либо второй, либо даже шестой супругой Джучи [СМИЗО 1941, с. 40-41]. Согласно бухарскому сочинению «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме», составленному в начале XVI в., сын Джучи по имени Мухаммад «родился вместе с Бату» [МИКХ 1969, с. 39]. Писавший на основании степных преданий хивинский автор XV в. Утемиш-хаджи, правда, заявляет, что Бату и Орду «родились от дочери Турали-хана, его [Йочи-хана] жены» [Утемиш-хаджи 1992, с. 92], но его сведения противоречат всем другим источникам, которые сообщают, что матерью Орду-эдженна была Саркан (или Сартак)-хатун из племени кунграт. Возможно, что у Бату было несколько родных сестер: например, Рашид ад-Дин, сообщая о Кулуй-Икачи, выданной замуж за Иналджи-ойрата, называет ее «одной из сестер» Бату, а не просто дочерью Джучи [Рашид ад-Дин 1952а, с. 119-120].

Однако у первенца Чингис-хана было много жен, от которых народилось множество сыновей, сведения о количестве которых в источниках расходятся. Рашид ад-Дин, в частности, сообщает, что «у него было около сорока сыновей и от них народилось несчетное количество внуков» [Рашид ад-Дин 1960, с. 66]. Таким образом, у Бату было немало сводных братьев, некоторые из которых и по возрасту, и по статусу имели основания рассчитывать на

получение собственных уделов в Улусе Джучи. Источники представляют различную информацию о том, каким образом был осуществлен раздел владений между Джучидами.

Рашид ад-Дин, например, пишет, что «из войск Джучи-хана одной половиной ведал он [Орду. — Р. П.], а другой половиной — Бату», отмечая при этом, что «Менгу-каан в ярлыках, которые он писал на их имя по поводу решений и постановлений, имя Орды ставил впереди» [Рашид ад-Дин 1960, с. 66]. Из этого сообщения не очень понятно, каким образом Орду возглавил «половину войск» Улуса Джучи. Более подробную информацию мы находим у хивинского историка XVI в. Утемиш-хаджи: «Чингизхан... устроил кору-нуш... Саин-хан снова преклонил колена и сказал: „Когда умер наш отец, я сказал [Иджану⁷]: „Вместо него [ты] все равно [что] мой отец. Будь ханом, так как мы идем в чужой юрт“. [Он] не согласился. Не могу понять, по какой причине [он] не согласился. [И я] пришел, чтобы изложить вам это свое заявление“. [Чингиз] хан сказал: „Саин говорит слова, соответствующие йасаку. Почему [же] ты не согласился?“ Когда Иджан также преклонил колена [и] сказал: „Да, мой хан! Верно, что я старше летами. Но наш отец очень любил его и вырастил баловнем. До сих пор я покорялся ему. Он [же] не покорялся мне. Если я стану ханом, и не смогу по-прежнему покоряться ему, между нами возникнут злоба и ненависть. Я не соглашаюсь [стать ханом] по той причине, что покажусь вам дурным. Пусть ханом стает теперь только он. Я снесу его ханствование“, — [Чингис] хан растрогался от этих слов, вспомнил своего сына Джочи-хана, прослезился, воздал им обоим еще большую хвалу и сказал: „Завтра [мы] посоветуемся с беками и дадим ответ“. Наутро, устроив совет с беками, [Чингизхан] в ответствии с ханской ясой отдал Саин-хану правое крыло вилайетами на реке Идил, [а] левое крыло с вилайетами вдоль реки Сыр отдал Иджану» [Утемиш-хаджи 1992, с. 92-93]. На основании этой информации можно сделать вывод, то по воле Чингис-хана Улус Джучи был разделен между Бату и Орду на два крыла.

Принципиально иную информацию находим у хивинского хана-историка Абу-л-Гази: «Когда Саин-хан, возвратившись из этого похода [имеется в виду поход на Запад 1236-1242 гг. — Р. П.], остановился на своем месте, сказал Орде, по прозванию Ичен, старшему из сыновей Джучи-хана: „В этом походе ты содействовал окончанию нашего дела, поэтому в удел тебе отдается народ, состоящий из пятнадцати тысяч семейств в том месте, где жил отец твой“. Младшему своему брату, Шибан-хану, который также сопутствовал своему брату Саин-хану в его походе, отдал в удел из государств, покоренных в этом походе, область Корел; и из родовых владений отдал четыре народа: Кушчи, Найман, Карлык и Буйрак, и сказал ему: „Юрт (область), в втором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала; а во время зимы живи в Ара-куме, Кара-куме и по берегам реки Сыр — при устьях рек Чуй-су и Сари-су"» [Абуль-Гази 1996, с. 104]. Однако следует иметь в виду, что сам Абу-л-Гази был потомком Шибана и, прославляя своего предка, старался избегать упоминаний о более высоком положении других сыновей Джучи — за исключением, возможно, Бату, который для всех Джучидов был идеалом правителя. Поэтому, рассказывая об Орду, историк подчеркнул, что он получил удел от Бату — как и Шибан, и потому у его, Орду, потомков нет оснований считать себя выше Ши-банидов. К сведениям хана-историка можно отнестись с недоверием, тем более что Утемиш-хаджи (также хивинский историк, стремившийся прославить род Шибанидов) не упоминает о том, что Орду и Шибан получили свои уделы в одно время и в одинаковом порядке. Можно с достаточной степенью определенности утверждать, что удел Шибана был создан в рамках улуса Бату по его решению, тогда как Орду управлял автономным владением по воле Чингис-хана. Другое дело, что окончательное территориальное оформление уделов Бату и Орду могло иметь место после западного похода — когда стало ясно, какие земли и в каком количестве находятся в распоряжении семейства Джучидов [ср.: Трепавлов 1993, с. 99].

⁷ «Иджан» — вариант произношения титула Орду — «эджен», о котором см. § 16.

Современник и помощник Рашид ад-Дина по имени Шихаб-ад-дин Абдаллах ибн Фазлаллах Ширази, более известный как Вассаф-и-хазрет, приводит следующие сведения: «Бату... сделался наследником царства отцовского, а четыре личные тысячи Джучиевы... составлявшие более одного тумана живого войска, находились под ведением старшего брата Хорду» [СМИЗО 1941, с. 84-85]. Эта информация, в свою очередь, позволяет предположить, что Бату, формально возглавляя улус, фактически не распоряжался войсками: они находились в ведении его старшего брата! То есть младшему достались титул и формальное главенство, а старшему — реальная власть, которую обеспечивали войска. Такая форма соправительства была характерна для тюркских и раннего монгольского государств [см.: Скрынникова 1997, с. 125; Трепавлов 2005, с. 80]. Однако следует отметить, что подобное разделение функций правителей отсутствовало уже при Чингис-хане, а тем более — при его преемниках.

Наконец, монгольская хроника XVII в. «Алтан Тобчи» держит информацию о том, что раздел владения между Джучидами мог быть осуществлен по-иному: «Потомство владыки Джочи, старшего сына августейшего владыки, владело [страной] кипчаков и Тогмоком: Агасар-хан, Тарбис-хан, ибан, Искэр, Туху, Сангхуд, —[все] они владели и ведали городами, находящимися в тех [землях]». Современные исследователи полагают, что Агасар-хан — это Беркечар, Тарбис-хан — Тангут, Искэр — Шингкур, Туху — Туга-Тимур, Сангхуд — Шингкум [Алтай Тобчи 1973, с. 243, прим. 5 с. 374]. Бату, как видим, среди наследников отцовских владений вообще не упомянут. Если принять во внимание о сообщении, то можно сделать даже такой вывод, что Бату распределил между братьями владения отца, чтобы обеспечить себе их лояльность и поддержку, а сам оказался без собственного удела. Между тем Джувейни сообщает о народах «Булгар, Ас и Рус, находившихся по соседству со становищем Бату, до сих пор неподчиненных и [тщеславно] гордившихся множеством своих городов» [цит. по: Арсланова 2002, с. 161]. Это сообщение позволяет предположить, что до похода на Запад в 1236-1242 гг. у Бату был удел в Приуралье, на границе с Волжской Булгарией, но эти владения, видимо, не соответствовали ни статусу, ни амбициям Бату, поэтому вполне понятна его активность по организации и осуществлению западного похода: ему нужен был собственный удел, который бы отвечал его статусу главы Джучидов и превосходил бы по территории владения других братьев.

Вряд ли можно с большой степенью достоверности установить, какой из источников содержит сведения, больше соответствовавшие реальности. Для нас остается фактом только то, что многочисленные старшие и младшие братья Бату «подчинились ему и покорились». А Орду, старший брат, «был согласен на воцарение Бату, и на престол на место отца именно он его возвел» [Рашид ад-Дин 1960, с. 66]. Безусловно, пока был жив Чингис-хан, его воля являлась законом для всех в Монгольской империи, включая и самих Чингизидов. Но, как известно, Чингис-хан умер спустя полгода после Джучи, в том же 1227 г. И тут же начались первые конфликты между членами правящего рода. Даже избрание великим ханом Угедэя, которого сам Чингисхан назвал своим преемником, не обошлось без сложностей. Между тем в Улусе Джучи ни после смерти Чингис-хана, ни в течение всего последующего долгого правления Бату источники ни разу не упоминают хотя бы об одном его конфликте с братьями, покушении на его власть с их стороны. В более поздние периоды жизни Бату — после похода на Запад и тем более после приобретения статуса главы рода Чингизидов в 1240-е гг. — уважение и покорность братьев Бату выглядит вполне понятной. Но почему они признавали его главенство уже на раннем этапе его правления?

Полагаю, что лояльность остальных Джучидов по отношению к Бату обеспечивалась не только волеизъявлением Чингис-хана или тем более выдающимися качествами самого наследника Джучи (как уже отмечалось, к восемнадцати-девятнадцати годам у него просто не было возможности их проявить), но и тем, что он обладал «*suu jali*». Это средневековое монгольское понятие, переводимое современными исследователями как «харизма» [Скрынникова 1997, с. 45-47, 116-117; 2001, с. 143-144], обозначало наличие у ее обладателя способности осуществлять посредничество между людьми и Небом. Правители кочевых

государств не только предводительствовали войсками во время войны, осуществляли контакты с иностранными государствами и судебную власть, но и исполняли некоторые сакральные обязанности — были посредниками между Небом и своими подданными, обеспечивали небесное покровительство своему государству и благоденствие народу [Кляшторный 1984, с. 145; Скрынникова 1997, с. 125]. Источники сообщают, что во время похода на Запад Бату совершал священные ритуалы, призывая помощь Неба в грядущих завоеваниях. Например, по сообщению Рашид ад-Дина, перед битвой с булгарами в 1236 г. «по обычаю Чингиз-хана Бату взошел на вершину одного холма и (одни) сутки молил бога и рыдал» [цит. по: Арсланова 2002, с. 173; ср.: СМЗСО 1941, с. 145-146]. Венгерский хронист Фома Сплитский пишет: «Тогда Бат, старший предводитель татарского войска, взобравшись рхолм, внимательно осмотрел расположение войска венгров, вернувшись к своим, сказал: „Друзья, мы не должны терять бодрости духа: пусть этих людей великое множество они не смогут вырваться из наших рук, поскольку ими управляют беспечно и бестолково...“» [Фома Сплитский 1997, с. 107]. Полагаю, что речь идет о таком же ритуале, о котором писал и Рашид ад-Дин: по-видимому, венгерский монах не сумел или не захотел понять истинных причин, побудивших Бату «взобраться на холм», и объяснил действия с рациональной позиции. Между тем других сообщений о подобных «разведках» наследника Джучи в Сточниках не содержится. Вполне очевидно, что Бату обратился к Небу перед битвой с венграми и, спустившись с холма, объявил войскам, что благословение божества получено, и их ожидает победа. Приведенные сообщения позволяют предположить, что Бату, как обладатель харизмы, пользовался большим уважением среди монголов: слабому правителю просто не доверили бы право быть посредником между Небом и людьми! Это качество обусловило почтение к нему как со стороны собственных братьев, так и со стороны других представителей рода Чингизидов и прочей монгольской знати.

§ 6. Батый и восточные Чингизиды

*А если при старших ты службу несешь,
Язык придержи, да и слово устрожь.*

Юсуф Баласагуни. Благодатное знание

«Политическим дебютом» Бату стало участие в курултае, на котором его дядя Угедэй стал великим ханом.

В самом раннем из источников, современных Бату, — «Сокровенном сказании», созданном, как принято считать, около 1240 г., — содержится следующее сообщение: «В год Мыши (1228) в Келуренском Кодеу-арале собрались все полностью: Чаадай, Бату и прочие царевичи Правой руки; Отчигин-нойон, Есунге и прочие царевичилевой руки; Толуй и прочие царевичи Центра; царевны, зятья, нойоны-темники и тысячники. Они подняли на ханство Огодай-хана, которого нарек Чингис-хан» [Козин 1941, § 269]. Автору монгольской хроники вторит и историк начала XIV в. Рашид ад-Дин: «Когда ослабла сила и ярость холода и наступили первые дни весны, все царевичи и эмиры направились со [всех] сторон и краев к старинному юрту и великой ставке. Из Кипчака — сыновья Джучи-хана: Урадэ, Бату, Шейбан, Берке, Беркечар, Бука-Тимур; из Каялыга — Чагатай со всеми сыновьями и внуками; из Имиля и Кунака — Угедей-каан с сыновьями и своим родом; с востока — их дяди Отчигин, Бильгутаи-нойон и их двоюродный брат Илджи-дай-нойон, сын Качиуна. — со всех сторон в местность Келурен явились эмиры и сановники войска» [Рашид ад-Дин 1960, с. 18-19]. Абу-л-Гази, хотя и опиравшийся в значительной степени на труд персидского историка, приводит несколько иной перечень сыновей Джучи, прибывших на курултай: «Бату-хан, поручив свое царство младшему своему брату Тукай-Тимуру, отправился в Кара-корум, столицу Чингиз-ханов, взяв с собой пятерых своих братьев — Орду, Шибана, Беркея, Джамбая, Беркечара; с ними также был Уткикин [Абуль-Гази 1996, с. 98]. Таким

образом, в 1228/1229 г. Бату впервые принял участие в мероприятии общеимперского масштаба как правитель Улуса Джучи.

Правда, хивинский автор XVI в. Утемиш-хаджи сообщает, что Бату и его брат Орду прибыли к Чингис-хану вскоре после смерти Джучи: «Саин-хан был моложе. Сказал он своему старшему брату Иджану: „Ты мой старший брат, [который] заменил мне отца. Значит, ты мне отец. Мы уходим в чужой юрт. Ты будь ханом"... Когда тот не согласился и тогда [Саин] сказал: „В таком случае давай что-нибудь предпримем. Давай пойдем к нашему великому деду Чингиз-хану. И я изложу свои слова, и вы изложите ваши слова. Каково ни было повеление нашего деда, по тому и поступим", — [тот] одобрил эти слова и принял [их]. Два сына, родившиеся от одной матери, и семнадцать сыновей, родившиеся от других матерей, все вместе отправились на корунуш к великому хану» [Утемиш-хаджи 1992, с. 92]. Но это сообщение автора XVI в., опиравшегося на степные легенды и предания, не подтверждается другими источниками. Только в сочинении Абу-л-Гааи, писавшего еще позже, в XVII в., сообщается, что «чувствуя свою слабость он [Чингиз-хан. — Р. П.] созвал к себе детей и вельмож. Джучи-хана в это время уже было в живых, и Чингиз-хан велел представить к себе его детей. Дал им наставление...» [Абуль-Гази 1996, с. 79]. Однако из сообщения хивинского хана, писавшего через четыреста лет после смерти Бату, нельзя понять, кто именно из детей Джучи был вызван Чингис-ханом и был ли среди к Бату...

Во процессе своего участия в курултае Бату должен был решить несколько задач. Первая из них была официальная — участие в церемонии возведения на трон Монгольской империи Угедэя, унаследовавшего трон по завещанию Чингис-хана, и принесение присяги новому хану. Тут стоит обратить внимание, что вопрос о преемнике Чингис-хана имел на тот момент вовсе не единственный вариант ответа. Несмотря на то что Чингис-хан дважды выразил свою волю, назвав своим преемником Угедэя, после смерти основателя империи появилось несколько претендентов на власть, которые могли решиться оспорить завещание Чингис-хана.

Это понимал и сам Чингис-хан, который незадолго до смерти, провозгласив Угедэя своим наследником в очередной раз, заметил: «Чагатай здесь нет; не дай бог, чтобы после моей смерти он, переиначив мои слова, учинил раздор в государстве» [Рашид ад-Дин 19526, с. 232]. В самом деле, Чагатай являлся старшим среди Чингизидов, да еще и обладал весьма властным характером. Однако он не выступил соперником брата и, даже напротив, признав Угедэя великим ханом, в дальнейшем ни разу не имел с ним противоречий и в течение всего правления своего младшего брата являлся его ближайшим помощником.

Зато Тулуй, младший сын Чингис-хана и Борте, обладавший титулом «Еке-нойон» («Великий князь»), был весьма вероятным претендентом на трон. Он пользовался большой популярностью в народе и войсках и к тому же, как младший сын, после смерти Чингис-хана унаследовал его коренной юрт — Монголию и завоеванные к тому времени китайские территории. Более того, он стал регентом Монгольской империи, и именно ему предстояло организовать курултай для избрания преемника Чингис-хана. Тулуй настолько вжился в образ правителя, что всячески старался оттянуть созыв курултая — тому же Елюй Чуцаю пришлось «вразумлять» и Еке-нойона: «Тай-цзун {Угедэй. — Р. Я.} должен был вступить на престол, собрались все [его] сородичи на съезд, но еще не принимали [окончательного] решения. Жуй-цзун [Тулуй. — Р. П.] был родным младшим братом Тай-цзуна, и поэтому [Елюй] Чу-цай сказал Жуй-цзуну: „Это — великая забота династии. Надо побыстрее разрешить [ее]". На это Жуй-цзун сказал: „Дело еще не готово. Можно ли выбрать другой день?" [Елюй] Чу-цай ответил: „Пропустите этот — не будет [другого более] счастливого дня"» (Биография 1965, с. 188; см. также: Султанов 2001, с. 41).

Еще одним претендентом на трон мог стать Годан, собственный сын Угедэя: уже Чингис-хан видел его своим следующим наследником после Угедэя. Но Годан «страдал от болезни *алаг-марья*» — какого-то кожного заболевания, что не позволило ему занять трон [История Эрдэни-дзу 1999, с. 149].

Источники не сообщают о том, что на трон после смерти Чингис-хана стал

претендовать его младший брат Тэмугэ-отчигин. Но, учитывая, что впоследствии, после смерти Угедя, он пытался занять трон, вполне возможно, что и он мог стать конкурентом Угедю. Однажды, еще при жизни Чингис-хана, Угедэй усомнился, будет ли его потомство достойно ханского трона, на что его отец ответил, что «уж если у Огодая народятся такие потомки, что хоть травушкой-муравушкой оберни — коровы есть не станут, хоть салом окрути — собаки есть не станут, то среди моих-то потомков уже-так-таки ни одного доброго и не родится?» [Козин 1941, с. 255]. Слова Чингис-хана были истолкованы так, что на трон великого хана отныне могли претендовать только его прямые потомки. И впоследствии любой не-Чингизид, предъявивший претензии на трон (включая потомков братьев Чингис-хана и даже его собственных потомков по женской линии), считался узурпатором и подлежал казни: тот же Тэмугэ-отчигин за попытку захвата власти был осужден Гуюком и казнен «на основании ясы» [Juvaini 1997, p. 255; ср.: Султанов 2001, с. 67, 82-83].

Итак, после долгих интриг, переговоров и соглашений в год земли-коровы (1229 г.) в урочище Худугэ-Арал Угедэй официально был объявлен великим ханом и воссел на трон своего отца.

По-видимому, Бату играл в церемонии значительную роль как правитель Улуса Джучи. В вышеприведенном фрагменте из «Сокровенного сказания» в списке участников курултая он назван вторым — сразу же после Чагатая, что свидетельствует о его высоком статусе среди Чингизидов: он был вторым из правителей в западных улусах (среди «царевичей Правой руки»). Источники не отмечают, что Бату пытался чинить какие-то препятствия избранию Угедя или стал на сторону кого-либо из других претендентов на трон. Скорее всего, наследник Джучи прекрасно отдавал себе отчет, что его участие в церемонии избрания — не самая важная цель поездки в Монголию: гораздо важнее ему было получить от нового хана подтверждение своего статуса правителя Улуса Джучи.

Ряд авторов — как современников Бату (Джузджани), так и более поздних (Утемиш-хаджи, Абу-л-Гази) — утверждает, что Бату наследовал отцу по воле Чингис-хана. Другие сообщают, что Бату утверждал уже преемник Чингисхана — Угедэй: «Он (Туши) умер шестью месяцами раньше Чингиз-хана. Место его Угетай-каан дал сыну его Бату-хану сыну Туши-хана», — пишет персидский автор первой половины XIV в. Хамдаллах Казвини; арабский ученый начала XV в. ал-Калкашанди также сообщает, что «когда Чингис-хан умер, утвердился в государстве Дешт-и Кипчак (Маверан-нахр) и на соседних землях Бату сын Джучи сына Чингисхана» [СМИЗО 1941, с. 90; Григорьев, Фролова 1999, с. 84]. Противоречие источников в этом вопросе, на наш взгляд, кажущееся: видимо, Чингис-хан назначил правителем Бату, который должен был явиться к деду для формального утверждения, но этому помешала смерть Чингис-хана, поэтому Бату был утвержден уже решением новоизбранного великого хана Угедя.

Из сообщений авторов, перечисляющих сыновей Джучи, отправившихся на курултай, вполне определенно следует, что в Монголию прибыли далеко не все потомки Джучи. Хотя на курултай поехали несколько старших сыновей, но в Улусе Джучи оставались: Бувал — возможно, самый старший из Джучидов, Тангут — вероятно, ровесник Бату, а по сообщению Абу-л-Гази — и Туга-Тимур. А между тем всем членам августейшего семейства полагалось в обязательном порядке присутствовать на великом курултае! Выходит, семейство Джучидов не очень-то доверяло своим восточным родичам и подстраховывалось на тот случай, если старшие Чингизиды попробуют расправиться с сыновьями Джучи, прибывшими в Монголию: среди оставшихся дома братьев нашелся бы подходящий по возрасту и положению, чтобы занять место главы семейства и улуса.

Основания для подозрений у Джучидов имелись. У Чингис-хана было четверо сыновей от главной жены — Борте-хатун, а также несколько сыновей от других жен: Дзочибэй от Есуй-хатун, Харачар, Хархаду и Чахур от Есуген-хатун и Кулугэ (Кулькан) от Хулан-хатун. Рашид ад-Дин упоминает следующих сыновей Чингис-хана от младших жен: Джаур от Есукат-хатун, Джурчитай от наложницы из племени найман, и Урджакан от наложницы из племени татар, которые, по его словам, «умерли в юности» [Алтан Тобчи 1973, с. 243; Рашид

ад-Дин 19526, с. 71-72]. Таким образом, помимо четырех «кулуков» (так именуются сыновья Чингис-хана и Борте в монгольской исторической традиции), только самый младший, Кулькан, упоминается, как достигший зрелости, имевший детей и как-то проявивший себя после смерти отца. Остальные умерли в детстве или молодости, не оставив потомства, но ни один источник не сообщает, что они скончались раньше отца. Напротив, у Джувейни есть сообщения, что перед смертью Чингис-хан «призвал к себе своих сыновей Чагатая, Угедэя, Улуг-нойона, Колгена, Джурчетея и Орчана» и что ко времени прибытия участников на курултай 1228 г. «младшие братья Улуг-нойона» уже находились в ставке Чингис-хана на Керулене [Juvaini 1997, p. 180-184]. Поскольку Улуг-нойон (Тулуй) был последним сыном Чингис-хана от Борте, Джувейни, несомненно, говорит о сыновьях Чингис-хана от других жен. Это дает основание предположить, что старшие сыновья Чингис-хана вскоре после его смерти вполне могли избавиться от своих младших сводных братьев, конкурентов в борьбе за трон и при распределении уделов. Подобная участь вполне могла ожидать и сыновей Джучи во главе с Бату, учитывая серьезные разногласия их отца с Чагатаем и Угедэем, сосредоточившими теперь в своих руках всю полноту власти в Монгольской державе.

Оба старших сына Чингис-хана были не прочь увеличить собственные владения за счет Улуса Джучи. Так, Чагатай, вероятно, после смерти Джучи и отца полностью сосредоточил контроль над такими важными регионами, как Самарканд и Бухара, которые по распоряжению Чингис-хана должны были находиться под совместным управлением его сыновей. А под властью Угедэя оказались земли к востоку от Иртыша — области, которые Джучи получил еще при первом разделе Монгольской державы [Егоров 1985, с. 45; Сафаргалиев 1996, с. 293; ср.: Ускенбай 2003, с. 13-14]. Расставаться с новоприобретенными землями ни Чагатай, ни Уге-дэй, несомненно, не желали бы, и Бату необходимо было проявить большую гибкость, чтобы не потерять еще больше.

Полагаю, улаживая эти непростые вопросы, Бату проявил дипломатичность и оказал всемерную поддержку новому хану, который на начальном этапе своего правления остро нуждался в поддержке и не доверял даже самым близким родичам. Весьма красноречив эпизод, описанный Рашид ад-Дином: Чагатай, пожелав принести извинения Уге-дэю за какой-то проступок, «выступил с эмирами большой толпой и прибыл во [дворец] раньше урочного времени. [Очередные стражи] доложили [казну], что Чагатай прибыл со множеством людей. Угедэй-каан хотя и имел к нему полное доверие, но все же забеспокоился, что могло быть тому причиной; он выслал к нему людей расспросить». И только после долгих переговоров через посланцев Чагатай был допущен в ставку великого хана [Рашид ад-Дин 1960, с. 95-96].

Возможно, именно лояльность Бату способствовала тому, что вражда Угедэя и Чагатая с Джучи ни в коей мере не распространилась на сыновей последнего, и в дальнейшем сыновья Чингис-хана поддерживали Бату даже в его конфликтах с их собственными детьми. Так, например, после ссоры на пиру по случаю окончания похода на Русь, когда сын Угедэя Гуюк и внук Чагатая Бури позволили себе грубо оскорбить Бату, он обратился с жалобой к дядьям, те встали на его сторону, осудив своих отпрысков [Козин 1941, 175-276].

Об алтайских и восточно-сибирских территориях, отошедших к Угедэю, вопрос на курултае так и не поднимался, в отношении Самарканда и Бухары политика старших Чингизидов подверглась пересмотру: в этих городах, формально оставшихся под контролем Чагатая, появились также представители Улуса Джучи, Тулуидов и самого великого хана Угедэя. Впоследствии именно к Бату прибыл наместник Мавераннахра Масуд-бек, когда над ним сгустились тучи немилости со стороны каракорумских властей — несмотря на то что его отец Махмуд Ялавач нашел прибежище у Годана, сына Угедэя [Juvaini 1997, p. 241-243; Рашид ад-Дин 1960, с. 116]: видимо, весильный даруга Мавераннахра признавал власть наследника Джучи. Возможно, тогда же, на курултае, Бату получил от Угедэя город Термез, асположенный во владениях Чагатая: обнаружены монеты начала 1230-х гг. с тамгой Бату, которая надчеканена поверх тамги самого Угедэя. Следовательно, великий хан передал Термез в личное владение Бату с правом получения доходов с него [см.: Петров 2003, с. 109].

Кроме того, уже на курултае 1229 г. новоизбранный хан принял решение об активизации военных действий на западном направлении, причем одной из первоочередных задач стало расширение Улуса Джучи. Вполне возможно, что намерение было продиктовано желанием старших Чингизидов позволить сыновьям Джучи компенсировать территориальные потери на Востоке новыми приобретениями на западе [ср.: Сафаргалиев 1996, с. 293]. Поэтому Угедэй отправил в Иран «Джурмагун-нойона с несколькими эмирами и тридцатью тысячами всадников. Кокошая и Субэдэй-бахатура послал с таким же войском в сторону Кипчака, Саксина и Булгара» [Рашид ад-Дин 1960, с. 21].

§ 7. Был ли Батый в Китае?

Издrevле погибали царства, и государи, терявшие оные, по большей части, были захватываемы и заключены в оковы неприятелем или выдаваемы пленниками от подданных, другие принимали позор перед престолом или были скрываемы в пустынях.

Цзинь ши

После первого упоминания Бату среди участников великого курултая 1228—1229 гг. его имя вновь упоминается в источниках также в связи с курултаем, состоявшимся уже в год дерева-овцы (1235) [см., напр.: Кляшторный, Султанов 1992, с. 187]. Чем занимался наследник Джучи в течение этих пяти-шести лет?

Некоторые исследователи полагают, что он вернулся в свой улус и начал подготовку к походу на Запад, организуя «подготовительные» набеги на Волжскую Булгарию и кипчаков [Chambers 2001, p. 48; Хрусталеv 2004, с. 65}. Ни один источник не подтверждает этих предположений: в связи с набегами на болгар упоминаются лишь военачальники Субэдэй-багатур, отозванный на войну в Китае в начале 1230-х гг., и Кугудэй [Рашид ад-Дин 1960, с. 21; ср.: Черепнин 1977, с. 190]⁸.

Единственное сообщение о Бату, относящееся к этому периоду, мы находим только в тюркском источнике середины XVII в. — «Родословном древе тюрков» Абу-л-Гази: «Некоторые из государей, имевших свои владения в Китайском государстве, возмутились. Каан [так восточные хронисты традиционно именуют Угедэя. — Р. П.] должен был предпринять поход в ту страну. Он дал повеление, чтобы и Бату-хан был вместе с ним в этом походе. Бату-хан с пятью младшими братьями участвовал в этом походе. Каан, поразив и разорив все те царства, возвратился в Кара-корум» [Абуль-Гази 1996, с. 98].

Как известно, Угедэй не сразу после своего воцарения возглавил монгольскую армию, воюющую в Северном Китае. Согласно «Юань ши», он отправился в Китай в «осенние лунзы» «года гэн-инь» (т. е. осенью 1230 г.), а по сведениям Рашид ад-Дина — и того позднее, в «[месяц] раби 1617г. х.», т. е. в мае 1232 г. [Юань ши 2004, с. 479; Рашид ад-Дин 1960, с. 21]. Если отнестись с доверием к сведениям Абу-л-Гази, то получается, что Бату находился при Угедэе в Каракоруме, а затем сопровождал его в походе против Цзинь, пока великий хан, получив известие о гибели чжурчженского императора Мо-ди в 1234 г., не счел войну завершенной и не возвратился домой. Этой позиции придерживаются, в частности, Г. Е. Грумм-Гржимайло и И. О. Князький, хотя прямо и не ссылаются на сведения Абу-л-Гази [Грумм-Гржимайло 1994, с. 101; Князький 1996, с. 72].

Е. И. Кычанов, напротив, высказывает сомнение по поводу участия Бату в китайской кампании. Основным его аргументом является то, что в китайских источниках (в первую очередь в «Юань ши») нет жизнеописания Бату — в отличие от многих деятелей (причем не только Чингизидов), участвовавших в китайской кампании и удостоившихся отдельных

⁸ Д. Чамберс называет его «Сунтай» и считает «одним из младших братьев Бату» [Chambers 2001, p. 48].

жизнеописаний [Кычанов 1999, с. 169]. На мой взгляд, отсутствие жизнеописания Бату в китайских хрониках позволяет однозначно сделать лишь один вывод: Бату во время китайской кампании никак себя не проявил. То есть он не командовал войсками — в отличие, например, от его двоюродных братьев Гуюка и Мунке — и не совершал подвигов надполе брани. Вероятно, он сопровождал дядю-хагана, находясь в его свите и не принимая активного участия в боевых действиях. Кроме того, в «Юань-ши» нет биографии ни одного правителя Улуса Джучи, так что Бату в этом отношении не является исключением. Наконец, нам неизвестен ни один источник, который бы прямо или косвенно опровергал сведения Абу-л-Гази — например, сообщающий, что Бату в эти годы воевал в Поволжье.

Имеется косвенное свидетельство возможности пребывания Бату в Китае — средневековый китайский рисунок, на котором, как принято считать, изображен наследник Джучи. Время его создания точно не установлено, но выполнен он в китайском стиле, а сам Бату изображен на нем совсем молодым человеком. Можно предполагать (пока не будет установлено обратное), что портрет этот был создан во время его пребывания в Китае.

Таким образом, информация одного письменного источника (притом более позднего) и одно косвенное подтверждение в виде китайского рисунка позволяют предположить, что Бату в 1230-1234 гг. участвовал в китайском походе, находясь при своем дяде Угедэе, а затем вместе с ним же вернулся в Монголию и принял участие в новом курултае, на котором среди прочих вопросов решалась и дальнейшая судьба его собственных владений.

Часть вторая **ПРЕДВОДИТЕЛЬ ВЕЛИКОГО ЗАПАДНОГО ПОХОДА**

§ 8. Расширение Монгольской империи и земли для потомков Джучи

Джучи-хан посмотрел на своего сына и сказал:

— Мой отец, единственный и величайший Чингиз-хан, завоевал половину вселенной, а Искендер Двурогий — вторую половину. Что же остается завоевать тебе, Бату-хан?

Мальчик, не задумываясь, ответил:

— Я отниму все земли у Искендера!

В. Г. Ян. Чингиз-хан

Разные, независимые друг от друга источники сообщают, какую задачу ставил Чингис-хан перед собой и своими преемниками — создание мировой империи, установление в ней единой власти и единых законов. Так, например, в послании к китайскому даосскому патриарху Чан-чуню, датированном 1223 г., Чингис-хан заявляет: «На юге Суны, на севере Хой хэ, на востоке (?) Ся, на западе варвары — все признали мою власть...», а в следующем послании: «Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительного покоя временными трудами» [Си ю цзи 1995, с. 354, 356]. Автор «Сокровенного сказания» вкладывает в уста Чингис-хана следующие слова: «...я, будучи умножаем, пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в силах небесами и землей, направил на путь истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои» [Козин 1941, § 224]. Отразили монгольскую идею покорения мира и западные авторы, в первую очередь — папские посланцы к монголам. Так, Бенедикт Пеляк сообщает, что «он [Чингис-хан] также установил, чтобы [тартары] покорили все земли мира, и не заключали бы мира ни с кем, разве только те сами открыто и безоговорочно не сдадутся им...» [Ц. де Бридиа 2002, с. 117]. Иоанн де Плано Карпини, в свою очередь, пишет, что «установление состоит в том, что они должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с одним народом, если только он не подчинится им...» [цит. по: Христианский мир 2002, с. 342]. Русский архиепископ Петр

заявлял на Лионском соборе, что «намерены они подчинить себе весь мир, и было им божественное откровение, что должны они разорить весь мир за тридцать девять лет, И утверждают они, что [как] некогда божественная кара потопом очистила мир, так и теперь всеобщим избиением людей, которое они произведут, мир будет очищен... Если они победят, то утверждают, что воистину будут властвовать [над] всем миром» [Матфей Парижский 1997, с. 285]. Магистр французских тамплиеров Понс де Обон в письме королю Людовику IX, датированном приблизительно весной 1241 г., сообщает о государе татар (Tartarus), «который, по их словам, должен быть владыкой всего мира» [Савченко 1919, с. 41].

Еще на курултае 1228/1229 г., «согласно прежнему указу Чингис-хана», было принято решение о завоевании «северных областей» [Рашид ад-Дин 1960, с. 79; см. также: Черепнин 1977, с. 190]. Как соотносились планы монгольских правителей с расширением владений потомков Джучи? Арабский историк первой трети XIV в. ан-Нувеври сообщает, что «по части земель и вод он [Чингис-хан. — Р. П.] назначил ему [Джучи. — Р. П.] летовья и зимовья от границ Каялыка и земель Харезмских до окраин Саксинских и Булгарских, крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при их набегах» [СМИЗО 1884, с. 150]. Следует ли из этого, что Джучи и его потомкам были отданы все земли на западе от границ Улусов Чагатая и Угедэя, включая и Европу до Адриатики (куда дошли монгольские войска во время западного похода), либо еще дальше? Полагаю, что нет.

Джувеини сообщает: «Было принято решение о завоевании пределов Булгар, Ас и Рус, находившихся по соседству с государством Бату, до сих пор неподчиненных и [тщеславно гордившихся] множеством своих городов. В помощь и поддержку Бату он [Угедей] назначил кандидатов из принцев...» [Цит по: Арсланова 2002, с. 161]. Также и в цитированном выше сочинении ан-Нувеври вполне определенно говорится о землях «Саксинских и Булгарских», то есть о народах Поволжья, на области которых в первую очередь и рассчитывал Бату. Следовательно, расширение Улуса Джучи планировалось исключительно за счет Поволжья и, возможно, некоторых русских областей. Таким образом, значительная часть «северных областей» должна была отойти к Улусу Джучи, поэтому не удивительно, что важная роль в завоевании этих земель отводилась сыновьям первенца Чингис-хана во главе с Бату.

Что же касается других земель, которые планировалось присоединить, — включая государства Центральной Европы и Ближнего Востока, — то их завоевание входило в генеральный план по расширению Монгольской империи и не имело прямого отношения к увеличению владений Улуса Джучи. На владения в этих землях имели основания рассчитывать не только потомки Джучи, но и предводители других ветвей рода Чингизидов. Именно этим следует объяснить участие в западном походе представителей родов не только Джучи, но и Чагатая, Угедэя и Тулуя, а также младшего сына Чингис-хана — Кулькана и даже Аргасуна — сына Хачиуна, брата Чингис-хана. Эта же причина объясняет и нежелание Бату продолжать поход на Запад после покорения Волжской Булгарии и Руси: завоевав обширный удел в Поволжье, он добился своей цели и не хотел бросать новоприобретенные владения, чтобы сражаться в интересах своих родичей, рассчитывавших получить улусы на Западе. Забегая вперед, отметим, что уделы в южнорусских степях уже после западного похода получили не только братья и племянники Джучи, но и потомки других сыновей Чингис-хана. Например, Плато Карпини сообщает о Мауци (согласно Рашид ад-Дину — сыне Чагатая), владения которого располагались по левому берегу Днепра и некоем Картане, который был женат на сестре Бату и кочевал вдоль Дона, — можно предположить, что речь идет о Кадане, сыне Угедэя [Иоанн де Плато Карпини 1997, с. 72; Рашид ад-Дин 1960, с. 88]. Вышесказанное позволяет считать, что западные области рассматривались не как потенциальные владения исключительно Джучидов..

Тем не менее сам Бату, по-видимому, воспринимал все территориальные приобретения на запад от владений Чагатая и Угедэя как потенциальную сферу интересов рода Джучи. В течение всего своего правления он упорно боролся за влияние в Малой Азии, Закавказье и Иране, нередко даже противопоставляя свои решения воле властей из Каракорума. Его позицию в этом вопросе в полной мере разделили и его наследники, до середины XV в.

боровшиеся с другими ветвями Чингизидов за ряд регионов Кавказа и Центральной Азии. В течение своего правления Бату в силу личного авторитета и договоренностей с правителями Монгольской империи в Каракоруме удавалось сохранять определенный паритет в этих «конфликтных зонах» и не доводить ситуацию до открытого вооруженного столкновения. Так, например, даже будущий ильхан Хулагу, который по приказу своего брата — великого хана Мунке — должен был выступить в поход на Багдадский халифат, до самой смерти наследника Джучи не двинулся дальше Мавераннахра, где провел около трех лет. Но уже ближайшие преемники Бату оказались не в состоянии решить проблемы спорных территорий дипломатическими методами, что привело к затяжным конфликтам с государством Хулагуидов, в которые были вовлечены и соседние народы, подвластные монголам — грузины, армяне, русские.

Щедрость Чингис-хана и Угедэя, милостиво позволивших наследникам Джучи увеличить свои владения за счет западных стран, оказалась весьма условной: новые земли едстояло еще завоевать, причем и великий хан Угедэй, и Бату, и другие Чигизиды и военачальники Монгольской империи прекрасно понимали, что это будет нелегким делом, «Сокровенное сказание» сообщает, что «Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено» [Козин 41, § 270]. Ему вторит Джувеини, который, повествуя о событиях 1234/1235 г., сообщает об областях «Булгар, Ас и Рус, находившихся по соседству со становищем Бату, до их пор неподчиненных и [тщеславно] гордившихся множеством своих городов» [цит. по: Арсланова 2002, с. 161]. Было вполне очевидно, что одних только сил Улуса Джучи для покорения народов Поволжья, Кипчакской степи и Северного Кавказа недостаточно. Но принять решение об отправке в поход войск других улусов мог только курултай.

Е. И. Кычанов полагает, что решение о западном походе эо принято на курултаях 1234 и 1235 гг.: на первом было эручено завоевание западных областей только Бату, а на втором — Бату, Гуюку, Мунке и другим [Кычанов 2001, с. 36; 2002, с. 79]. Однако из сведений «Юань ши» и «Сборника летописей» нельзя сделать вывод, что на курултае в год дерева-лошади (1234) поднимался вопрос о походе на запад. Согласно китайской хронике, на нем были объявлены новые законы Угедэя, а Рашид ад-Дин просто упоминает о факте проведения курултая [Бичурин 2005, с. 163-164; Рашид ад-Дин 1960, с. 35]. Решение же о западном походе было принято на курултае, созванном в год дерева-овцы (1235 г.).

Рашид ад-Дин сообщает, что курултай был созван Угедэем, который «в этом году... захотел собрать еще раз всех сыновей, родственников и эмиров и заставить их вновь выслушать ясу и постановления» [Рашид ад-Дин 1960, с. 35]. Подобное утверждение создает у некоторых исследователей впечатление, что Угедэй вообще очень любил собирать курултай и пользовался любым удобным предлогом для этого — даже таким надуманным, как заслушивание ясы в очередной раз [см., напр.: Вира 1978, с. 38-39]. Однако подобные выводы не вполне корректны.

Во-первых, заслушивание ясы было не поводом, а одним из неотъемлемых, «процедурных», элементов курултая [Rachewiltz 1993, p. 95, 103]. Во-вторых, Рашид ад-Дин также сообщает о решениях, принятых на этом курултае, среди которых — и организация общемонгольского похода на Запад. Полагаю, что принятие этого решения стало одной из главной причин созыва курултая, и инициатором его созыва выступил Бату, стремившийся увеличить свои владения. Естественно, придворный историк не мог написать, что великий хан созвал курултай не по собственной воле, а по настоянию кого-то из младших родичей, и потому в качестве официальной причины указано нейтральное «заслушивание ясы и предписаний», без которого и так не обходился ни один курултай.

Прямых указаний на присутствие Бату на курултае 1235 г. в источниках нет. Как нет, впрочем, и оснований предполагать его отсутствие. Участие в курултаях было обязательным для всех Чингизидов и высших представителей военной и гражданской администрации, так что Бату — ив силу своего положения главы Улуса Джучи, и потому, что основное решение касалось расширения и его владений, — должен был принять активное участие в работе

именно этого курултая. Кроме того, согласно «Юань ши», тогда же, в 1235 г., Угедэй произвел распределение между родичами новоприобретенных владений в Китае: «Был издан указ преподнести крестьянские дворы в Чжэньдине императрице в качестве „банного подворья“, а крестьянские дворы всех округов Чжуньюани пожаловать князьям императорского рода и прочим родственникам императорского рода и членам императорской ставки, выделив [их следующим образом]: для Бату — в округе Пинъянфу; для Чагатая — в округе Тайюаньфу; для Гуюка — в округе Даминфу; для Буралдая — в округе Синчжоу; для Кулькана — в округе Хэцзяньфу...» [Юань ши 2004, с. 488]. Бату, по всей видимости, яжен был присутствовать при распределении земель, тем более что его имя в этом списке стоит первым.

Итак, решение о походе на Запад было принято, и началась подготовка к его реализации. Прежде всего Угедэй издал указ о введении налогов для обеспечения войска — копчура (одна голова скота с сотни) и тагара (один тагар зерна с десятка). Введенные сначала в связи с походом на Запад, впоследствии эти налоги стали постоянными и даже основными во всех государствах Чингизидов [Рашид ад-Дин 1960, с. 36]. Затем было издано еще одно распоряжение великого хана — о создании системы ямской почты для обеспечения непрерывной связи между ордой великого хана, улусных правителей и предводителей войска. Рашид ад-Дин сообщает: «А для того, чтобы происходило непрерывное прибытие гонцов как о царевичей, так и от его величества казна в интересах важных дел, во всех странах поставили ямы и назвали это „таян ям“. Для установления этих ямов назначили гонцов от царевичей и определили так, как это [здесь] подробно утверждается:

от каана — битикчи Куридэй,

от Чагатая — Икмолчин Тайчутай,

от Бату — Суку-Мулчитай,

от Тулуй-хана по приказанию Соркуктани-беги отправился Илджидай.

Упомянутые эмиры отправились и во всех областях и странах по долготе и широте земного пояса установили ямы» [Рашид ад-Дин 1960, с. 36]. Как видим, Бату в качестве главы одного из улусов империи и особенно как лицо, наиболее заинтересованное в том, чтобы поход состоялся, принимал активное участие в этих мероприятиях наравне с самим великим ханом, Чагатаем и Соркуктани — вдовой Тулуя, главой семейства Тулуидов. Это позволяет сделать вывод, что Бату в середине 1230-х гг. уже прочно занял равное положение среди других улусных правителей.

Завершающим этапом подготовки к походу стал сбор войск. Указ Угедэя гласил: «Старшего сына обязаны послать на войну как те великие князья-царевичи, которые управляют уделами, так и те, которые таковых в своем ведении не имеют. Нойоны-темники, тысячники, сотни и десятники, а также и люди всех состояний, обязаны точно так же выслать на войну старшего из своих сыновей. Равным образом старших сыновей отправят на войну и царевны, и зятья» [Козин 1941, § 270]. Таким образом, в поход отправлялся один человек от каждой семьи подданных великого хана. Для сравнения: например, на завоевание Багдадского халифата великий хан Мунке спустя два десятилетия отправил только двух воинов из каждого десятка из всех улусов Монгольской империи [Рашид ад-Дин 1946, с. 23]. Джувейни, склонный, как и все персидские авторы, к метафорам и речевым изыскам, говорит о войсках, собравшихся на границе Волжской Булгарии: «В пределах Булгара царевичи сошлись. От множества их войск земля содрогнулась, и даже дикие звери изумились численному превосходству и шуму их войск» [цит. по: Арсланова 2002, с. 161].

Венгерский миссионер Юлиан, побывавший в Булгарии уже после ее завоевания в 1237 г., сообщил более определенные сведения о численности монгольских войск: «В войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших [воинов] их закона в строю» [Юлиан 1996, с. 31]. Однако к его цифрам следует отнестись критически. Есть основания предполагать, что они — не что иное, как отражение весьма распространенного в то время в христианском мире пророчества о «царе Давиде, внуке пресвитера Иоанна», который должен был прийти из Индии и помочь Христианам в борьбе с мусульманами.

Цифры такого же порядка названы в донесении архиепископа Акры Жака де Витри и в сообщении папского легата Пелагия, отправленных в Рим в 1221 г.: в этих посланиях содержалось сообщение о победе «царя Давида» над мусульманами. Так, например, Жак де Витри писал, что «царь Давид собрал огромное войско, и вместе с ним были шестнадцать могущественных мужей, один из которых имел под своим началом сто тысяч человек, другой — двести тысяч или чуть меньше, а то и чуть больше...» [Яков де Витри 2004, с. 149]. Вполне вероятно, что реальной основой для этого сообщения послужили ухи о победах Чингис-хана в Хорезме, но еще более несомненно, что авторы желали ободрить участников V крестового похода, который в 1221 г. был в самом разгаре [Альбрик 2004; Яков де Витри 2004; ср.: Гумилев 1992а, с. 135-137]. Не исключено, что сообщения Жака де Витри и Пелагия были известны и Юлиану, который, не имея возможности узнать реальную численность монгольских войск, назвал числа того порядка, которым в то время было принято оперировать в Европе, говоря о таинственных армиях, идущих с Востока.

Любопытно, что число, названное Юлианом, 135 тысяч, признают и современные исследователи, иногда округляя его до 140-150 тысяч [Вернадский 2000, с. 57; Каргалов 1967, с. 75; Черепнин 1977, с. 192]. Например, В. Б. Кощеев не только принимает информацию Юлиана, но и проводит параллель между его данными и информацией Рашид ад-Дина о том, что войска Монгольской империи составляли 129000 человек. Ничтоже сумняшеся, В. Б. Кощеев все эти войска «отправляет» в западный поход, совершенно упуская из виду, что одновременно с походом на «Булгар, Ас и Рус» Угедэй начал новый этап китайской кампании — простив империи Южная Сун, предпринял вторжение в Корею и Тибет. Кроме того, исчисляя войска монгольских улусов, В. Б. Кощеев, опираясь на сведения Рашид ад-Дина, оперирует количеством войск, выделенных Чингис-ханом сыновьям в 1207-1208 гг. (по 4 тыс. человек от улусов Джучи, Чагатая и Угедэя), совершенно игнорируя раздел империи 1224 г. и вхождение в империю областей Хорезма, Кипчакской степи, Ирана, из населения которых также набирались войска [Кощеев 1993, с. 131-135].

Вопрос о численности монгольских войск, принявших участие в западном походе, остается открытым. Прежде всего цифры, приводимые источниками, зачастую противоречат друг другу или же, подобно сообщению Юлиана, базируются на распространенных в то время мифах. Кроме того, в каждой покоренной стране монголы увеличивали численность войск за счет местного населения: сведения об этой практике содержатся как в восточных, так и в западноевропейских источниках. Например, Юлиан пишет: «Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя» [Юлиан 1996, с. 31]. Бенедикт Поляк сообщает: «А Бати выступил затем, будучи на Руси, против билеров, то есть Великой Булгарии, и мордванов и, захватив их [знать], присоединил их к своему войску» [Ц. де Бридиа 2002, с. 112]. Фома Сплитский также отмечает: «У них имеется великое множество воинов из разных покоренных ими в войнах народов, прежде всего куманов, которых они насильно заставляют сражаться» [Фома Сплитский 1997, с. 114]. Согласно китайской хронике «Юань ши», «Субэтай выбрал из хабичи войско и пятьдесят с лишним человек [их] це-лянь, которые усердно работали на него» [Юань ши 2004, с. 503]⁹. Численность этих принудительно набранных контингентов вообще не поддается исчислению: вполне возможно, что и сами монголы не знали точное количество этих «рабов не их закона» (если использовать терминологию Юлиана). Кроме того, важно не количество воинов, находившихся в подчинении Бату и его родственников во время западного похода, а тот факт, что они одерживали победы.

§ 9. Чингизиды в западном походе

⁹ Р. П. Храпачевский, осуществивший перевод, определяет «хабичи» как представителей покоренных народов, а «це-лянь» — как «кирал», т. е. племенных предводителей этих самых «хабичи».

*Говорили гордо сыны
Белой, Западной, стороны:
«Вместе с нами — правда святая.
Мы пойдем по дороге войны,
Справедливость и честь утверждая!»
И Восточные небеса
Поднимали свои голоса:
«Для мечей у нас пояса!
Мы пройдем сквозь огонь и дым,
Справедливость и честь утвердим!»
Гэсэр*

Великий западный поход 1236-1242 гг. является уникальным явлением в истории монгольских завоеваний XIII в. По масштабам и количеству задействованных войск с ним сможет быть сравнима только хорезмийская кампания Чингис-хана 1219-1221 гг. Кроме того, уникальность похода на Запад подчеркивается еще и количеством участвовавших в тем потомков Чингис-хана.

Согласно «Сокровенному сказанию», в западный поход отправлялись «старшие сыновья». Почему именно старшие? Ответ мы получим, проанализировав политическую ситуацию, складывавшуюся в правящей верхушке империи в середине 1230-х гг. Первоначально великий хан Угедэй планировал лично возглавить поход на Запад, как прежде — войну с империей Цзинь, но его намерение вызвало противодействие младших родичей. Мунке, сын Тулуя, прямо заявил: «Мы все, сыновья и братья, стоим в ожидании приказа, в чтобы беспрекословно и самоотверженно совершить все, на что последует указание, дабы каану заняться удовольствиями и развлечениями, а не переносить тяготы и трудности походов; если не в этом, то в чем же ином может быть польза родственников и эмиров?» [Рашид ад-Дин 1960, с. 35]. Рашид ад-Дин, несомненно, приводит эти слова как свидетельство уважения, оказанного Угедэю племянником, однако в них можно углядеть и противоположный смысл: великому хану довольно прозрачно намекали, что он уже стар и не годится для походов, пора передать военные дела более молодым и деятельным Чингизидам.

В самом деле, после того как Тулуй умер, а Чагатай вплотную занялся делами своего улуса, на первые места в политике Монгольской державы стали активно выдвигаться представители третьего поколения Чингизидов [см.: Кычанов 1999, с. 163-164]. Некоторые из них зарекомендовали себя талантливыми военачальниками еще в ходе кампании против Цзинь. Например, Гуюк, сын великого хана, в 1229-1233 гг. действовал в китайской области «Кункан» (так у Рашид ад-Дина). Потом он проявил себя как удачливый полководец в борьбе с Пусянь Ванну, который в 1215 г. при поддержке монголов провозгласил себя императором Восточного Ся на территории Восточной Манчжурии, а затем обратил оружие против своих союзников. Гуюк вместе с Эльджигитаем, племянником Чингис-хана, выступил против него, разгромил и в год воды-змеи (1233) покончил с Восточным Ся. Годом позже Гуюк и Эльджигитай захватили столицу империи Цзинь — Наньцзин и пленили одного из членов императорской семьи [Рашид ад-Дин 1960, с. 20; Юань ши 2004, с. 483, 494; см. также: Мелихов 1977, с. 71]. Мунке, сын Тулуя, также отлично зарекомендовал себя в боевых действиях против Цзинь, вместе со своим отцом взяв Кайфын в год железа-тигра (1230) [Мелихов 1977, с. 71]. Тулуй скончался в 1232 г., но сына активно поддерживала мать — Соркуктани-бэки, которая пользовалась большим уважением в семействе Чингизидов. Не желали отставать от старших сыновей Угедэя и Тулуя и другие члены рода. Так, Чагатай активно продвигал своего внука Бури (отпрыска своего старшего сына Мутугана, погибшего в 1221 г.), Эльджигитай — своего старшего сына Аргасуна. Не следовало сбрасывать со счетов и самого младшего сына Чингис-хана — Кулькана, которому, единственному из всех сыновей Чингис-хана не от Борте, удалось надолго пережить отца...

Эти обстоятельства позволили Е. И. Кычанову высказать предположение, что усиление

представителей третьего поколения Чингизидов сильно беспокоило Угедэя. Поэтому, столкнувшись с противолением своему, намерению возглавить поход, он принял решение отправить в многолетний поход на Запад «старших сыновей», то есть этих молодых, но уже довольно влиятельных и деятельных Чингизидов [Кычанов 1999, 163-164; 2002, с. 79]. Они же с готовностью подчинились приказу великого хана, поскольку, как мы уже выяснили, земли на Западе далее «пределов Булгар, Ас и Рус» предназначались не только Джучидам, и остальные Чингизиды имели основания рассчитывать на них в силу того, что вся территория империи была коллективной Собственностью рода Борджигин. В результате в поход, по сведениям Рашид ад-Дина, отправились «из детей Тулуй-хана — старший сын Мунке-каан и его брат Буджек, из уруга Угедей-каана — старший сын Гуюк-хан и его брат Кадан; из детей Чагатая — Бури и Байдар и Кулькан, брат каана; сыновья Джучи: Бату, Орда, Шейбан, Танкут, а из почтенных эмиров Субадай-бахадур и с ними несколько других эмиров» [цит. по: Арсланова 2002, с. 172]. Персидский историк не упомянул среди участников похода Аргасуна — внучатого племянника Чингис-хана, об участии которого сообщает «Сокровенное сказание».

В интерпретации некоторых современных авторов количество Чингизидов, участвовавших в западном походе увеличилось в полтора раза. Так, В. В. Каргалов писал: «„в помощь и подкрепление Бату" были посланы центрально-монгольские войска и большинство царевичей-„чингисидов" (Менгу-хан, Гуюк-хан, Бучек, Кулькан, Монкэ, Байдар, Тангут, Бюджик и др.)» [Каргалов 1967, с. 68]. Исследователь упустил из виду, что число Чингизидов к этому времени перевалило за сотню, и одиннадцать из них никак не могли быть «большинством». Кроме того, он дважды назвал Мунке под различными именами (Менгу-хан и Монкэ) и Бюджека (Бучек и Бюджик). В. Б. Кошечев, в свою очередь, включил в число участников похода сыновей Джучи — Берке, который, согласно источникам, впервые участвовал в боевых действиях не ранее 1238 г., и Сонкура, про участие которого в походах нет ни слова: напротив, Рашид ад-Дин сообщает о нем, как о защитнике границ Улуса Джучи. Кроме того, В. Б. Кошечев «отправил» в западный поход Кайду — внука Угедэя, который в это время был еще младенцем, и Котана (Годана), сына Угедэя [Кошечев 1993, с. 132, 135], игнорируя сообщения источников о том, что в 1235 г. Годан был отправлен с войском в Тибет и до конца жизни оставался его правителем, о чем сообщают тибетские хроники [Пагсам 1991, с. 78; Дугаров 2003, с. 30-31].

Еще одним свидетельством уникальности похода на Запад стало то, что изначально, по-видимому, не был назначен его верховный главнокомандующий. На основании сообщений источников можно предположить, что Бату, как глава Улуса Джучи, возглавил лишь отряды, набранные в его владениях. Направленные в поход войска других улусов изначально ему не подчинялись: согласно «Сокровенному сказанию», «...на царевича Бури было возложено начальствование над всеми этими царевичами, отправленными в поход, а на Гуюка — начальствование над выступившими в поход частями из Центрального улуса». Кроме того, Чагатай даже говорил великому хану, что «царевича Бури должно поставить во главе отрядов из старших сыновей, посылаемых в помощь Субеетаю» [Козин 1941, § 270]. Последнее сообщение показывает, что круг потенциальных руководителей похода не ограничивался одними только Чингизидами. Разработал план похода опытный военачальник — Субэдэй-багатур, сподвижник Чингис-хана (правда, автор «Сокровенного сказания», как видим, всячески старается подчеркнуть роль Субэдэя, фактически представляя его главным дводителем похода, а Чингизидов — его «помощника»). Таким образом, в походе приняли участие более десятка потомков Чингис-хана и его братьев, которые на первом этапе западного похода (1236-1238 гг.) нередко действовали самостоятельно.

Так, летом года огня-курицы (1237 г.), пока Бату вместе со своими братьями, Субэдэй-багатуром, Бурундаем и другими полководцами завоевывал болгарские города, его двоюродные братья Гуюк и Мунке самостоятельно действовали против буртасов и мокши в Поволжье, а также против кипчаков и племен Северного Кавказа. Впоследствии Бату, давая оценку деятельности Мунке, отметил, что тот «привел в покорность и подданство племена...

кипчаков, ...и черкесов», «захватил и, произведя казни и разграбления, привел в покорность город...» [Рашид ад-Дин 1960, с. 129].

Лишь после завоевания Булгарии основные силы монголов соединились для вторжения в русские земли. Помимо Бату, Орду, Шибана во вторжении были задействованы сражавшиеся на «северном направлении» Кулькан и Бури, а с «южного направления» были отозваны Гуюк, Кадан и Мунке [Рашид ад-Дин 1960, с. 38; см. также: Каргалов 1967, с. 86]. Главенство над объединенными силами получил именно Бату, но нет ни одного сообщения в источниках, почему именно он возглавил войска. Остается только строить предположения.

Во-первых, нельзя исключать «указания свыше»: Угедэй, не приняв определенного решения по поводу предводителя похода, все же мог «в рекомендательном порядке» предложить Бату, а подобные предложения великого хана были равносильны приказу. Английский автор Д. Чамберс, не ссылаясь, впрочем, ни на какие источники, утверждает, что кандидатура Бату была предложена великому хану Елюй Чуцаем [Chambers 2001, p. 49].

Во-вторых, Бату мог стать своего рода компромиссной фигурой: претендовавшие на главенство Бури, Гуюк и Мунке не были готовы уступить один другому, поэтому оставалось избрать одного из оставшихся Чингизидов, принявших участие в походе. Тут очень кстати могло вспомниться и более высокое положение Бату по сравнению с остальными (наследник старшего из сыновей Чингис-хана). Подобный вариант весьма вероятен: фактор старшинства нередко служил основанием для избрания даже на ханский трон: впоследствии именно на этом основании Гуюк, старший из потомков Угедэя, был избран великим ханом в ущерб другим претендентам на трон, младшим по возрасту [Султанов 2001, с. 44-46].

Наконец, серьезным доводом в пользу кандидатуры Бату был его статус главы Улуса Джучи. Поскольку первоочередной задачей похода было увеличение владений Джучидов, вполне логично было, что руководство походом принадлежало бы главному среди них, а таковым являлся именно Бату. Даже не слишком дружелюбно относившиеся к нему потомки Чагатая и Угедэя вынуждены были признать это, и потому во время боевых действий в Волжской Булгарии и Северо-Восточной Руси уже никто из Чингизидов не пытался возражать против главенства Бату. Правда, интересно отметить сообщение «Юань ши» о том, что Мунке при осаде Рязани (1237 г.) «сам лично сражался в рукопашном бою» [Кычанов 1999, с. 165]. Аналогичное сообщение находим у Рашид ад-Дина, только уже при описании осады Владимира (1238 г.): «Осадив город Юргия Великого, взяли [его] в восемь дней. Они ожесточенно дрались. Менгу-каан лично совершал богатырские подвиги» [Рашид ад-Дин 1960, с. 39]¹⁰. Личное участие одного из самых влиятельных Чингизидов (предводителя войск и будущего великого хана!) в сражении, где его легко могли убить, — событие достаточно редкое. Не означает ли это, что за какой-то серьезный проступок Мунке был отправлен сражаться в первых рядах войска? Подобная практика применялась к членам ханского рода, хотя и довольно редко, еще Чингис-ханом: так, его зять Тогачар-нойон был отправлен в передовой отряд за то, позволил своим войскам приступить к грабежу до завершения кампании, и погиб при осаде Нишапура в 1221 г. [Насави 1996, с. 93; Juvaini 1997, p. 174-175]. Тот же Мункэ в молодости воевал вместе со своим отцом в Китае, но сведений о его личном героическом участии в сражениях с китайцами нет — следовательно, подобные проявления отваги отнюдь не были типичны для него...

В более поздних исторических сочинениях, авторы которых были осведомлены о роли Бату в последующей судьбе монгольской империи, появляются сообщения о том, что наследник Джучи изначально играл ведущую роль в этой кампании. Так, Джувеини писал: «В помощь и поддержку Бату он [Угедэй] назначил кандидатов из принцев...» [цит. по: Арсланова 2002, с. 160-161]. Неизвестный автор «Шейбани-намэ» (середина XVI в.) писал

¹⁰ Д. Г. Хрусталева объясняет личное участие Мунке в битве «ожесточенным сопротивлением русских» [Хрусталева 2004, с. 70]. Такое объяснение представляется совершенно надуманным: как будто из-за того, что к саблям тысяч монголов прибавилась еще сабля Мунке, сопротивление русских было сломлено быстрее!

даже: «Бату... еще здоровствовал по смерти Джагатай Хана, Угэдэй Хана и Тулуй Хана. Все ханские дети и внуки, собравшись к нему, устроили курилтай, и по его приказу занялись завоеванием стран» [Березин 1849, с. XLV1], то есть приписал Бату даже принятие решения о походе на Запад!

Главенство Бату тем не менее отнюдь не означало, что наследник Джучи осуществлял командование всеми силами, находившимися в западном походе. Под его верховным командованием объединенные войска осуществляли только наиболее значительные операции, осаждая столичные города — Биляр, Рязань, Владимир, Киев и др. В остальное время потомки Чингис-хана, как отмечено выше, действовали, большей частью самостоятельно, имея в своем распоряжении отдельные отряды. Например, после взятия Владимира в феврале 1238 г. войска монголов опять разделились.

Лаврентьевская летопись сообщает, что «часть татар пошла к Ростову, а другая часть к Ярославлю, а иные пошли на Волгу на Городец, и пленили они все земли по Волге до самого Галича Мерьского; а другие татары пошли на Переяславль, и взяли его, а оттуда пленили все окрестные земли и многие города вплоть до Торжка... Взяли они, в один месяц февраль, четырнадцать городов, не считая слобод и погостов, к концу сорок пятого года» [Воинские повести 1985, с. 75]. Было ли это разделение запланировано наследником Джучи? Думаю, что нет: амбиции родичей Бату, которые ему прежде удавалось пресекать под предлогом необходимости объединения сил для захвата стольных городов, уже не могли им сдерживаться после взятия Владимира: на их пути стояли только небольшие города, каждый из которых можно захватить сравнительно небольшими силами. Полагаю, именно эта возможность осуществлять самостоятельные боевые действия позволила Мунке, Гуюку, Кадану, Бури и другим смириться с формальным главенством Бату на данном этапе похода.

Когда же поход на Русь был завершен, и Чингизиды сочли, что исполнили свои обязательства перед Бату, его попытки и в дальнейшем сохранять главенствующее положение вызвали враждебную реакцию родичей. Наиболее ярко она проявилась на пиру, который был устроен Бату весной 1238 г. по возвращении из похода на Северо-Восточную Русь и закончился грандиозной ссорой Чингизидов. Сам Бату со всеми подробностями описал это происшествие в своем письме Угедэю: «Силою Вечного Неба и величием государя и дяди мы разрушили город Мегет и подчинили твоей праведной власти одиннадцать стран и народов и, собираясь повернуть к дому золотые поводья, порешили устроить прощальный пир. Воздвигнув большой шатер, мы собрались пировать, и я, как старший среди находившихся здесь царевичей, первый поднял и выпил провозглашенную чару. За это на меня прогневались Бури с Гуюком и, не желая больше оставаться на пиршестве, стали собираться уезжать, причем Бури выразился так: „Как смеет пить чару раньше Бату, который лезет равняться с нами? Следовало бы протурить пяткой да притоптать ступнею этих бородатых баб, которые лезут равняться!“ А Гуюк говорил: „Давай-ка поколем дров на грудях у этих баб, вооруженных луками! Задать бы им!“ Эльчжигидаев сын Аргасун добавил: «Давайте-ка, мы вправим им деревянные хвосты!» Что же касается нас, то мы стали приводить им всякие доводы об общем нашем деле среди чуждых и враждебных народов, но так все и разошлись непримиренные под влиянием подобных речей Бури с Гуюком. Об изложенном докладываю на усмотрение государя и дяди» [Козин 1941, § 275]. Не исключено, что это письмо могло быть написано Бату собственноручно, поскольку автор «Сокровенного сказания» подчеркивает его «секретный» характер.

Послание вызвало гнев великого хана, который он обрушил на вызванных к нему виновников ссоры. Не дал он спуску и собственному первенцу, даже отказавшись поначалу впустить его к себе. Только заступничество влиятельных нойонов несколько смягчило гнев Угедэя, и он согласился принять сына, но и то — лишь для того, чтобы сделать ему публичный выговор, обвинив в неуважении к старшему и пригрозив отправить в бой в передовом отряде. Слова Угедэя позволяют узнать о не слишком благовидном поведении Гуюка в западном походе: «Говорят про тебя, что ты в походе не оставлял у людей и задней

части, у кого только она была в целости, что ты драл у солдат кожу с лица. Уж не ты ли и Русских привел к покорности этою своею свирепостью? По всему видно, что ты возомнил себя единственным и непобедимым покорителем Русских, раз ты позволяешь себе восставать на старшего брата... Вы... ходили под крылышком у Субеетая с Бучжеком, представляя из себя единственных вершителей судеб. Что же ты чванишься и раньше всех дерешь глотку, как единый вершитель, который в первый раз из дому-то вышел, а при покорении Русских и Кипчаков не только не взял ни одного Русского или Кипчака, но даже и козлиного копытца, не добыл». Отчитав сына, великий хан повелел ему вернуться к войску, отдав своего провинившегося отпрыска на суд Бату. Аргасуна же, сына Элджигитая, Угедэй сгоряча вообще пожелал казнить, но потом решил поступить с ним так же, как и с собственным отпрыском, — отправить на суд к Бату. Что касается Бури, то его Угедэй отправил к своему старшему брату Чагатаю, чтобы тот сам принял решение по поводу внука. И Чагатай поступил точно так же, как и его венценосный брат: он передал Бури на суд Бату [Козин 1941, § 276]. Казалось бы, Бату должен был торжествовать: его обидчики получили по заслугам, и их судьба зависела от его решения. Однако наследник Джучи прекрасно понимал, что не сможет наказать старшего сына великого хана и любимого внука Чагатая, как они того заслуживали, если не хочет испортить отношения со своими дядьями. Ему оставалось одно: разыграть роль великодушного старшего брата и забыть нанесенные ему оскорбления; а простив этих двоих, он не мог позволить себе проявить мелочность и наказать одного только Аргасуна, который даже и Чингизидом не являлся.

В средневековом обществе для торжественных пиршеств было характерно своеобразное «местничество»: каждый занимал место, соответствовавшее его положению и заслугам, и должен был вести себя соответственно. Попытка занять чужое место или совершить действия, по статусу не полагавшиеся участнику пира, обычно влекла враждебную реакцию остальных: вспомним хотя бы скандал, который устроили, чжуркинцы на пиру у Чингис-хана, когда его кравчий разливал вино, нарушив правила старшинства [Козин 1941, § 130-132; Рашид ад-Дин 19526, с. 91-92; см. также: Липец 1984, с. 33-34]. Соответственно, выступив против Бату на пиру, Гуюк и его единомышленники демонстративно отказались признать его главенство, ничем, с их точки зрения, не подтвержденное, Лолагаю, главная причина ссоры состояла именно в том, что Угедэй в свое время не позаботился назначить предводителя западного похода, и Бату, после того как улус для него был завоеван, утратил положение лидера в глазах своих родичей. Характерно заявление Бури, внука Чагатая (к тому же родившегося от наложницы), которое весьма точно отражает отношение Чингизидов друг к другу: «Разве я не из рода Чингисхана, как Бату?.. Почему и мне, как Бату, не идти на берег Этилии, чтобы пасти там стада?» [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 123]. Пресловутое равенство Чингизидов и стало причиной конфликта: Гуюк и его сообщники просто не видели оснований для того, чтобы Бату первым поднимал чашу, поскольку по окончании похода с целью расширения его улуса он перестал бсприниматься ими как предводитель. Старшинство Бату среди царевичей, на которое он сослался в своем письме Угедэю, вовсе не означало и наличия у него права произнесения первой здравицы [см.: Крамаровский 2000, с. 58; 31, с. 81].

Видимо, Угедэй только после письма наследника Джучи понял свою ошибку и официально утвердил Бату в статусе редводителя похода. Отметим, что после соответствующего решения великого хана главенство Бату в дальнейших походах на Запад уже не оспаривалось его родичами и зафиксировано даже в свидетельствах западноевропейских современников: например, венгерский епископ Рогерий называет его «главным господином» [Хрестоматия 1963, с. 714]. Русские летописи под 1239-1240 гг. также сообщают, что Батый стал посылать свои войска на Переяславль, Чернигов, Мунке — к Киеву [см., напр.: ПСРЛ 1908, с. 781; Ермолинская летопись 2000, с. 108; Типографская летопись 2001, I, 125]: до этого летописцы не отмечали, что Бату приказывал кому-либо из военачальников отправиться в поход, ограничиваясь сообщениями о его собственных действиях и действиях «Татар» в целом. В сообщении «Юань ши» о походе на Запад Бату

упоминается с титулом «чжу-ван», а другие внуки Чингис-хана называются «цин-ванами» [Кычанов 1999, с. 162, 165, 166; Юань ши 2004, с. 495, 503-505]. Титул «цин-ван» означал «принц крови», то есть принадлежность к Золотому роду, тогда как «чжу-ван», буквально переводящийся как «старший ван», свидетельствует о более высоком статусе его обладателя по сравнению с остальными. Любопытно, что чжу-ванами могли быть не только Чингизиды: в «Юань-ши» с этим титулом упоминаются также Эльджигитай, который приходился Чингис-хану племянником, и Куун-Бука, который был либо тоже племянником Чингис-хана (сыном его брата Бельгутэя), либо вообще не принадлежал к роду Борджигин, а был братом Мухали из племени джалаир, знаменитого сподвижника Чингис-хана [Юань ши 2004, с. 483, 487]. Титул «чжу-ван» в «Юань-ши» употребляется применительно к лицам, командовавшим войсками на определенных направлениях, но все же нет полной уверенности, что он присваивался именно предводителям походов: и Бату, и Эльджигитай, и Куун-Бука были также старшими в своих семействах. По-видимому, титул «чжу-ван» был всего лишь китайским эквивалентом монгольского понятия «ака».

§ 10. Завоевание Волжской Булгарии

Не прекращались удары мечей и метание копий между Токтамышем и Идику... Дошло до того, что они сразились между собою 15 раз, причем раз тот одержит верх над этим, а другой раз этот над тем.

Ибн Арабшах. Чудеса предопределения в судьбах Тимура

Исследователи по-разному оценивают ход и значение болгарской кампании Бату. Советский археолог А. П. Смирнов читал, что болгары задержали продвижение монголов на Запад на 3-4 года. Однако В. В. Каргалов поставил под сомнение его выводы: действительно, с 1232 по 1236 г. немногочисленные отряды Улуса Джучи совершали на болгар ряд набегов, довольно глубоких, но не ставивших целью завоевание страны; как только на Булгарию двинулись войска под предводительством Бату, силы защитников, возможно, даже более многочисленные, чем монголы, оказались неспособны противостоять им, и Волжская Булгария была покорена в течение года [Каргалов 1967, с. 70]. Тем не менее болгары оказывали монгольским войскам серьезное сопротивление — причем не только в течение 1236-1237 гг., но позднее.

Завоевание Волжской Булгарии войсками Бату стало завершающим актом многолетней борьбы, которая началась еще за 12 лет до похода на Запад. Арабский автор Ибн ал-Асир, современник описываемых им событий, сообщает: «Сделав с Русскими то, что мы рассказали [имеется в виду битва на Калке. — Р. П.], и опустошив земли их, Татары вернулись оттуда и направились в Булгар в конце 620 года. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них (Татар), встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они (Татары) остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только не многие. Говорят, что их было до 4000 человек» [СМИЗО 1884, с. 27-28]. Вполне вероятно, что сообщение о разгроме монголов являлось всего лишь слухом, который арабский автор принял за истину: другие источники ничего не сообщают о поражении Субэдэй-багатура. Тем не менее, возвращаясь из похода на кипчаков, монголы могли столкнуться с булгарами, и предводителем этих войск являлся именно Субэдэй-багатур. Это объясняет, почему Угедэй вскоре после своего воцарения назначил руководить вторжением в Волжскую Булгарию именно Субэдэй-багатура вместе с нойоном Кугудзем.

В год земли-коровы (1229) Субэдэй совершил первый крупный рейд против булгар, ознаменовав начало второго этапа войны. На этот раз монголы провели разведку вдоль

границ Волжской Булгарии, разгромили саксинов, бургасов и некоторые кипчакские племена, которые укрылись на территории Булгарии. Булгарские заставы на Яике были сметены, и их защитники бежали. Однако на большее Субэдэй-багатур и Кугудэй не осмелились: у них не хватало сил, и, возможно, масштабное вторжение на тот момент не входило в их планы [ср.: Черепнин 1977, с. 190].

Самих болгар этот набег убедил в серьезности намерений монголов. Правители Волжской Булгарии начали готовиться к новому вторжению врагов и прежде всего заключили мир со своим могущественным западным соседом — Владимиро-Суздальским княжеством: «В то время князь болгарский... прислал к великому князю Юрию Всеволодичу послов для учинения мира, князь же великий принял их счастию. И прислали с обеих стран послов, знатных людей, ьное место близ границы Русской на остров, именуемый Коренев. И оные учинили мир на 6 лет, купцам ездить в обе стороны с товарами невозбранно и пошлину платить по уставу каждого града безобидно; (бродникам) рыболовам ездить с обеих сторон до межи; и иметь любовь и мир, пленников всех-освободить; а если будет распря, судить, съехавшись судьям от обоих на меже» [Татищев 2003, ч. 2, гл. 36].

Несомненно, болгары пытались обезопасить тыл на случай нового вторжения с востока — ведь прежде русские походы Булгарию были довольно регулярны. Поскольку в 1231 или начале 1232 г. Субэдэй-багатур возглавлял боевые действия монголов против империи Цзинь [Цзинь ши 1998, с. 224], новый набег на Булгарию был организован и проведен в 1232 г., видимо, одним Кугудэем. Это вторжение было масштабнее предыдущего: не ограничившись набегом на пограничные территории, «Татары, попленив, покорили себе нижних болгар и грады их великие все разорили» [Татищев 2003, ч. 2, гл.36]. Но и на этот раз покорение Булгарии не состоялось. По сведениям Рашид ад-Дина, в поход «в сторону Кипчака, Саксина и Булгара Субэдэй-багатур и Кугудэй выступили с войском в 30000 человек [Рашид ад-Дин 1960, с. 21]. Возможно, в улусе Джучи эта армия была усилена за счет «тумана живого войска», который составляли «четыре личные тысячи джучиевы» [СМИЗО 1941, с. 84-85]. Вероятно, эти сорок тысяч воинов и составляли весь контингент, действовавший против Волжской Булгарии и народов Поволжья в 1229—1234 гг. Войска Монгольской империи, выделенные Бату для западного похода (в первую очередь — для покорения Волжской Булгарии и кипчаков), были, несомненно, многочисленнее, но, похоже, и им не удалось одержать молниеносной победы.

Исследователи Волжской Булгарии полагают, что болгары X—XIII вв. имели передовое для своего времени вооружение, боеспособную конницу и обладали богатым опытом ведения как наступательных, так и оборонительных действий. Главной их ударной силой являлась тяжелая кавалерия, а особого искусства они достигли в подготовке и нанесении внезапных ударов противнику — именно о такой засаде сообщает Ибн ал-Асир в вышеприведенном фрагменте [см.: Измайлов 2004, с. 78-79]. Перед новым вторжением они укрепили восточные рубежи, справедливо считая, что на степной границе удержать многочисленные отряды кочевников им не удастся [Каргалов 1967, С: 70; Губайдуллин 2000, с. 114-115]. Булгарские города обладали хорошими укреплениями, а их многочисленное население могло выставить большое число защитников. По словам венгерского миссионера Юлиана, оказавшегося в Булгарии вскоре после ее покорения, монголам противостояли «60 весьма укрепленных замков, столь людных, что из одного могло выйти пятьдесят тысяч вооруженных воинов» [Юлиан 1996, с. 27]. По мнению немецкого востоковеда Х. Гекеньяна, речь идет о городе Биляре, в котором 50 000 человек составляли не гарнизон, а все население [Гекеньян 2001, с. 88], но даже и в таком случае число защитников города было весьма значительным, и осада могла затянуться надолго.

Джувеини и Рашид ад-Дин сообщают, что болгары, узнав о приближении монголов, собрали около 400000 воинов («сорок туманов»). Несомненно, цифра эта преувеличена, но сам факт большей численности болгарского войска по сравнению с монгольским представляется правдоподобным. При этом следует учесть, что из монгольских войск, которые выступили в западный поход вместе с Бату, в Булгарию вторглось не более

половины: другая половина под командой Гукжа и Мунке и нескольких других царевичей в то же время действовала против кипчаков. Бату выступил в поход на Булгарию и союзных ей башкир вместе со своими братьями — Орду, Тангутом и Шибаном, а также Бури, внуком Чагатая, и Кульканом, младшим сыном Чингисхана. Бату лично руководил войсками на этом направлении, потому что болгарские земли должны были войти в его личный удел.

Вполне вероятно, что наследник Джучи не только надеялся на храбрость своих войск и опыт военачальников, но и решил заручиться поддержкой представителей местной знати, сыграв на противоречиях, царивших в правящем семействе Волжской Булгарии. Венгерский доминиканец Юлиан сообщает: «Там было два князя: один князь со всем народом и семьей покорился владыке татар, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил» [Юлиан 1996, 27]. «Пришли тамошние эмиры Баян и Джику и (изъявили) царевичам покорность. Получив милость, возвратились (назад)...» — сообщает Рашид ад-Дин [цит. по: Арсланова 2002, с. 173].

Но даже привлечение на свою сторону некоторых болгарских правителей не позволило Бату избежать прямого военного столкновения с многочисленным болгарским войском на границе, возможно — на реке Урал. Рашид ад-Дин так описывает это сражение: «Когда они [булгары. — Р. П.] слышали молву о движении Бату и эмиров, (то) подготовились (и) с сорока туманами войска пришли в движение. Шейбан, который с 10000 людей находился в авангарде, послал известие о том, что их вдвое больше монгольского войска и (что все они богатыри). Когда оба войска выстроились друг против друга, (то) по обычаю Чингиз-хана Бату взошел на вершину одного холма и (одни) сутки молил бога и рыдал; а мусульманам приказал, чтобы вместе помолились. Посредине была большая река. Бату и Буралдай ночью переправились по ней и вступили в бой. Шейбан по естественному порыву (букв.: страсти) вступил в сражение. Эмир Буралдай сразу произвел атаку всеми войсками. (Они) устремились на ставку келара, который был их царем, и мечом перерубили веревки. Из-за падения ставки воего войска (те) опечалились и обратились в бегство. Монголы, подобно храброму льву, напавшему на добычу, гнались за ними, избивали и убивали, пока не уничтожили большую часть их войска. Та область была завоевана. Эта победа была одним из великих дел» [цит. по: Арсланова 2002 с. 173]¹¹.

В этом сообщении интересно обратить внимание на два момента. Во-первых, уточняется соотношение сил противников: болгар оказалось вдвое больше, чем монголов. Во-вторых, интересна информация о ритуале, совершенном Бату перед битвой: он обратился к Небу, прося даровать ему победу. Отметим, что источники не сообщают об исполнении этого ритуала другими монгольскими полководцами: только Чингис-хан, согласно «Сокровенному сказанию», совершил аналогичный ритуал, начиная войну с империей Цзинь (как сообщает источник, Бату и действовал «по обычаю Чингиз-хана»). Это свидетельствует о том, что Бату обладал некими сакральными полномочиями и некоей харизматической властью, отсутствовавшими у других Чингизидов — его современников.

Надо полагать, что на границе войска Бату столкнулись с главными силами болгар, набранных для отпора натиску монголов. После их разгрома серьезного сопротивления монгольские войска уже не встречали: Рашид ад-Дин сообщает далее, что «царевичи и эмиры собрались в долинах рек Хабан и отправили эмира Субэдэя с войском в страну асов и в пределы Булгара», а сами «составив совет, пошли каждый со своим войском облавой, устраивая сражения и занимая попадавшиеся им по пути города» [Рашид ад-Дин 1960, с. 37-38]. Подобное решение могло быть принято, если бы предводители похода были уверены, что не встретят на своем пути многочисленных войск противника, как это было в

¹¹ В современной науке присутствует мнение, что описанная Рашид ад-Дином битва - это сражение с венграми на реке Шайо, однако о кампании против венгров («башгирдов») и в том числе о битве Бату с их королем в «Сборнике летописей» говорится несколько ниже [см.: Рашид ад-Дин 1960, с. 45]. Таким образом, есть все основания считать, что цитированное сообщение относится к завоеванию Волжской Булгарии.

пограничном сражении. Следовательно, основные силы булгар были уничтожены или рассеяны в первом же бою, и войскам Бату оставалось только захватить города, все еще пытавшиеся оказать сопротивление.

Пример такой осады приводит Джувейни: «Сначала они штурмом взяли город Булгар, известный на весь мир неприступностью своего места и многочисленным населением. Жителей его они убили и [частью] угнали в плен для угрозы другим. Оттуда они обратились на страну Рус и покорили области до города М.к.с., население которого по многочисленности было подобно муравьям и саранче, а окрестности его были так густо покрыты лесами, что даже змея не могла проползти сквозь них. Царевичи вместе стояли по сторонам его [города] и с каждой стороны проложили дорогу шириной, достаточной для проезда рядом 3-4 повозок, а напротив него [города] установили метательную машину и в течение нескольких дней не оставили от города ничего кроме его имени, и нашли [там] богатую добычу. Они отдали приказ отрезать правое ухо у [убитых] людей. Было насчитано 270000 ушей» [цит. по: Арсланова 2002, с. 161]. Любопытно, что речь идет о «стране Рус» и городе «М.к.с.», который русские историки, начиная с И. Н. Березина, нередко отождествляют с Москвой. Но, во-первых, Москва в то время была лишь простой пограничной крепостью Владимиро-Суздальской Руси, а вовсе не огромным городом, о каком писал Джувейни, наверняка даже не слышавший о Москве. Во-вторых, исследователи обоснованно ползают, что речь идет все же о войне с булгарами, поскольку «русская тема» в персидских исторических сочинениях XIII-XIV вв. освещена очень кратко [см., напр.: Арсланова 32, с. 159-160].

И восточные хронисты, и русские летописцы сообщают о взятии монголами болгарских городов — Булгара, Жукотина, Биляра, Кернека и других [ПСРЛ 1926-1928, с. 459; Рашид ад-Дин 1960, с. 37-38; Татищев 2003, ч. 2, гл. 37; Juvaini 1997, р. 269]. Биляр был взят и жестоко разорен: по результатам исследований современных археологов, столица Волжской Булгарии так и не была восстановлена, и новый город возник в трех километрах от развалин прежнего. Вероятно, именно о Биляре Лаврентьевская летопись сообщает, что «...придоша отъ веточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татарии, и взяша славный Великий городъ Болгарьский, и избиша оружьем отъ старца и до унаго и до суцаго младенца, и взяша товара множество, а городъ ихъ пожгоша огнемъ» [ПСРЛ 1926-1928, с. 459]. Джувейни говорит о взятии и Булгара штурмом, но при этом не сообщает о полном истреблении его населения. Рашид ад-Дин также сообщает, что монгольские войска «дошли до города Булгара Великого... разбили тамошние войска и заставили их покориться», но ничего не говорит о какой-то массовой резне. Любопытно, что и создатели татарского эпоса «Идегей» (XV-XVI вв.), не слишком расположенные к Чингизидам, также отмечают:

Внук Чингиза Байду пришел,
Нанести он решил удар,
Но священный город Булгар
Покорил, а не разорил.
[Идегей 1990, с. 161]

Учитывая, что впоследствии Булгар некоторое время (до постройки Сарая-Бату) являлся одной из резиденций правителя Улуса Джучи [см.: Сафаргалиев 1996, с. 297; Егоров 1985, с. 95], можно утверждать, что Бату его не разрушал, равно как и не вырезал населения, которым собирался управлять.

Источники не сообщают, кто именно из участвовавших в войне с Булгарией монгольских полководцев взял Биляр и Булгар, но есть основания полагать, что Бату лично возглавил их осаду и штурм. Ведь и захваты всех других столиц — Рязани, Владимира, Киева, Эстергома — происходили под его непосредственным руководством. Особенно характерен эпизод с Киевом: в 1239 г. под ним появились войска Мунке, который, несмотря на явно враждебные действия киевского князя Михаила (убийство монгольских послов), штурмовал Киев, так как честь его захвата должна была достаться Бату — предводителю похода и будущему правителю завоевываемых областей [см.: Типографская летопись 2001, с.

125-126].

Покорив Волжскую Булгарию, Бату вынужден был продолжать поход далее на Запад и потому не имел времени рвануться укреплением своих позиций в новом улусе. Поэтому он оставил правителями местных династов, признавших его власть, справедливо полагая, что на данном этапе они сумеют более эффективно поддерживать новое правление, чем чиновники из числа завоевателей. Рашид ад-Дин сообщает о «тамошних эмирах Джикю и Баяне», которые «изъявили покорность» и «получили милость» [Арсланова 2002, с. 173]. Похоже, что система эта продемонстрировала свою эффективность и потому сохранилась на более длительный срок: тот же Рашид ад-Дин отмечает, что «Государей тамошних называют келар, и (они) до сих пор существуют» (труд Рашид ад-Дина создавался в начале XIV в.) [Арсланова 2002, с. 173]. Иоганка Венгр, побывавший в Золотой Орде около 1320 г., также сообщает о «государе всей Башкирии... подчиненном татарам» [Иоганка 2000, с. 158]: вероятно, у башкир также оставались свои правители, лишь подчинившиеся ордынским государям, а не назначавшиеся из числа монголов.

Но Бату, и в дальнейшем активно привлекавший на свою сторону представителей правящей верхушки завоеванных стран, все же был далек от мысли целиком и полностью доверять им. Об этом говорит, в частности, тот факт, что в болгарских городах были снесены стены, которые потом не восстанавливались: археологи датируют обнаруженные остатки стен в городах Волжской Булгарии лишь домонгольским периодом. Вновь основанные ордынские города также возводились без стен, что стало особенностью городского Строительства Улуса Джучи по сравнению с современными государствами [см., напр.: Набиуллин 2001, с. 51, 54].

По сообщению Бенедикта Поляка, «Бати выступил затем... против билеров, то есть Великой Булгарии, и мордванов и, захватив их [знать], присоединил их к своему войску» [Ц. де Бридиа 2002, с. 112]. Таким образом, за счет самих болгар Бату решил увеличить численность своей армии. Новые подданные составили часть его войска, предназначенного для вторжения в Северо-Восточную Русь.

§11. Степная вендетта, или Монголы против кипчаков

*Сняв мантии, советники Вероны
Сжимали трижды в старческих руках
От ветхости тупые алебарды.
Решая тяжбу дряхлой старины.
У. Шекспир. Ромео и Джульетта*

Ибн ал-Асир, современник монгольских завоеваний, в рассказе о первом столкновении монголов с кипчаками (1222 г.), сообщает, что Субэдэй-багатур и Джэбэ-нойон направили кипчакам, выступившим против монголов совместно с аланами, следующее послание: «Мы и вы одного рода, а эти Аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападем на вас, а принесем вам денег и одежд сколько хотите; оставьте нас с ними». И кипчаки, действительно, оставили аланов, которые потерпели поражение [СМИЗО 1884, с. 25].

Казалось бы, монголы просто использовали политику *divide et impera*, разбив врагов поодиночке, тем более что Ибн ал-Асир далее повествует о разгроме монголами и самих кипчаков. Однако, обратившись к последующей истории Улуса Джучи, можно увидеть, что кипчаки играли в ней совершенно особую роль. Весьма характерно сообщение ал-Омари: «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они (Татары) смешались и породнились с ними (Кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (Татар) и все они стали точно Кипчаки, как будто одного с ними рода, оттого, что Монголы и Татары

поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (Кипчаков). Таким образом, долгое пребывание в какой-либо земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет прирожденные черты согласно ее природе...» [СМИЗО 1884, с. 235]. Улус Джучи в восточных хрониках и исторических сочинениях нередко именовался «Булгар и Кипчак», «Хорезм и Кипчак», а его правители — «царями Дешт-и Кипчака», таким образом, элемент «кипчак» постоянно присутствовал в названии державы Джучидов [СМИЗО 1884, с. 229, 446, 456; Григорьев, Фролова 1999, с. 65; Арсланова 2002, с. 202-205; Антонов 2005, с. 43; Евтеев 2005, с. 371]. Более того, по прошествии достаточно короткого периода времени тюркский язык, на котором говорили кипчаки, стал основным языком общения в Улусе Джучи.

Почему же монголы поначалу всеми силами старались расправиться с кипчаками, которые впоследствии стали одним из самых значительных народов Улуса Джучи? Следует принять во внимание, что кипчаки составляли не единый народ, а совокупность многочисленных племен, не связанных друг с другом ничем, кроме, возможно, языка, и к тому же нередко враждовавших между собой. И если одни из этих племен стали смертельными врагами монголов, то другие, напротив, могли стать (и становились) их союзниками, а впоследствии — подданными Бату.

Самым упорным противником монголов был один из кипчакских предводителей — Котьян, сын Сутоя, сражавшийся с Субэдэй-багатуром и Джэбэ еще в 1223 г. на Калке. Котьян не только долгое время враждовал с монголами, но и вынужден был откочевать из родных донских степей и отправиться на чужбину. Около 1239 г. он поступил на службу к королю Венгрии Беле IV и даже породнился с ним, выдав замуж за его сына Иштвана (Стефана) свою внучку. Но великий хан Угедэй направил венгерскому королю грозное послание, в котором требовал изгнать всех кипчаков из Венгрии. Впрочем, Беле не пришлось принимать какого-либо решения в связи с этим письмом: в 1240 или 1241 г. Котьян был убит в результате заговора венгерских феодалов, опасавшихся, что с помощью кипчаков («куманов», как их называли на Западе) король сумеет укрепить свою власть и лишит венгерскую знать прежних привилегий. По иронии судьбы, предлогом для убийства Котьяна послужило подозрение, что *dominus Cumanorum* — такой титул получил Котьян после того, как венгерский принц женился на его дочери, — вел переговоры с приближающимися монгольскими войсками. Гибель Котьяна вызвала восстание кипчаков, которые разорили и сожгли ряд венгерских селений, после чего покинули Венгрию [Плетнева 1990, с. 180].

Дальнейшую судьбу орды Котьяна можно проследить по арабским источникам. По сообщению арабского хрониста Ибн Тагриберди, «когда Татары решили напасть на земли Кипчаков в 639-м году и до них (Кипчаков) дошло это (известие), то они вошли в переписку с Унусханом, государем Валахским, насчет того, что они переправятся к нему через море Судацкое, с тем, чтобы он укрыл их от Татар. Он дал им на это согласие (свое) и отвел им (для жительства) долину между двумя горами. Переправились они к нему в 640-м году. Но когда они спокойно расположились в этом месте, то он нарушил свое обязательство в отношении к ним, сделал на них набег и избил да забрал в плен (многих) из них» [СМИЗО 1884, с. 542]. Вполне возможно, что валахский правитель (видимо, влахо-болгарский царь Иван Асен II или его сын Коломан) расправился с кипчаками из страха перед монголами или по их приказанию: 640 год Хиджры соответствует 1242/1243 г., когда монголы уже вторглись в Болгарию и Валахию и заставили их правителей признать сюзеренитет великого хана. Даже в 1270-е гг. кипчаки (вероятно, потомки подданных Котьяна) все еще скрывались в Венгрии, и только около 1282 г., когда венгерские власти попытались заставить их принять христианство и перейти к оседлому образу жизни, вынуждены были сдаться монголам [Плетнева 1990, с. 180-181]. Византийский историк середины XIII в. Георгий Акрополит сообщает о «племени скифов», которые под натиском татар перебрались в Македонию, а впоследствии часть из них поступила на службу к никейскому императору Иоанну III Ватацу [Акрополит 2005, с. 72, 78].

Но почему именно Котьян и его подданные стали объектом столь жестокой вражды

монголов? На основании косвенных указаний источников А. Г. Юрченко высказывает предположение, что Котьян мог быть родственником Теркен-хатун, матери хорезмшаха Мухаммада, злейшего противника Чингис-хана, и в силу этого — таким же безусловным врагом монголов, как и сам хорезмшах. Это предположение позволяет объяснить упорство, с которым монгольские войска преследовали Котьяна и его подданных повсеместно [Юрченко 2003а, с. 390-392, 396-397]. Другое объяснение может быть предложено на основании сведений китайского дипломата Пэн Да-я, посетившего Монголию в 1233 г. и оставившего «Записки о черных татарах»: «кэбишао... вначале [они] подчинились, а потом взбунтовались, бежали в теснины и за реки, чтобы там сопротивляться» [Ван Го-вэй 1940, л. 26а]. В какой-то мере это предположение подтверждается сообщением Новгородской первой летописи, согласно которому монголы перед битвой на Калке требовали от русских выдать им кипчаков, которых характеризовали как «холопы и... конюсе свои» [ПСРЛ 2000а, с. 265], то есть как своих вассалов. В письме венгерскому королю Беле IV, текст которого сохранился в отчете венгерского доминиканца Юлиана, великий хан Угедэй тоже называет «куманов» своими рабами [Юлиан 1996, с. 30]. Как правило, монголы с особой жестокостью расправлялись с теми, кто сначала признавал их власть, а затем изменял им. Но если Котьян и его сородичи должны были быть уничтожены, то другие племена кипчаков воспринимались Бату и его соратниками как будущие подданные, которых следовало покорить, а не истребить.

Первые масштабные боевые действия против кипчаков войска Улуса Джучи предприняли одновременно с рейдами в Волжскую Булгарию: Ибн-Васыл, арабский хронист конца XIII в., сообщает, что «в 627 (1229-1230 гг.) вспыхнуло пламя войны между татарами и кипчаками» [СМИЗО 1884, с. 73]. Во время похода на Запад войска Чингизидов действовали одновременно против болгар и кипчаков. Как раз в то время как Бату готовил вторжение в Волжскую Булгарию, его двоюродные братья Гуюк и Мунке, взяв с собой до половины всех собранных войск, отправились против кипчаков, мокши и буртасов «...и в короткое время завладели ими» [Рашид ад-Дин 1960, с. 38]. Силы Гуюка и Мунке, несомненно, уступали по численности кипчацким племенам, и странно, что они рискнули выступить с таким контингентом против многочисленного врага. Однако завоеватели сумели использовать противоречия племен Дешт-и Кипчака и поддержать одни (племена) в борьбе с другими, чтобы в итоге покорить всех. Арабский автор XIV в. ан-Нувайри сообщает: «Случилось (однажды), что человек из племени Дурут, по имени Мангуш, сын Котьяна, вышел охотиться; встретил его человек из племени Токсоба, по имени Аккубуль (?) — а между обоими (племенами) было старинное соперничество — и взял его в плен да убил его. Не доходила весть о Мангуше до отца и людей его, и послали они человека по имени Джамгар (или Джалангар), разведать его. Этот вернулся и сообщил им известие об умерщвлении его. Тогда отец его (Мангуша) собрал людей своих и племя свое и пошел на Аккубуля. Когда до последнего дошло известие о походе их на него, то собрал он людей своего племени и приготовился к сражению с ними (Дурутами). Они встретились и сразились; победа осталась за племенем Дурут. Аккубуль (сам) был ранен, а рать его разбрелась. Тогда он отправил брата своего Ансара (или Унсара) к Душихану, сыну Чингизханову, которого Укедия, сидевший в то время на престоле Чингизхановом, отрядил в Северные страны. Он (брат Аккубуля) пожаловался ему (Души) на то, что приключилось народу его со стороны Кипчацкого племени Дурут, и сообщил ему, что если он (Души) пойдет на них, то не встретит (там), кроме их (Дурутов), ни одного противника. Тогда он (Души) двинулся на них со своими войсками, напал на них и большую часть их избил и захватил в плен» [СМИЗО 1884, с. 541; см. также: Плетнева 1990, с. 169-170]. Поскольку ан-Нувейри создавал свой труд гораздо позже описанных им событий, он сделал ряд ошибок хронологического и фактического характера. По его сведениям, Джучи погиб в 641 г. х. (1244 г.), что противоречит всем другим известным нам источникам. Поскольку в вышеприведенном сообщении фигурирует в качестве великого хана Угедэй, нет сомнения, что кипчаки племени Токсоба обратились (если такое обращение действительно имело место) не к Джучи, а уже к

Бату. Думаю также, что нет оснований отождествлять «Котьяна» из сообщения ан-Нувейри с вышеупомянутым ханом Котьяном. Во-первых, его вражда с монголами началась задолго до вступления Угедэя на трон и, соответственно, предполагаемого призвания кипчаками Бату. Во-вторых, другой арабский историк Ибн Халдун (конец XIV — начало XV вв.), описывая тот же эпизод, что и ан-Нувайри, называет «Мангуша, сына Котьяна» «Манкушем, сыном Китмира» [СМИЗО 1884, с. 541].

Вероятно, натиск войск Мунке и Гуюка и их союзников оказался настолько мощным, что основные силы противника были вскоре разгромлены: уже зимой 1237 г. оба царевича были готовы вторгнуться вместе с Бату на Русь, следовательно, у них не было оснований опасаться серьезного сопротивления кипчаков. Джувейни по этому поводу писал: «Когда Казн направил Менгу-каана, Бату и других царевичей завоевать земли Булгара, Аса и Руса, кифчаков, аланов и других племен, все эти земли были освобождены от смутьянов, и те, кому удалось избежать меча, склонили свои головы в повиновении» [Juvaini 1997, p. 557]. Однако как только войска Гуюка и Мунке покинули Кипчакские степи, местные племена взбунтовались, и весной 1238 г. Бату опять пришлось отправлять своих военачальников против кипчаков. Рашид ад-Дин сообщает, что «в нокай-ил, года собаки, соответствующий 635 г. ...Берке направился в сторону кыпчак, а захватили Арджумака, Куранбаса, Капарана, а прежде того — Бекрути» [цит. по: Арсланова 2002, с. 174-175]. Поскольку 635 г. х. приходится на август 1237 — август 1238 гг., скорее всего, в данном сообщении речь идет о событиях лета 1238 г., когда войска Бату вернулись из похода на Северо-Восточную Русь. Наиболее крупным оказался мятеж Бачмана — вождя племени бурджоглы (у Рашид ад-Дина — «ольбурлик»), вероятно — потомка хана Боняка (прав. 1090-1167), известного по сообщениям русских летописей [Плетнева 1990, с. 176-179]. Сопротивление Бачмана достигло таких размеров, что против него были отправлены Мунке и его брат Бюджек с войском более 20000 человек. Вот как описал поход против Бачмана Рашид ад-Дин: «...Мунке-каан шел облавой по берегу моря с левого крыла (букв.: руки) и Бачмана, который был одним из бесстыднейших тамошних эмиров из народа (букв.: толпы) кыпчаков, племени ольбурлик, г и Качир-укуле из племени асов, обоих схватил. А было так, что этот Бачман с группой других разбойников избежал меча. К нему присоединилась группа других беглецов, и (он) бросался во все стороны и что-нибудь похищал. День ото дня его бунт все увеличивался. У него не было (постоянного) местопребывания, поэтому монгольское войско не могло его схватить. (Он) скрывался в зарослях на берегу Волги (Итиля). Мунке-каан приказал построить 200 судов и в каждое посадить по 100 человек полностью вооруженных монголов. (А) он со своим братом Бучеком по обеим сторонам реки пошли облавой. В одном из волжских лесов по свежему навозу и прочему (они) нашли следы спешно откочевавшего стана. Среди этого застали большую старуху. От нее узнали, что Бачман перешел на один остров, а все то, что он в то время захватил (путем) мятежа и бунта, находится на том острове. Из-за неимения судна переправиться через Волгу было невозможно. Внезапно поднялся сильный ветер, вода пришла в волнение и ушла на другое место от прохода на остров. Вследствие удачи Мунке-каана показалась земля. (Он) приказал, чтобы по ней прошли войска и схватили его (Бачмана). Некоторых из его приверженцев убили мечом, некоторых утопили. Вывезли оттуда много добра. Бачман взмолился, чтобы Мунке-каан собственной благословенной рукой довел до конца его дело. (Мунке-каан) дал указание, чтобы его брат Бучек разрубил Бачмана надвое. Также убили Качир-Укуле из эмиров асских» [цит. по: Арсланова 2002, с. 174]. Интересно, что в «Юань ши» сведения о казни Бачмана отсутствуют; более того, на основании этой хроники Е. И. Кычанов делает вывод о его участии в монгольском завоевании Руси [Кычанов 2002, с. 79-80].

Рашид ад-Дин, использовавший сведения Джувейни о действиях монгольских войск против Бачмана, отнес эти события к 1236-1237 гг. Исследователи полагают, что описываемые события могли происходить не ранее весны 1238 г., а возможно — и около 1240 г. [см., напр.: Мыськов 2003, с. 28]. Также важно отметить, что Бачман в официальной историографии представлен не как смертельный враг, которого следовало уничтожить со

всем его народом (подобно Котяну и его подданным), а лишь как «мятежник», который прежде «избежал меча» монголов. Вероятно, он поначалу вместе с остальными кипчакскими вождями признал власть Монгольской империи и только позже, воспользовавшись уходом монгольских войск на Русь, попытался вернуть независимость.

Мятежи кипчаков не прекращались и во время похода Бату на Южную Русь и Венгрию: Рашид ад-Дин пишет, что «в год барса, соответствующий 639 г. х. [12 июля 1241 — 30 июня 1242 г. н. э.], кипчаки в большом числе пошли войною на Кутана и на Сонкура, сына Джучи, [которые], дав сражение, разбили кипчаков» [Рашид ад-Дин 1960, с. 45]. Таким образом, окончательно подавить мятежи племен Дешт-и Кипчака Бату удалось только к 1243 г. Возможно, это было связано как раз с тем, что он, завершив, наконец, многолетние походы решил лично заняться наведением порядка в своих новых владениях.

Впрочем, эти события имели место уже некоторое время спустя после того, как монголы вторглись в пределы еще одного государства, предназначенного во владение потомкам Джучи — «области Рус».

§ 12. «Батыева рать»

Самые первые побуждения природы ничуть не противоречат войне, даже, напротив, скорее ей благоприятствуют. Самая цель войны — сохранение в неприкосновенности жизни и членов тела, сохранение и приобретение вещей, полезных для жизни, — вполне соответствует первым побуждениям природы; и если ради этого окажется необходимым прибегнуть к силе, то это никоим образом не противоречит первым побуждениям природы, поскольку даже отдельные животные наделены от природы достаточными силами и средствами, чтобы обеспечить себе самосохранение...

Г. Гроций. О праве войны и мира

О монгольском походе на Русь написано очень много — пожалуй, это наиболее широко освещенный эпизод из биографии Бату. Правда, большинство отечественных исследователей при описании «Батыева нашествия» используют сведения русских летописей, самая ранняя из которых, Лаврентьевская, была составлена лишь в 1377 г., а многие последующие летописцы опирались на ее сведения. И хотя исследователи полагают, что многие материалы летописных сводов XIV-XVI вв. взяты из более ранних, не дошедших до нас летописей, составлявшихся непосредственно после нашествия [Приселков 1996, с. 137, 142; Рудаков 2000, с. 136-140], сегодня уже очень трудно отделить сведения, записанные со слов современников событий, от «наслоений» авторов последней четверти XIV в., когда на Руси стали доминировать антиордынские настроения. Г. М. Прохоров доказал, что в Лаврентьевской летописи текст, посвященный походу Бату на Русь, стерт, и поверх него написан другой, представляющий собой литературные штампы батальных сцен XI-XII вв. [Прохоров 1972, с. 94-101; ср.: Гумилев 1992, с. 140]. Ценность последующих летописей, создававшихся на основе или под влиянием Лаврентьевской, как источников по истории «Батыева нашествия» не так уж велика. Однако только в последние годы исследователи монгольского нашествия на Русь начинают более критически оценивать сообщения летописцев [см.: Рудаков 2000, с. 135-136; Кривошеев 2005, с. 265-266]. Кроме того, авторы, исследующие монгольское нашествие на Русь, нередко считают достоверными источниками литературные памятники, которые не только были созданы в XV- XVI вв., но и носят ярко выраженный фольклорный или эпический характер. Наиболее характерный пример тому — попытка историков восстановить события войны Бату с Рязанским княжеством на основании «Повести о разорении Рязани Батыем», которую следует рассматривать как литературный памятник, но ни в коем случае не как исторический источник. Историчность содержания «Повести» подверг сомнению еще в 1880-е гг. Д. И. Иловайский [Иловайский 1884, с. 82-85].

Принимая во внимание вышесказанное, полагаю, что при исследовании роли Бату в походе на Русь следует соотносить летописные сведения с информацией иностранных источников. Отдельные сведения о «русской кампании» Бату содержат отчеты венгерского доминиканца Юлиана, отчет папского посланца Иоанна де Плано Карпини, «История» Фомы Сплитского, «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, «Юань ши», а также некоторые более поздние сочинения — «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского, «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи, «Записки о Московии» Сигизмунда Герберштейна, «Родословное древо тюрков» Абу-л-Гази. Кроме того, следует принять во внимание сведения Ипатьевской летописи, которая была составлена на рубеже XIII-XIV вв. в Южной Руси, и ее авторы не испытали влияния северо-восточной летописной традиции; не удивительно, ее сведения о «Батыевом нашествии» имеют существенные отличия от большинства других сохранившихся летописей [см.: Шахматов 1908, с. 137; Лурье 1976, с. 72-75; Феннел 1989, с. 117].

§ 12.1. Поход в Северо-Восточную Русь

Согласно «Сокровенному сказанию», еще Чингис-хан повелел Субэдэй-багатуру завоевать одиннадцать «северных стран», среди которых были и «оросуты» [Козин 1941, § 262, 270]. А это означает, что Бату и Субэдэй заранее планировал поход на Русь, а не напали, спровоцированные самими «русскими, как полагают некоторые современные авторы [см., напр.: Мухамметов 2000, с. 127-129]. Согласно сведениям Юлиана, «они, как передали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед шм, ждут того, чтобы земля, реки и болота с наступлением ближайшей зимы замерзли, после чего всему множеству татар легко будет разграбить всю Русь, всю страну русских» [Юлиан 1996, с. 28]. В течение лета и осени года огня-курицы (1237 г.) Бату собирал под свое командование войска других Чингизидов и поздней осенью или в самом начале декабря находился уже у русских границ. Войско монголов было разделено на три части: «Одна часть у реки Итиль на раницах Руси с восточного края подступила к Суздалью, другая же часть в южном направлении уже напала на границы Рязани, другого русского княжества. Третья часть остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж, также княжества русских», — сообщает тот же Юлиан [Юлиан 1996, с. 27-28].

Если бы мы опирались исключительно на русские летописи, то нам пришлось бы сделать вывод, что личное участие Бату в походе на Северо-Восточную Русь было весьма незначительным. Несмотря на то что большинство летописцев называют монгольское вторжение на Русь 1237-1238 гг. «Батыевым нашествием», «Батыевым пленением», «Батыевым разорением» и т. п., они упоминают об участии Бату лишь в двух-трех военных операциях. Например, Ипатьевская, Тверская и Ермолинская летописи и Московский летописный свод конца XV в. сообщают только о том, что Бату осаждал и захватил Козельск. В Типографской летописи присутствует упоминание, что Бату также взял Москву. О том, что роль Бату в этой кампании была гораздо более активной, свидетельствуют иностранные источники.

Согласно сообщениям русских летописей, «безбожнии Татарове съ царемъ ихъ Батыемъ» зимой 1237 г. вступили в пределы Рязанского княжества и стали лагерем у Онузы (Нузлы), которую тут же взяли штурмом [см., напр.: Московский свод 2000, с. 174]. Это сообщение, по-видимому, следует соотнести с известием венгерского доминиканца Юлиана о части монгольских войск, которая «остановилась против реки Дона, близ замка Воронеж, также княжества русских». В рассматриваемый период «Воронеж» было названием реки, а не «замка» или тем более «княжества», а поскольку город Воронеж был основан лишь в XVI в. [см. напр.: Мишон 2000, с. 164]. Поэтому, полагаю, «замок Воронеж» Юлиана можно отождествить с «Онузой» русских летописцев. Вероятно, это была одна из пограничных рязанских крепостей, которую осадил и взял Бату.

И только после этого предводитель монгольских войск направил послов в Рязань.

Подобная последовательность действий выглядит нелогичной, однако недоумение рассеивается после того, как только мы рассмотрим действия Бату при вторжении в другие княжества. Аналогичным образом он действовал во Владимирском княжестве, Новгородской земле, Черниговском княжестве: он осаждал пограничную крепость, производя своеобразную «демонстрацию силы» и ожидая, как поведет себя князь, которому он бросал вызов. Забегая вперед, скажем, что ни Новгород, ни Чернигов не начали ответных боевых действий, и поэтому немедленных походов против них не последовало. Но рязанские князья повели себя иначе. Тверской летописец приводит их ответ на требование Бату признать власть монгольского хана и выплачивать ему десятину: «Когда нас всех не будет в живых, то все это ваше будет» [Воинские повести 1985, с. 88]. Такая реакция давала законный повод для войны против рязанцев, отказавшихся покориться, и вскоре монголы «начали завоевывать Рязанскую землю, и пленили ее до Пронска, взяли все Рязанское княжество», а в середине декабря осадили Рязань.

Русские летописцы не сообщают о том, что осаду Рязани возглавил Бату. Зато Рашид ад-Дин перечисляет предводителей монгольских войск, участвовавших в осаде и етурме Рязани: «Бату, Орда, Гуюк-хан, Менгу-каан, Кул-кан, Кадан и Бури» [Рашид ад-Дин 1960, с. 38]. Учитывая столичный статус Рязани, действия Бату не кажутся чересчур осторожными: напротив, решение собрать значительные силы для взятия Рязани принесло ему сравнительно быструю и решительную победу. По словам Рашид ад-Дина, Рязань была взята на третий день после осады, тогда как большинство русских летописей указывает, что штурм и захват города состоялись на шестой день. «Юань ши» сообщает, что «на седьмой день разрушили его [город Рязань]» [Кычанов 1999, с. 165].

Интересно отметить, что источники содержат как минимум три версии гибели рязанского князя Юрия Игоревича: Согласно «Повести о разорении Рязани Батыем», он был убит «около границ рязанских» [Воинские повести 1985, с. 109]; Лаврентьевская летопись сообщает о его гибели при обороне Рязани [Воинские повести 1985, с. 71]; наконец, согласно Ипатьевской летописи, монголы «...взяша градъ Рязань копиемъ, изведшее на лъсти князя Юрия, и ведоша Пръньску; бе бо в то время княгини его в Пръньскы; изведоша княгиню его на лъсти, убиша Юрия и княгиню его...» [ПСРЛ 1908, с. 778]. Последняя версия привлекает более пристальное внимание: Бату и впоследствии захватывал в плен князей, чтобы принудить к сдаче подвластные им города, — так было, например, с захваченным при осаде Москвы Владимиром, сыном Юрия Владимирского, и, возможно, с Васильком Ростовским, попавшим в плен после гибели великого князя Юрия Всеволодовича на реке Сить.

Почти все рязанские князья были уничтожены за исключением Ингваря Игоревича, находившегося в Чернигове, и Олега Ингваревича Красного. Последний, согласно «Повести о разорении Рязани Батыем», попал в плен во время битвы «у границ рязанских» и сразу же был убит по приказу Бату [Воинские повести 1985, с. 109]; между тем летописи подтверждают факт его пленения, но сообщают, что в 1252 г. он занял рязанский стол [ПСРЛ 20006, с. 228; 2002, с. 117]. Третий из братьев, Роман Игоревич, также уцелел, затворившись в своей Коломне, к которой в самом конце 1237 г. (В. Н. Татищев называет дату 1 января 1238 г. [Татищев 2003, ч. 2, гл. 37]) двинулись войска монголов. В битве у Коломны они разгромили войска Романа Ингваревича и Всеволода, сына великого князя Юрия Владимирского. Полагаю, что именно вмешательство великого князя в войну монголов с Рязанью послужило поводом для начала монголами военных действий против Владимиро-Суздальской Руси, а вовсе не «героическое сопротивление рязанцев, не позволившее монголам пополнить запасы и ресурсы для похода на запад», как утверждает Ю. В. Кривошеев [Кривошеев 2003, с. 156].

Об участии Бату в битве у Коломны не сообщают ни русские летописцы, ни восточные авторы. Зато в Типографской летописи имеется сообщение, что «Батый иде к Москве и взя Москву, и воеводу оубиша, Филипа Нянка, а князя Во-лодимера, сына Юрьева, руками яша» [Типографская летопись 2001, с. 124]. Сообщают о взятии Москвы и восточные авторы.

Рашид ад-Дин, не упоминая о Бату, коротко сообщает, что войска монголов «в пять дней взяли также город Макар и убили князя [этого] города по имени Улайтимур» [Рашид ад-Дин 1960, с. 39].

Хивинский автор середины XVI в. Утемиш-хаджи повествует о взятии Москвы гораздо подробнее: «Московский государь получил известие [о движении врага. Он] вышел австречу со ста пятьюдесятью тысячами человек. Они поручили известие о том, что московский государь идет на-стречу... Русский государь не смог разгромить [Шайбан-ана, и тот] схватил его [русского вилайета] государя. Убили из его войска тех, кому суждено было быть убитыми, [а] стальных взяли в полон. Столько досталось [им] имущества и снаряжения, кольчуг [и] панцирей, что не было тому ни цисла, ни счета... Наутро [они] двинулись в путь [и затем] пришли в вилайет Маскав. Там они находились несколько месяцев, устроили дела вилайета, взыскали мал [и] харадж, поставили даруга [и] хакимов и с победой и одолением вернулись в свой вилайет» [Утемиш-хаджи 1992, с. 94]. В сочинении Утемиш-хаджи удивительным образом сочетаются сведения, видимо, почерпнутые из более ранних источников (например, факт участия москвичей в битве с монголами у Коломны и пленение московского князя Владимира Юрьевича) и современные этому автору представления о Москве как столице крупного могущественного государства, правитель которого мог выставить 150000 воинов!

Довольно подробное описание осады и взятия Москвы присутствует у Абу-л-Гази: «В этом походе Саин-хан завоевал один за другим русские города и дошел до Москвы. Там оединились между собою государи Корелы, немцев и Руси; оцепив свой стан и окопавшись рвом, они отбивались в продолжение почти трех месяцев. Напоследок Шибан-хан сказал своему брату Саин-хану: „Дай мне тысяч шесть человек прибавок к воинам, которые при мне; ночью я скроюсь в засаду в тылу неприятеля; на следующий день, вместе с рассветом вы нападите на него спереди, а я сделаю нападение на него с тыла“. На следующий дань так они и сделали, когда разгорелся бой, Шибан-хан, поднявшись из засады, стремился с конницей к валу и, спешась, перешел через вал. Внутри вала стан оцеплен был со всех сторон телегами, связанными железными цепями: цепи перерубили, телеги изломали, и все, действуя копьями и саблями, пешие, напали на неприятеля: Саин-хан спереди, Шибан-хан с тыла. В этом месте избили они семьдесят тысяч человек. Все эти области сделались подвластными Саин-хану» [Абуль-Гази 1996, с. 103-104]. Как и в «Чингиз-наме», в сочинении Абу-л-Гази Москва представлена крупнейшим русским городом, каким она была на момент написания его сочинения (во второй половине XVII в.), но никак не в описываемый период. Чего стоит одно только упоминание о «государях Корелы и немцах», участвовавших в обороне Москвы! Кроме того, хан-историк и постарался представить взятие этого города как триумф своего предка — ведь, по его словам, Шибан сыграл в захвате города решающую роль!

Любопытно, что такое же представление о Москве отразил и австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн середины XVI в.: «...в следующем 6745 году... он дошел до самой Москвы и после непродолжительной осады взял, наконец, царствующий град, сдавшийся [ему]» [Герберштейн 1988, с. 165]. Это показывает, что он писал о нашествии Бату, используя не русские летописи, а западные источники, причем сравнительно недавнего происхождения — когда Москва уже стала столицей Русского государства. Весьма любопытно также сообщение о взятии монголами Москвы курляндца Якова Рейтенфельса, побывавшего в России в 1671-1673 гг.: «В 1235 году был взят город Москва, где по убиении тамошнего князя Георгия вскоре был выбран Александр. Этих двух князей, как я заметил, впервые стали называть в историях князьями как города Москвы, так и Московского княжества. Владимира же в плену у могора, т. е. великого хана, видели доминиканские монахи, посланные от римского папы Иннокентия IV» [Рейтенфельс 1997, с. 271]. Таким образом, и факты, и имена исторических деятелей, и хронология событий в изложении Рейтенфельса (который и начало похода Бату датирует не 1236, а 1228 г.) находятся в противоречии со сведениями всех других известных нам источников, согласно которым

Владимир погиб в 1238г.

Однако чем же привлекла внимание Бату Москва, этот небольшой городок — ведь прежде наследник Джучи руководил взятием только столиц? Вероятнее всего, дело в том, что Москва являлась одним из форпостов Владимирского княжества, и Бату именно ее избрал в качестве объекта «демонстрации силы», которую тоже всегда проводил сам — как это было в случае с Онузой в Рязанской земле. Следующим этапом кампании против Владимиро-Суздальской Руси стали осада и взятие Владимира. Восточные Хронисты и большинство русских летописцев не сообщают о том, что этими действиями руководил Бату. Однако в Ипатьевской летописи есть сообщение, что «Батыеви же ртоящу у града» [ПСРЛ 1908, с. 779]. Несомненно, предводитель похода просто не мог доверить взятие главного города Северо-Восточной Руси кому-то другому — ведь все другие столицы во время похода на Запад захватывал он сам! Великий князь Юрий покинул столицу еще до прихода монголов, чтобы собрать на севере войска для продолжения войны. Обороной города руководили его сыновья Всеволод и Мстислав. После нескольких дней осады, сопровождаемой непрерывным обстрелом из осадных орудий и стрел, нервы сыновей великого князя не выдержали. Старший, Всеволод, увидев «яко крепче брань ратных, убоясь, бе бо и сам младь, самъ из града изыде с маломъ дружины, и несы с собою дары многий: надеяшебося отъ него животь прийтии». Непонятно, на что надеялся тот самый Всеволод, руководивший сражением с монголами у Коломны, которое послужило поводом для войны Бату с Владимирской Русью. Скорее всего, его действия были продиктованы исключительно отчаянием и малодушием: вспомним, что и из-под Коломны он также бежал, оставив гибнущие войска. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Бату «не пощади уности его, веле предъ собою зарезати и градъ весь избье» [ПСРЛ 1908, с. 779]. Юрию Всеволодовичу впоследствии принесли весть, что его сыновья погибли «вне града», из этого следует, что и Мстислав, не желая погибнуть в осажденном городе, пытался бежать из него и был убит во время бегства [Воинские повести 1985, с. 75; см. также: Каргалов 1967, с. 94].

Далеким преемником Бату — золотоордынский хан Токтамыш в 1382 г. захватил Москву хитростью: когда из города вышла делегация для переговоров, войска Токтамыша ворвались через открытые ворота и захватили город. Полагаю, Бату использовал аналогичный прием: воспользовавшись выходом из Владимира княжича Всеволода, он направил к открытым воротам свою конницу, которая и ворвалась внутрь. Косвенное подтверждение этому мы находим в сообщении иностранного современника событий — Фомы Сплитского: «Сначала они окружили и осадили один очень большой город христиан по имени Суздаль и после долгой осады не столько силой, сколько коварством взяли его и разрушили» [Фома Сплитский 1997, с. 104]. Думаю, под Суздалем венгерский историк подразумевает Владимир — столицу Северной Руси, поскольку Суздаль, являвшийся личным уделом великого князя Юрия Всеволодовича, был небольшим городом и к тому же был захвачен без боя еще во время осады Владимира.

Летописцы сообщают, что после взятия Владимира Бату разделил свои силы: «Часть татар пошла к Ростову, а другая часть к Ярославлю, а иные пошли на Волгу на Городец, и пленили они все земли по Волге до самого Галича Мерь-ского; а другие татары пошли на Переяславль, и взяли его, а оттуда пленили все окрестные земли и многие города вплоть до Торжка. И нет ни одного места, и мало таких деревень и сел, где бы не воевали они на Суздальской земле. Взяли они, в один месяц февраль, четырнадцать городов, не считая слобод и погостов, к концу сорок пятого года» [Воинские повести 1985, с. 75]. Некоторые исследователи весьма критически относятся к этому сообщению Лаврентьевской летописи: например, Д. Феннел полагает, что «летописцы Владимира и Новгорода просто перечислили основные города Суздальской земли без всякого представления о том, на какие из этих городов татары напали, какие разграбили, а какие обошли стороной» [Феннел 1989, с. 120]. Вообще, число 14, похоже, имело какой-то символический смысл, причем не только у русских, но и у их восточных соседей: Например, в татарском эпосе «Идегей» присутствует рассказ про русского

С бородою обросшим ртом,
Князя, что ворвался в наш дом
И четырнадцать городов
Истребил огнем и мечом...
/Идегей 1990, с. 163/

Тем не менее факт осады и взятия ряда русских городов монголами Бату не подлежит сомнению: например, Рашид ад-Дин сообщает, что «город Переяславль, коренную область Везислава, они взяли сообща в пять дней» [Рашид а-Дин 1960, с. 39].

В начале марта 1238 г. монголам удалось обнаружить лагерь Юрия Всеволодовича на реке Сить и уничтожить самого великого князя. Согласно Лаврентьевской летописи, «встретились оба войска, и была битва жестокой, и побежали наши перед иноплеменниками. И тут убит был князь Юрий...» [Воинские повести 1985, с. 75]. Рашид ад-Дин не сообщает ни о какой битве: «эмир этой области Ванке Юрку бежал и ушел в лес; его также поймали и убили» [Рашид ад-Дин 1960, с. 39]. Венгерский хронист Фома Сплитский также сообщает, что «короля по имени Георгий они предали смерти вместе с огромным множеством его народа» [Фома Сплитский 1997, с. 104].

Сам Бату в погоне за великим князем не участвовал: он в это время вторгся в пределы Новгородской земли и осадил ее форпост — Торжок, осада которого длилась с 22 февраля по 5 марта [Каргалов 1967, с. 106]. Русские летописцы или восточные историки не сообщают, что именно Бату командовал осадой этого города. Но, во-первых, это был пограничный город очередного княжества, а во-вторых, в Тверской летописи сообщается о взятии «Татарами» Торжка, а затем (после вставок о мученически погибших благочестивых князьях Юрии Владимирском и Васильке Ростовском) следует фраза: «Батый оттуда пошел к Козельску» [Воинские повести 1985, с. 92], что, на мой взгляд, дает достаточные основания предполагать его участие в осаде и взятии Торжка. В «Юань ши» имеется запись: «Войска осадили город Тулисыгэ. Город не сдавался. Доложили об этом Бату, и он направил Субутая руководить боем. Субутай прибыл, отобрав предварительно из армии Хабичи пятьдесят целинкоэ. В первом же сражении Субутай пленил его [Елебан'я], затем осадил город Тулисыгэ и через три дня взял его, захватил русских подданных и возвратился» [Кычанов 1999, с. 165-166]. Поскольку китайские хронисты отнесли эти события к «году под циклическими знаками синь-чоу», т. е. 1241 г., Е. И. Кычанов предположил, что речь идет о сражении под Турском в Малой Польше [Кычанов 1999, с. 166]. Однако гораздо больше оснований усомниться в достоверности даты и отождествить «Тулисыгэ» с Торжком [ср.: Храпачевский 2004, с. 539].

В иностранных источниках и южнорусской Ипатьевской летописи отсутствует сообщение о походе Бату на Новгород весной 1238 г. — одной из самых загадочных страниц его севернорусской кампании. Согласно Новгородской первой летописи, монголы прошли до Игнач-креста, уничтожая все на своем пути, но внезапно повернули назад, не дойдя ста верст до Новгорода. Летописец был уверен, что «Новъ же град заступи богъ и свята и великая сборная и апостольская церковь святаы Софья и святаы преподобнии святители Кирилл и Афанасей и святаых правоверныхъ архиепископовъ молитва и благоверныхъ князей и преподобных черноризиць иерейскаго събора» [ПСРЛ 2000а, с. 289]. Полагаю, что сообщение о чудесном спасении Новгорода следует отнести к разряду политических и церковных мифов, на что наводят два соображения. Во-первых, Игнач-крест до сих пор четко не идентифицирован исследователями; во-вторых «сто верст» также заставляют предположить, что вышеприведенное сообщение имеет легендарно-символическое значение: в самом деле, кто это отсчитал ровно сто верст от Новгорода, чтобы Бату мог повернуть назад?!

Следующий эпизод похода в Северо-Восточную Русь, в котором Бату сыграл ведущую роль, — осада и взятие Козельска. Тверская летопись сохранила весьма красочное описание обороны этого города: «Батый оттуда пошел к Козельску. Был в Козельске князь юный по имени Василий».

Жители Козельска, посоветовавшись между собой, решили сами не сдаваться поганым, но сложить головы свои за христианскую веру. Татары же пришли и осадили Козельск, как и другие города, и начали бить из пороков, и, выбив стену, взошли на вал. И произошло здесь жестокое сражение, так что горожане резались с татарами на ножах; а другие вышли из ворот и напали на татарские полки, так что перебили четыре тысячи татар. Когда Батый взял город, он убил всех, даже детей. А что случилось с князем их Василием — неизвестно; некоторые говорили, что в крови утонул. И повелел Батый с тех пор называть город не Козельском, но злым городом; ведь здесь погибло три сына темников, и не нашли их среди множества мертвых» [Воинские повести 1985, с. 92-93].

Факт осады и взятия Козельска войсками Бату зафиксирован и Рашид ад-Дином: «На этом переходе Бату подошел к городу Козельску и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им. Потом прибыли Кадан и Бури и взяли его в три дня. Тогда они расположились в домах и отдохнули» [Рашид ад-Дин 1960, с. 39]. Таким образом, «семь недель», упомянутые летописцем — отнюдь не преувеличение. Распространенное же мнение о разрушении Козельска до основания, которое позволяет исследователям строить теории «злых» и «добрых» городов, опровергается сообщением Рашид ад-Дина о том, что после взятия города воины Бату «расположились в домах и отдохнули». Вполне возможно, что никаких особенностей по сравнению с другими городами осада Козельска не имела, исключая ее продолжительность.

Тем не менее осада Козельска представляется историкам очередной загадочной страницей кампании 1237—1238 гг., и они готовы предлагать самые фантастические объяснения того упорства, с которым Бату его осаждал. В самом деле, почему монголам было столь важно захватить этот маленький и стратегически вроде бы совсем не важный городок? Л. Н. Гумилев полагал, что, осаждая Козельск, Бату мстил черниговскому князю за участие его предшественника в убийстве монгольских послов перед битвой на реке Калке [Гумилев 1995, с. 132]. В. А. Чивилихин, ссылаясь на результаты археологических раскопок, утверждал, что монголов привлекли хранящиеся в городе крупные запасы зерна: якобы козельцы, убедившись в неминуемости гибели, сожгли зерно, и именно это побудило монголов назвать Козельск «злым городом» и стереть его с лица земли [Чивилихин 1982б, с. 47]. Полагаю, все можно объяснить гораздо проще, причем это объяснение вполне вписывается в алгоритм действий Бату на Руси. Он просто должен был захватить пограничный город очередного княжества и дожидаться реакции со стороны местного князя — собирается ли тот предпринять ответные действия или нет. Именно поэтому Бату в течение семи недель сам осаждал Козельск, выматывая и своих воинов, и осажденных, и лишь убедившись в нехватке своих сил, был вынужден направить приказ отрядам Кадана и Бури присоединиться к нему и совместными усилиями взять город, на что все равно понадобилось три дня. Исследователи указывают, что город был хорошо защищен, причем не только оборонительными сооружениями, но и естественными преградами — реками, болотами, холмами и взгорьями; разлив реки Жиздры и наполнение ручьев и болот растаявшим снегом тоже могли затруднить действия монголов [Рапов 1983, с. 86].

Весьма интересно сообщение летописи о вылазке жителей города, в ходе которой якобы было убито до четырех тысяч осаждающих, в том числе даже три сына темников. Обратим внимание, что сразу после этой вылазки козельца казались отрезаны от города («изшедше изъ градъ») и уничтожены, а монгольские войска ворвались в город, оставшийся беззащитным [ПСРЛ 1908, с. 781; см. также: Рапов 1983, с. 87]. Полагаю, что Бату использовал один из своих отрядов в качестве своеобразного «троянского коня», сумев выманить козельцев из города, хотя после семинедельной осады те должны были бы проявить повышенную осторожность. Будучи уверенным в успехе своей операции, Бату даже решил пожертвовать ненужными больше осадными орудиями: согласно Ипатьевской летописи, «Козляне... иссекоша праща их» [ПСРЛ 1908, с. 781]. Видимо, с такой тактикой козельцам встречаться еще не приходилось, что и сыграло роковую роль в судьбе осажденного города.

Итак, пограничный город Черниговского княжества был взят, а черниговский князь не проявил намерения выступить против монголов. Следовательно, поход можно было закончить и торжественно, с победой, вернуться в приволжские степи.

§ 12.2. Между двумя русскими кампаниями

Отечественные историки высказывают мнение, что Бату понес такие серьезные потери в Северо-Восточной Руси, что в течение какого-то времени должен был пополнять свои войска, лишь в 1239 г. начав новый поход на Русь [см. напр.: Кощеев 1993, с. 135].

Восточные источники опровергают это утверждение: интенсивность боевых действий монголов в промежутке между двумя вторжениями на Русь не снижалась. Правда, сам Бату действительно на некоторое время отошел от непосредственного участия в них: походами против мятежных народов Поволжья и прилегающих территорий руководили его родные или двоюродные братья. Так, «в нокай-ил, год собаки, соответствующий 635 г., осенью Мунке-каан и Кадан отправились на черкесов и зимой убили там государя по имени Тукар»; примерно в то же время «Шейбан, Бучек и Бури отправились в область Крым... и у народа хыпча-кан захватили холм Таткара». Тогда же начал свою полководческую карьеру и еще один брат Бату — Берке, совершивший свой первый поход: «Берке направился в сторону кыпчак, а захватили Арджумака, Куранбаса, Капарана, а прежде того — Бекрути». Бури, Шибан и Бюджек в этом же году совершили набег на Крым, а затем «в год кака-ил, года свиньи, соответствующий 636 г., Гукж-хан, Мунке-каан, Кадан и Бури отправились в сторону города М.н.к.с. и зимой, после месяца и пятнадцати дней осады, взяли его» [Арсланова 2002, с. 174-175]. Таинственный «город М.н.к.с» исследователи склонны отождествлять с Маначем или Мангашем на Северном Кавказе [см.: Гадло 1994, с. 179-180; Арсланова 2002, с. 172].

Вероятно, на это же время приходится и описанное выше выступление кипчакского предводителя Бачмана. Воспользовавшись сначала отсутствием монгольских войск, отправившихся против русских, а затем — их рассредоточением в борьбе с народами Поволжья, Дешт-и Кипчака и Северного Кавказа, он объединил непокорных кипчаков и, возможно, вступил в союз с ясами, возглавляемыми Качир-укуле. Его сопротивление достигло таких масштабов, что Бату и Субэдэю пришлось принимать серьезные меры. Из похода на Кавказ были отозваны все царицы (военачальник Букдай продолжал продвижение вплоть до Дербента — «Тимур-кахалка» персидских летописцев), и против Бачмана отправился Мунке вместе со своим братом Бюджеком, которые после нескольких не слишком удачных рейдов все же уничтожили войско Бачмана, а самого его взяли в плен и казнили.

В Поволжье, которое Бату намеревался сделать своим новым домом, монголам в течение почти трех лет пришлось вести войну с мордвой, мокшей и другими местными народами: «Пришли тамошние эмиры Баян и Джикку и (изъявили) царицам покорность. Получив милость, возвратились (назад), но снова взбунтовались. Снова послали Субадай бахадура, чтобы (тот) овладел (ими)». Здесь, как сообщают персидские историки, помимо братьев Бату, вновь были задействованы Гуюк, Кадан и Бури [Арсланова 2002, с. 173-175]. А тот факт, что военные действия пришлось возглавить лично Субэдэй-багатуру, свидетельствует о серьезной опасности, исходившей от мятежников.

Интересно отметить, что, согласно официальной трактовке восточных придворных историков, кампании против народов Поволжья, кипчаков и прочих в 1236-1238 гг. описаны как война, покорение народов, которые должны быть подчинены — согласно завещанию Чингис-хана и интересам Монгольской империи, — но все еще оставались непокоренными. А боевые действия 1238-1240 гг. представлены не как очередной этап похода на Запад, а лишь как восстановление порядка внутри Монгольской империи, подавление мятежей, которые поднимало местное население против законной власти. Таким образом, факт первоначального покорения и признания ими власти Золотого рода автоматически вводил их

в число подданных великого хана, и любое их дальнейшее сопротивление (возможно, законное с их точки зрения) трактовалось монголами как преступление, мятеж против легитимной власти, что влекло соответствующие карательные действия.

Чем же занимался в этот период сам Бату? По умолчанию предполагается, что он занимался устройством своего улуса в Поволжье. Но обратим внимание на то, что «Сокровенное сказание» упоминает Бату среди участников курултая года мыши (1240) [см.: Никитин 2003, с. 241]. Весьма вероятно, что он, и в самом деле, прибыл в Монголию, в частности, для официального подтверждения своих полномочий главнокомандующего и для получения приказаний относительно дальнейших военных действий.

§ 12.3. Был ли поход в Южную Русь?

Вскоре после похода на Северо-Восточную Русь 1237-1238 гг., считают исследователи, Бату совершил аналогичный поход и на Южную Русь в 1239-1241 гг. Между тем никакого единого похода на этот раз не было: была серия отдельных рейдов как в северные, так и в южные области Руси.

Отряды Гуюка, Кадана и Бури, прежде действовавшие против мордвы и мокши, в год свиньи (1239 г.) «зимой захватили... Мордовскую землю, и Муром сожгли, и воевали по берегу Клязьмы, и город святой богородицы Гороховец сожгли, а затем вернулись в станы свои» [Воинские повести 1985, с. 79; Каргалов 1967, с. 113]. Таким образом, Бату отправил свои отряды в Рязанское княжество, разорять начавшие, было, восстанавливаться города и села. Эти действия не носили характера крупного вторжения, подобного предпринятому двумя годами раньше: Бату просто давал понять преемникам русских князей, погибших во время нашествия, что им следовало бы изменить политику и пойти на признание власти великого хана в лице его представителя — самого Бату. Дело в том, что ни вокняжившийся в Рязани Ингварь Ингваревич, ни новый великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович прежде не имели дела с монголами и не могли непосредственно убедиться в их силе и могуществе — приходилось демонстрировать им мощь монгольского оружия.

Начиная с 1239 г. все большее внимание Бату стала привлекать Южная Русь: «Того же лета нача Батый посылати на грады Русския. Послании же Батыеви пришедше в Русь взяша град Переяславль... А иную же рать посла на Чернигов» [Московский свод 2000, с. 179].

Первым крупным городом, павшим под натиском монголов, стал Переяславль-Южный — некогда третий по значению город на Руси. Нападению на Переяславское княжество не предшествовала обычная схема действий, которой Бату старался придерживаться раньше: взятие пограничной крепости и только в случае враждебных действий местных правителей — начало масштабного вторжения. Лаврентьевская летопись сообщает: «В тот же год татары взяли Переяславль Русский, и епископа убили, и людей перебили, а город сожгли огнем, и, захватив много пленников и добычи, отступили» [Воинские повести 1985, с. 79]. Что могло поужить причиной таких решительных и бескомпромиссных действий монголов? Полагаю, их вызвало то, что русские в очередной раз поддержали кипчаков: как раз в этих местах и в этот период времени с кипчаками сражался Берке, брат Бату. Вероятно, переяславцы, так и не извлекая уроков после трагедии на Калке, либо вновь выступили вместе с кипчаками против «поганых», либо же согласились дать им убежище в пределах своего княжества. Возможно, пустившись в погоню за разгромленными кипчаками, войска Берке, завершая свою миссию, настигли их остатки в Переяславской земле [ср.: Каргалов 1967, с. 113]. Убийство епископа, нетипичное для монголов, видимо, тоже следует объяснить мстью городу (включая всех его жителей) за союз с кипчаками.

Как бы то ни было, но весной года 6747 (1239 г., некоторые источники называют точную дату — 3 марта) [ПСРЛ 89, с. 51; ср.: Каргалов 1967, с. 113] Переяславль Южный пал и с этого времени окончательно утратил свое значение. Не исключено, что Бату после падения города немедленно направил сюда своих наместников, поскольку эта область расположена в степной зоне и, следовательно, подходила для постоянного пребывания

кочевых подданных Бату. Ипатьевская летопись сообщает, что когда Даниил Галицкий ехал к Багу, «он пришел в Переяславль, и тут его встретили татары» [ПЛДР 1981, с. 313], подтверждая, таким образом, что к этому времени город уже находился в непосредственном подчинении монгольских властей.

Южная граница Руси оказалась, таким образом, открыта для более масштабного вторжения. И Мунке со своим братом Бюджеком, незадолго до того покончившие с кипчакским предводителем Бачманом, осенью 1239 г. оказались уже под стенами Чернигова. Если войскам Берке удалось взять Переяславль фактически с налета, то столичный город Северной земли оказал куда более упорное сопротивление. Тверская летопись так описывает его оборону: «А других татар Батый послал к Чернигову. Мстислав Глебович, внук Святослава Ольговича, услышав об этом, пришел на татар с большим войском к Чернигову, и произошла жестокая битва. Из города на татар метали пороками камни на полтора выстрела, а камни могли поднять только два человека. Но татары все же победили Мстислава, и многих воинов избили, а город взяли и огнем запалили, но епископа их довели до Глухова и отпустили» [Воинские повести 1985, с. 93-94].

В начале следующего года Мунке подошел к Киеву, Он направил в город послов, но последние были убиты Михаилом Черниговским, владевшим в это время «матерью городов русских». Убийство послов должно было повлечь немедленную осаду, штурм и взятие Киева, но Мунке не торопился наказывать киевлян за непродуманные действия их князя (который к тому же, не дожидаясь каких-либо действий со стороны монголов, вместе с сыном Ростиславом бежал в Венгрию): он понимал, что с его немногочисленными войсками Киев не взять. Кроме того, вероятно, он совершал по распоряжению Бату лишь разведочный рейд, на что указывают и сообщения русских летописей: в Тверской: летописи например, есть запись, что «Батый послал Менгухана осмотреть Киев» [Воинские повести 1985, с. 94].

Осенью 1240 г. Бату вновь возглавил объединенные войска и приступил к осаде Киева, сосредоточив под ним все силы, задействованные в западном походе. Вместе с ним в осаде приняли участие «Урдюй, Байдарь, Бирной, Кайдань, Бечак, и Меньгу, и Куюк..., се Бедея богатурь и Бурунъдай багатырь...» [ПСРЛ 1908, с. 785]. В этом списке, приведен ном русским летописцем на основании слов захваченного в плен «Татарина именем Товруль», легко угадываются участники и первого похода на Русь — соответственно Орду, Байдар, Бури, Кадан, Бюджек, Мунке, Субэдэй-багатур и Бурундай.

Бату осадил город 6 сентября и в течение двух с половиной месяцев вел почти непрерывный обстрел городских укреплений из луков и камнеметов. Но лишь 19 ноября монголам удалось ворваться в город, однако в отдельных частях Киева сопротивление продолжалось до 6 декабря. Согласно русским летописям, Бату сохранил жизнь воеводе Дмитру, укловившему обороной города и раненым попавшему в плен: монгольский предводитель приказал залечить раны воеводы и оставил его при себе [см., напр.: ПСРЛ 1908, с. 785].

Взятие Киева не прошло мимо внимания и западноевропейских авторов. Так, Иоанн де Плано Карпини писал: «Они пошли против Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, после долгой осады они взяли его и убили жителей города» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 51]. Как следует из асмого сообщения, Киев привлек внимание францисканца, поскольку являлся столицей, что представляется весьма странным: брат Иоанн лично побывал в Киеве во время своей поездки к монголам и мог убедиться, что столичный статус этот город давно утратил. Польский историк XVI в. Матвей Меховский писал: «В год господень тысяча двести сорок первый татары пришли в Руссию и до основания разрушили обширнейший город Киев, великолепную столицу русских. Этот город имел крепкие ворота и башни, а на некоторых воротах блестящие позолоченные крыши. Был там до сих пор есть митрополит русского или греческого обряда, глава многих владык (wladicis) и епископов, начиная от Дуная — по Молдавии, Валахии, Руссии и Московии, но в Киеве, после разрушения, он больше не живет» [Меховский 1936, с. 49]. В Хронике Быховца, составленной в Великом няжестве

Литовском в начале XVI в., имеется сообщение: «...поднялся царь Батый, и пошел на Русскую землю, и всю землю Русскую повоевал, и многих князей русских убил, а иных в плен увел, а столицу всей земли Русской, город Киев, сжег и сделал пустым. А князь великий киевский Дмитрий, испугавшись большой силы и могущества его, убежал из Киева в город Чернигов, и потом узнал, что город Киевский сожжен и вся земля Русская опустошена» [Хроника Быховца 1966, с. 36]. Как видим, если Утемиш-хаджи и Абу-л-Гази присвоили Москве XIII века статус столицы, каким она обладала в их эпоху, то европейские авторы склонны были признавать такой же статус за Киевом, который ко времени описываемых событий уже лишился его!

После взятия Киева войска Бату двинулись далее, в Галицко-Волынскую Русь. В Ипатьевской летописи эта кампания описана следующим образом: «Батыю же вземшю градъ Кыевъ и слъзшавъшоу емоу о Даниле яко в Оугрехъ естъ, поиде самъ Володимероу и приде к городу Колодяжьноу, и постави порока 12 и не може разбити стены, и начать перемольвлывати люди; они же послоушавше злого света его, передашася и сами избити быша. И приде Каменцю Изяславлю взять я; видивъ же Кремянецъ и градъ Даниловъ, яко не возможно прияти емоу, и отъиде отъ нихъ; и приде к Володимероу, и взя и копьемъ, и изби и не шадя, тако же и градъ Галичь, иныи грады многы, имъ же несть числа» [ПСРЛ 1908, с. 785; см. также: Пашуто 1956, с. 158]. Краткое сообщение об этих событиях мы находим также у Рашид ад-Дина: «Осенью хулугинэ-ил, года мыши, соответствующего месяцам 637 г. х. [1239 г. н. э.]... царевичи Бату с братьями, Кадан, Бури и Бучек направились походом в страну русских и народа черных шапок и в девять дней взяли большой город русских, которому имя Манкер-кан, а затем проходили облавой туман за туманом все города Владимирские и завоевывали крепости и области, которые были на их пути. Потом они осадили город Учогул Уладмур и в три дня взяли его» [Рашид ад-Дин 1960, с. 44-45]. Из городов, упомянутых персидским историком, только последний сюжет быть идентифицирован: несомненно, речь идет о Вламире-Волынском, который и был взят после трехдневной осады объединенными войсками Чингизидов.

Без боя перешли под власть Бату города и городки Болоховской земли, правители и население которых стали снабжать участников похода провиантом и фуражом для коней: «оставили бо ихъ Татарове, да имъ орють пшеницю и проса» [ПСРЛ 1908, с. 791]. Эта поддержка оказалась весьма кстати для монгольских войск: она позволила не возвращаться на Волгу, а на месте запастись провиантом для вторжения в Польшу и Венгрию.

§ 13. Две победы за три дня, или Монгольское вторжение в Европу. Батый - полководец?

Когда силы армии равны силе армии противника, то победит тот, у кого военачальник одаренный, а тот, у кого военачальник уступает вражескому, потерпит поражение.

Книга правителя области Шан

Ипатьевская летопись сообщает, что после захвата городов Галицко-Волынской земли пленный воевода Дмитрий посоветовал Бату: «не мози стряпати в земле сей долго, время ти естъ на Угры уже пойти; аще ли встряпаеши, земля ти ести силна, сберуться на тя и не пустять тебе в землю свою» (ПСРЛ 1908, с. 785). Но вряд ли правитель Улуса Джучи действительно двинулся в Европу, следуя исключительно совету своего пленника!

Некоторые исследователи склонны полагать, что вторжение в Центральную Европу Бату осуществил по собственной воле и даже в противоречии с планами великого хана Угедэя, который отозвал из его войск несколько царевичей с их отрядами [см. напр.: Егоров 1985, с. 26-27]. Однако вся дальнейшая политика наследника Джучи показывает, что самому ему этот поход был совсем не нужен: Бату было вполне достаточно тех территорий, которые он завоевал во время похода на Волжскую Булгарию, а затем — на Южную Русь.

Вторжение в Венгрию было необходимо для решения главных задач похода, поставленных великим ханом Угедэем. Прежде всего Бату должен был достигнуть и уничтожить кипчакского хана Котьяна вместе с его ордой, ибо именно его соплеменники положили начало вражде племен Дешт-и кипчака с монголами. Уничтожение Котьяна становилось вполне обоснованным и законным предлогом для вторжения в любую страну, которая давала приют этому злейшему врагу монголов. Не случайно Угедэй, узнав, что Котьян нашел прибежище у короля Венгрии Белы IV, направил последнему грозное послание, дошедшее до нас в изложении венгерского миссионера Юлиана: «Я, Хан, посол царя небесного, которому он дал власть над землей возвышать покоряющихся мне и подавлять противящихся, дивлюсь тебе, король венгерский: хотя я в 30-й раз отправил к тебе своих послов, почему ты ни одного из них не отсылаешь мне обратно, да и своих ни послов, ни писем мне не шлешь. Знаю, что ты король богатый и могущественный, и много под тобой воинов, и один ты правишь великим королевством. Оттого-то тебе трудно по доброй воле мне покориться. А это было бы лучше и полезнее для тебя, если бы ты покорился мне добровольно. Узнал я сверх того, что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством; почему приказываю впредь не держать их у себя, чтобы из-за них я не стал против тебя. Куманам ведь легче бежать, чем тебе, так как они, кочуя, без домов в шатрах, может быть, и в состоянии убежать; ты же, живя в домах, имеешь замки и города: как же тебе избежать руки моей?» [Юлиан 1996, с. 29-30]. Не ответив на это послание, Бела проявил враждебность к монголам, и нападение на Венгрию стало неотвратимым. Исчерпывающее объяснение причин вторжения было дано в письме Гуюка, ставшего великим ханом, к папе римскому Иннокентию IV, которое было обнаружено в архивах Ватикана в 1920 г.: «Вы послали мне такие слова: „Вы взяли всю область Магар (Венгров) и Киристан (христиан); я удивляюсь. Какая ошибка была в этом, скажите нам?“ И эти твои слова мы тоже не поняли. Чингис-хан и Казн послали к обоим выслушать приказ бога. Но приказа бога эти люди не послушались. Те, о которых ты говоришь, даже держали великий совет, они показали себя высокомерными и убили наших послов, которых мы отправили. В этих землях силою вечного бога люди были убиты и уничтожены» [цит. по Иоанн де Плано Карпини 1997, прим. 182 на с. 393]. Было и другое, менее обоснованное с точки зрения монгольской законности, но не менее важное обстоятельство: степные районы Венгрии прекрасно подходили для кочевых подданных монгольского хана...

Не все из прежних соратников Бату отправились с ним в Европу. Великий хан еще во время осады Киева или сразу после нее отозвал из западного похода своего старшего сына Гуюка и племянника Мунке. Возможно, он собирался поручить этим царевичам, уже успевшим проявить себя неплохими полководцами, возглавить военные действия против Кореи и Южного Китая, с которыми планировал возобновить войну [ср.: Мыськов 2003, с. 34]¹². Но планы Угедэя так и остались нереализованными: еще до прибытия царевичей он умер, и они, прибыв в Монголию, «расположились в своих ордах» [Рашид ад-Дин 1960, с. 40]. Все остальные участники похода на Волжскую Булгарию и Русь выступили вместе с Бату против венгров и поляков: его братья Орду и Шибан, сын Чагатая Байдар со своим племянником Бури, сын Угедэя Кадан, Бюджек — брат Мунке и, конечно же, Субэдэй-багатур.

Войско Бату пополнилось еще и русскими. Об их участии в походе на стороне монголов упоминает Фома Сплитский, сообщивший, что «один перебежчик из рутенов перешел на сторону короля» и рассказал венгерским военачальникам о расположении монгольских войск и их планах [Фома Сплитский 1997, с. 107]. Ян Длугош также пишет, что в битве при Лигнице принял участие «некий татарский отряд, неизвестно — русского либо татарского происхождения». Правда, к сообщению этого автора XV в. следует относиться

¹² Дж. Чамберс по неизвестной причине полагает, что и Мунке, и Гуюк действовали в Венгрии и Трансильвании [Chambers 2001 p. 101].

весьма осторожно, поскольку в этом же рассказе он упоминает о подходе в решительный момент войск самого Бату, благодаря чему монголы и одержали победу, хотя, как известно, Бату в Польше не воевал [Dlugosz].

Левым крылом монгольского войска предводительствовали Кадан, сын Угедэя, Бури, внук Чагатая, и Бюджек, сын Гулуя. По-видимому, перед ними стояла задача не позвонить жителям областей, расположенных на территории современных Молдавии и Трансильвании, прийти на помощь венгерскому королю, подданными которого они в то время являлись. Рашид ад-Дин сообщает об их рейде следующее: »Кадан и Бури выступили против народа сасан и после троекратного сражения победили этот народ. Бучек, через Караулаг (Валахию) пройдя тамошние горы, разбил те племена [Кара]улага, оттуда, через лес и гору Баякбук, вступил в пределы Мишлява и разбил врагов, которые стояли там, готовые встретить его» [Рашид ад-Дин 1960, с. 45]. По сообщению каноника (впоследствии — сплитского епископа) Рогерия, около полутора лет проведенного в плену у монголов во время их нашествия на Венгрию, царевичи без особого труда прошли владения западных кипчаков («куманов»), загнув вторглись в Южную Венгрию, захватили Родну, Варадин и ряд других городов. Выполнив свою задачу, они направились на север, на соединение с основными силами Бату, «забрав с собой всю добычу» [Хрестоматия 1963, с. 714-715; см. также: Юрасов 1990, с. 151].

Правое крыло возглавили старший сын Джучи Орду и его двоюродный брат Байдар, сын Чагатая. Подобно Кадану и Бури, им выпала задача не позволить потенциальным союзникам венгерского короля — польским князьям, тевтонским щцарям и чешскому королю Вацлаву — прийти на помощь Беле IV. Еще в начале зимы года железа-коровы (1241 г.), пока Бату с основными силами завершал подчинение Галицко-Волынской Руси, передовые отряды Орду и Байдара вторглись в Польшу, захватили Люблин и Завихост и дошли до Рацибужа. Когда Бату, наконец, выступил на венгров (ранней весной того же года), отряды этих царевичей вновь пересекли Вислу. «Орда и Байдар, двинувшись с правого крыла, пришли в область Илавут, — пишет Рашид ад-Дин, — а против [них] выступил с войском Барз, но они разбили его» [Рашид ад-Дин 1960, с. 45]. Из европейских источников известно, что они захватили и разорили Сандомир, Краков, разгромили у Ополя местных князей — Владислава Опольского и Болеслава Сандомирского, которые бежали с поля боя. Опустошив Серадз, Ленчицу и Куявию, они двинулись дальше на запад, в Силезию, где у Лигницы встретились с войсками самого могущественного из Пястов — Генриха Силезского, войска которого были усилены также воинами его двоюродного брата — моравского владетеля Болеслава Щепелки и даже рыцарями Тевтонского ордена и Ордена Храма. Эта коалиция потерпела сокрушительное поражение от Орду и Байдара, причем большинство европейских военачальников погибло, включая Болеслава Щепелку. Генрих Силезский, после, этой битвы получивший прозвище Благодетельный, по одним сведениям, также погиб в битве [Великая хроника 1987, с. 154-155], по другим — попал в плен: его заставили преклонить колени перед телом погибшего монгольского военачальника (ни один источник не сообщает, какого именно), после чего отрубили голову, которую доставили Бату [Ц. де Бридиа 2002, с. 112; ср.: Chambers 2001, р. 99]. В течение месяца войска Орду и Байдара опустошали Моравию, а затем соединились с основными силами Бату [см.: Меховский 1936, с. 55]. Таким образом, и правое крыло монгольских войск выполнило поставленную перед ним задачу: польские войска были разгромлены, их поражение произвело такое впечатление на чешского короля Вацлава, что он отказался от намерения прийти на помощь полякам. Битва у Лигницы произошла 9 апреля 1241 года, и это лишь подтверждает скрупулезное исполнение монгольскими царевичами-военачальниками плана, разработанного Субэдэй-багатуром, ибо всего через два дня после нее Бату одержал одну из своих самых значительных побед - у Мохи на реке Шайо..

В начале 1241 г. войска наследника Джучи миновали карпатский перевал, известный как Русские ворота, легко смели со своего пути еловые и дубовые завалы, сделанные по приказу Белы IV, разбили войска королевского наместника и вторглись в Венгрию, намереваясь наказать короля Белу за предоставление убежища кипчакам хана Котяна. И хотя

Котян был убит в результате заговора венгерских магнатов еще до вторжения монголов в Венгрию, это не заставило Бату отказаться от войны с Белой IV.

Собрав свои войска и призвав вассалов, венгерский король выступил навстречу монголам и стал лагерем у Шайо. Фома Сплитский сообщает, что «так как разные люди имели разные мнения, то они и не пожелали прийти к какому-либо единодушному решению. Одни, скованные безмерным страхом, говорили, что нужно временно отступить и не вступать с ними в бой, поскольку это — варвары, от которых нет надежды на спасение и которые завоевывают мир не из жажды власти, а из страсти к наживе. Другие по глупому легкомыслию беспечно говорили: „При виде нашей многочисленной армии они тут же обратятся в бегство“. Вот так те, кому была уготовлена скорая погибель, не смогли прийти к единому решению» [Фома Сплитский 1997, с. 107].

В то время как Бела предпринимал безуспешные попытки навести порядок в своей армии, Бату больше внимания уделял моральным качествам своих подчиненных. Тот же Фома Сплитский сообщает, что Бату, лично проводя разведку, поднялся на холм над рекой и осмотрел расположение войск противника, после чего обратился к своим воинам: «Друзья, мы не должны терять бодрости духа: пусть этих людей великое множество, но они не смогут вырваться из наших рук, поскольку ими управляют беспечно и бестолково. Я ведь видел, что они, как стадо без пастыря,- заперты, словно в тесном загоне» [Фома Сплитский 1997, с. 107]. Как уже указывалось выше, венгерский хронист, по-видимому, отразил священный ритуал, исполняя который Бату обратился к Небу, прося даровать победу в предстоящем бою: «...Весь день и всю ночь он ни с кем не говорил, а только молился и причитал; и он велел мусульманам также собраться и возносить молитвы» [Juvaini 1997, p. 270-271; Негри 1844, с. 385-386]. Несомненно, харизматическая власть и умение вовремя сказать нужные слова воинам позволяли Бату поддерживать боевой дух в своих многочисленных и разноплеменных войсках.

Утром 11 апреля брат Белы герцог Коломан и Калочский епископ Хугрин, не посоветовавшись со своим предводителем и сюзереном, выступили во главе своих дружин к мосту, по которому проходила переправа через Шайо и, легко разогнав незначительные силы монголов, собравшиеся у него, выставили там свою охрану. Бату приказал выставить напротив моста семь камнеметных машин, которые расстреляли всю венгерскую охрану [Фома Сплитский 1997, с. 107; см. также: Свентославский 2002, с. 373]. После этого войска Бату начали переправу через мост. Несмотря на разгром передовых отрядов венгров, при переправе воины Бату столкнулись с сильным сопротивлением, причем, согласно «Юань ши», погиб некий предводитель монголов «Бахадур» [Юань ши 2004, с. 504]¹³. Бенедикт Поляк также сообщает, что герцог Коломан «в первой же схватке собственноручно сбросил главного предводителя тартар с моста над этой рекой вместе с лошадьёю и оружием в бездну смерти», возможно имея в виду того же «Бахадура» [Ц. де Бридиа 2002, с. 112]. Сообщающий об этих событиях персидский автор начала XIV в. Вассаф пишет, что предводителем передового отряда был Сартак — старший сын Бату [СМИЗО 1941, с. 84].

Несмотря на отпор венгров, монгольским войскам удалось переправиться и даже захватить противника врасплох. Окружив венгерский лагерь, монголы обрушили на защитников ливень стрел, в том числе и зажигательных, венгры так и не пришли к согласию по поводу совместных действий: пока большинство баронов готовились к бою, герцог Коломан, епископ Хугрин и присоединившийся к ним магистр тамплиеров в Венгрии попытались перейти в контратаку. Их немногочисленные отряды очень скоро были смяты, тяжелораненые герцог и епископ вернулись в лагерь, а магистр погиб. Часть венгерского воинства погибла от стрел, остальные, так и не получив приказа по поводу дальнейших действий, обратились в бегство. Венгры пытались выбраться из лагеря, но им преграждали

¹³ Р. П. Храпачевский отождествляет этого Бахатура с сыном Шибана и племянником Батыя [Юань ши 2004, с. 504, прим.].

путь упавшие палатки и веревки от них, в образовавшейся давке задние напирали передних, и многие погибли по вине своих же соратников. Лишь отряду епископа Хугрина удалось вырваться, но эта удача оказалась эфемерной: монголы позволили венграм выйти по одной из дорог, а затем прижали епископский отряд к болоту и истребили полностью вместе с самим предводителем и епископами Матфеем Эстергомским и Григорием Дьерским, присоединившимися к Хугрину по пути [Фома Сплитский 1997, с. 107-110].

Королю Беле удалось спастись, и он искал убежища в Австрии. Его брат герцог Коломан пытался укрыться в Пеште, но именно этот город стал следующим объектом нападения соединившихся монгольских отрядов Бату, Субэдэй-багатура, Орду и Кадана. Пешт и Буда вскоре пали, вскоре их судьбу разделили еще несколько городов, в том числе и Эстергом — уже шестая столица, взятая под предводительством Бату. Подробности битвы при Мохи и последующих событий ярко описаны Фомой Сплитским, который, несомненно, использовал сведения участников сражений. Персидский же историк Рашид ад-Дин, не имевший возможности общаться с современниками событий, ограничился краткой фразой: «Затем Бату [направился] в сторону Истариллава [Эстергома? — Р. П.] и сразился с царем башгирдов, и войско монгольское разбило их» [Рашид ад-Дин 1960, с. 45]. Почти так же лаконично и сообщение Ипатьевской летописи: «Король же Бела и Каломан сretoша и на реце Соленой; бившимся им полкомъ, бежаша Угре, и гнаша е Татаре до реке Доуная» [ПСРЛ 1908, с. 785-787].

Я привожу столь подробное описание битвы на Шайо, потому что это единственное сражение за весь западный поход, о котором на основании источников можно говорить, что его выиграл сам Бату. В связи с этим встает вопрос: будет ли обоснованным включать Бату в число полководцев, как это делают авторы современных популярных изданий типа «Ста знаменитых полководцев»?

Согласно сведениям источников, он неоднократно предводительствовал войсками, которые одерживали крупные и стратегически важные победы, захватывали большие укрепленные города. Но нельзя не обратить внимания на весьма характерный факт: каждый раз при Бату оказывался какой-либо царевич-Чингизид или военачальник менее знатного происхождения, сыгравший в сражении или осаде города куда более значительную роль, чем сам предводитель похода! Так, в Волжской Булгарии передовые отряды возглавлял Шибан, а вместе с Бату находился военачальник Бурундай, про которого даже русские летописцы сообщают, что именно он «пленил всю землю Булгарскую» [Воинские повести 1985, с. 94]. В осаде Рязани вместе с наследником Джучи участвовали еще шесть потомков Чингис-хана, несколько Чингизидов осаждали также и Владимир, крупные города Галицко-Волынской Руси, а затем — и города Венгрии. Начатая Бату осада Москвы, согласно Абу-л-Гази, завершилась на пятый день благодаря натиску Шибана. Не менее показателен и случай с Козельском, описанный Рашид ад-Дином: «Бату подошел к городу Козельску и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им. Потом прибыли Кадан и Бури и взяли его в три дня». Как видим, большинством своих побед Бату был обязан другим военачальникам.

Похоже, что самого Бату вовсе не прельщали лавры полководца, и он доверял командование военными операциями подчиненным ему военачальникам. Об этом весьма красноречиво свидетельствует сообщение «Юань ши», согласно орому во время битвы на реке Шайо Бату фактически был вынужден принять на себя руководство сражением с бнграми, так как Субэдэй-багатур с частью войск отправился форсировать реку и задержался в поисках переправы. Когда же Субэдэй, наконец, подошел, Бату обрушил на его упреки в неисполнении обязанностей военачальника и гибели войск из-за его опоздания. Однако впоследствии се же вынужден был признать, что «все, что захватили в то время, — это заслуга Субэтая!» [Юань ши 2004, с. 504]. Следует учитывать, впрочем, что это сообщение включено в жизнеописание Субэдэй-багатура, и его автор, соответственно, был заинтересован в превознесении заслуг полководца, потому мог преувеличить его роль в венгерской кампании. Как видим, нет никаких свидетельств источников, под-верждающих полководческие таланты Бату. Вероятно, он самом деле был не полководцем, а именно

предводителем — главным организатором похода, в компетенции которого были и стратегические планы, и вопросы управления авоеванными землями. Несомненно, такая роль больше приличествовала наследнику Джучи и предводителю похода, чем руководство сражением или осадой отдельного города!

§ 14. «Tatarjaras». Завершение западного похода

*Год целый еще оставался он там,
Когда же достойно украсили храм,
В дорогу собрать повелел он обоз,
Дружину увел и добычу увез.*
Фирдоуси. Шах-наме

По сообщению Тверской летописи, после победы над Белой IV «оставался здесь Батый три года и разорял земли» [Воинские повести 1985, с. 95; ср.: ПСРЛ 1908, с. 787]. Рашид ад-Дин пишет, что Бату находился в Венгрии до осени 1242 г., когда принял решение о возвращении на Волгу [Рашид ад-Дин 1960, с. 46]. Но даже полтора года — довольно долгий срок. Невозможно находиться такое продолжительное время в стране, занимаясь исключительно «разорением земель»: во-первых, это было бы губительно для армии, во-вторых, просто бессмысленно, особенно если принять во внимание, что прежде Бату надолго не задерживался ни и одной завоеванной стране. Можно предположить, что он намеревался укрепиться на Дунае и на более долгий срок. Но для этого ему необходимо было покончить с венгерским монархом, чтобы стать официальным преемником его власти. После разгрома на Шайо король Бела IV мог думать лишь о собственном спасении, не помышляя о дальнейшем сопротивлении. Бату отправил за ним Кадана, и король вынужден был спасаться бегством. Он бежал в Хорватию, навлекая на этот цветущий край гибель и разорение. Кадаи издал грозный приказ, содержание которого приводит Фома Сплитский: «Говорит вам это господин Кайдан, начальник непобедимого войска. Не принимайте у себя виновного в чужой крови, но выдайте врагов в наши руки, чтобы не оказаться случайно подвергнутыми наказанию и не погибнуть понапрасну» [Фома Сплитский 1997, с. 119]. Интересная деталь: Иоанн де Плано Карпини, побывавший у Бату несколько лет спустя, сообщает, что «шатры у него большие и очень красивые, из льняной ткани, раньше принадлежали они королю венгерскому» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 73]. Правда, из этого сообщения нельзя понять, когда именно Бату стал их обладателем — либо после победы у Шайо, либо получив их позднее от Кадана, преследовавшего Белу IV...

Чем же занимался в это время сам предводитель похода? По-видимому, он намеревался укрепить свою власть на уже занятых венгерских территориях. Не случайно в погоню за Белой он послал Кадана, а сам оставался на захваченной территории и начал ее обустроить в соответствии с собственными планами. Период пребывания Бату в Венгрии известен в венгерской историографии под названием *tatarjaras* (аналог русскому понятию «татарщина») и считается одним из тяжелых в истории Венгрии [Britannica 2001]. Однако, по-видимому, это мнение сложилось в более поздней европейской историографии, потому что, например, Фома Сплитский, характеризовавший монголов как выходцев из ада, отмечал, что они «не выказали всей своей свирепой жестокости и, разъезжая по деревням и забирая добычу, не устраивали больших избиений» [Фома Сплитский 1997, с. 106].

В разных областях Бату и действовал по-разному. Те земли, которые оказали наиболее упорное сопротивление и чьно обезлюдели, он заселял выходцами из Кипчакской степи и, возможно, русских княжеств, которые признали его власть. Сам король Бела сообщал об этом в своем письме немецкому королю Конраду IV: «Множество людей было подло истреблено. Передав завоеванные земли новым обитателям, они заняли — о несчастье — все наше королевство по ту сторону Дуная» [Goeskenjan 1985]. В других регионах Бату

предпочитал наладить контакт с местным населением.

Так, по свидетельству Рогерия, еще до битвы у Шайо Кадан захватил в плен графа Аристалда, выбрал из числа немецких пленников 600 человек и использовал их на своей службе. По приказу Бату были написаны и распространены тексты, в которых победители призывали жителей возвращаться в свои селения и обещали им мирное существование. Эти послания составляли пленные или добровольно перешедшие на сторону монголов мадьярские и немецкие феодалы [Хрестоматия 1963, с. 715].

Что же касается короля, лишившегося большей части владений, то, согласно сведениям Фомы Сплитского и Рашид ад-Дина, он продолжил бегство на корабле, а конница Кадана преследовала его по берегу, попутно разоряя земли, через которые проходила, — Трансильванию, Боснию, Сербию, Далмацию. Вместе с тем, не получив от Бату приказа покорить эти области, Кадан не предпринимал осады и штурма хорошо укрепленных и отчаянно оборонявшихся городов и замков. Так, он захватил Перг, Темешвар, Загреб, Свач, Катарро, но после безуспешных попыток взять, не прибегая к длительной осаде, города Сплит, Клиссеу, Траву, Рагузу отошел от этих городов [Пашуто 1956, с. 167-168, 170-171; ср.: Рашид ад-Дин 1960, с. 45]. Беле IV в полной мере грозила судьба, постигшая в свое время хорезмшаха Мухаммада II, который также был лишен своей державы и умер на пустынном острове, спасаясь от монгольских всадников. Потерявший армию, владения, союзников (ни папа римский, ни германский император, ни австрийский герцог, ни Венеция не пожелали помочь ему), разлученный с семьей, венгерский король, в конце концов, едва не попал в руки Кадана, затворившись в Трогире. Только чудо могло спасти Белу — и чудо случилось: монгольские всадники неожиданно сняли осаду и ушли в обратном направлении.

Прекращение боевых действий и возвращение Бату на Волгу после триумфа над поляками и венграми явилось такой неожиданностью, что породило в историографии самые немислимые версии.

Отечественные исследователи с гордостью заявляют, что именно героическое сопротивление русского народа прекратило «гигантский вал нашествия» на Европу [см. напр.: Пашуто 1956, с. 159-163; Дегтярев, Дубов 1990, с. 275]: Однако, как мы имели возможность убедиться на основании источников, русские не только не помешали успешным походам монголов на Польшу и Венгрию, но и сами приняли в них участие.

В западноевропейской историографии отстаивается точка зрения, что отважные рыцари сумели сдержать натиск кочевников и выгнать их из Европы. Однако сведения о разгроме славного рыцарства и у Лигницы и на Шайо содержатся в европейских же источниках. Тем не менее определенные основания для утверждений западных историков имеются; Так, в «Анналах Тьюксберийского монастыря» есть краткое сообщение: «Они [«тартары». — Р. П.] опустошили все провинции, через которые пролегал их путь. Но герцог баварский многих убил и сбросил в реку» [Английские источники 1979, с. 106]. Флорентийский хронист середины XIV в. Джованни Виллани также сообщает о попытке одного из монгольских отрядов вторгнуться в Германию: «опустошив эти страны [Польшу и Венгрию. — Р. П.], татары двинулись в Германию и стали переправляться через Дунай, великую реку в Австрии, кто на лодках, кто на лошадях, а кто с помощью бурдюков, надутых воздухом. Тут местные жители забросали их стрелами и камнями из луков и метательных машин, так что бурдюки пошли ко дну, вместе с ними и татары, из которых почти никто не уцелел» [Виллани 1997, с. 150]. Трудно сказать, насколько эти сообщения соответствуют действительности: ни один источник больше не сообщает о том, что баварский герцог Оттон IV сражался с монголами. Кроме того, тьюксберийский анналист далее сообщает, что «Генрих, сын императора Фридриха, был убит тартаритами», смешивая германского короля Генриха VII с силезским князем Генрихом II Благочестивым, так что есть большие основания сомневаться в истинности его информации [см.: Английские источники 1979, с. 106, прим.].

Сегодня исследователи придерживаются следующей точки зрения: монголы выполнили свою задачу, то есть прошли все земли, расположенные в степной зоне, и свернули боевые действия, найдя удобный повод — весть о смерти великого хана Угедэя [см. напр.: Егоров

1985, с. 27; Мыськов 2003, с. 37-38; Флетчер 2004, с. 247]. Но была ли эта весть единственной или хотя бы главной причиной прекращения похода? Например, Рашид ад-Дин сообщает, что «Кадан пустился в обратный путь», хотя «слух о смерти казна [еще] не дошел до них [царевичей]», а немного ниже — что действия войск Бату на Северном Кавказе продолжались еще в 1244-1245 гг. [Рашид ад-Дин 1960, с. 45, 46]. Таким образом, с одной стороны, не смерть великого хана вызвала прекращение похода, а с другой, она не привела и к полному сворачиванию военных действий.

Завоевания всей Европы монголы не планировали. Такой вывод исследователи делают на основании списка покоренных монголами народов, приведенного в «Сокровенном сказании»: хотя монгольская хроника, как считается, была составлена около 1240 г., в этот список включен, в частности, «багдадский народ» (хотя Багдад был завоеван только в 1258 г.), тогда как европейские страны в нем отсутствуют [Козин 1941, § 274; Никитин 2003, с. 241].

Кроме того, столь продолжительное нахождение вдали от родных степей не могло не сказаться на боевом духе монгольских войск. Иоанн Плато Карпини сообщает, что «татары возымели такой страх, что попытались бежать. Но Бату, обнажив меч пред лицом их, воспротивился им, говоря: „Не бегите, так как если вы побежите, то никто не ускользнет, и если мы должны умереть, то лучше умрем все, так как сбудется то, что предсказал Чингисхан, что мы должны быть убиты; и если теперь пришло время для этого, то лучше потерпим“. И таким образом, они воодушевились, остались и разорили Венгрию» [Иоанн де Плато Карпини 1997, с. 51].

Слова, приписываемые братом Иоанном Бату, по мнению современных исследователей, перекликаются с легендарным пророчеством Чингис-хана о грядущей гибели монголов, являвшимся, в свою очередь, сюжетом так называемого «Романа о Чингис-хане» [Юрченко 2002а, с. 328-330]. Между тем сам обычай ободрения войск перед битвой был широко распространен у степных (и не только) народов. Например, в монгольском эпосе «Гесер-хан» Шумир, предводитель войск Гесера, обращается к воинам: «Подходящее Ойско Цаган-герту-хана похоже на закипающее молоко: пусть же мой Цзаса будет тем, кто помешивает ковшом, заводя его в самую середину! Приближение войска Шара-герту-хана похоже на занимающийся пожар; пусть же я, Шумир, буду пожарным! А подступ войска Хара-герту-хана похож на возникающее наводнение; будь же ты, мой Нанзон, человеком, сводящим его на нет, рассасывая воду канала. Что же, в атаку? Дружно ударим втроем на трех ханов!» Гесер 1995, с. 198-199]. В «Сборнике летописей» приведены слова Тулуя, обращенные к войску перед сражением с китайцами: «Теперь время сражения и пора славы и чести. Нужно быть храбрыми» [Рашид ад-Дин 1960, с. 23-24]. Поэтому можно усомниться в содержании слов, приписываемых брату братом Иоанном, но не в самом факте их произнесения. По мере продвижения монгольских войск в глубь Европы необходимость ободрять своих воинов возникала у предводителя похода все чаще: не случайно францисканец обращает внимание на этот, казалось бы, незначительный эпизод. Вероятно, принимая решение о дальнейших действиях весной года воды-тигра (1242), Бату учитывал настроения воих подчиненных, стремившихся вернуться в родные степи. Понимая, что Венгрию ему не удержать даже с помощью переселенных туда тюрок и русских, он увел оттуда всех своих людей. Фома Сплитский рассказывает: «И тут жестокий истязатель приказал собрать вместе всех пленных, которых он привел из Венгрии, — великое множество мужчин, женщин, мальчиков и девочек — и распорядился всех их согнать на одну равнину. И когда все они были согнаны, как стадо овец, он, послав палачей, повелел всем им отрубить головы. Тогда раздались страшные крики и рыдания и, казалось, вся земля содрогнулась от вопля умирающих. Все они остались лежать на этой равнине, как валяются обычно разбросанные по полю снопы. И чтобы кому-нибудь не показалось, что эта лютая резня была совершена из жадности к добыче, они не сняли с них одежд, и все полчище смертоносного народа, разместившись в палатках, стало в соседстве с убитыми в бурном веселье пировать, водить хороводы и с громким хохотом резвиться, будто они совершили

какое-то благое дело» [Фома Сплитский 1997, с. 117-118]. Вероятно, Бату принял такие жестокие меры, чтобы перед своим уходом внушить венграм страх и предупредить их возможные враждебные действия против отступающих монголов.

Итак, планов по вторжению в Германию, Италию и другие западноевропейские государства у монголов не было. Бату вынужден был отправиться в поход на Европу, выполняя приказ великого хана Угедэя, — против своей воли, поскольку ему было вполне достаточно завоеванных областей Поволжья. Возвращение из Венгрии произошло весной-летом 1242 г. — когда он получил вести о смерти Угедэя (ноябрь 1241 г.), а затем и Чагатая (май 1242 г.): оставшись старшим представителем рода Борджигин, Бату вправе был сам принимать решения о дальнейших действиях вверенных ему войск — пока не будет избран новый великий хан. И он принял решение о прекращении масштабных боевых действий, максимально соответствовавшее его интересам в сложившихся условиях.

Часть третья ПРАВИТЕЛЬ УЛУСА ДЖУЧИ

§ 15. Внутренняя политика. Батый основатель Золотой Орды?

Всякий, кто может вести верно дом свой, может вести и владение; кто может устроить десять человек согласно условию, прилично дать тому тысячу и тьму, и он может устроить хорошо.

Билик Чингис-хана

Вернувшись на Волгу, Бату произвел передел владений в улусе Джучи. В первую очередь это коснулось перераспределения уделов в связи с существенным расширением территории улуса. Теперь наследник Джучи сам решал, кто из родственников заслуживает какого удела — к тому же с учетом новоприобретенных земель на Западе [ср.: Кляшторный, Султанов 2004, с. 211-212, 222]. Симон де Сент-Квентин сообщает, что «у Батота есть, оказывается, восемнадцать баронов-братьев, каждый из которых имеет десять тысяч или менее воинов в своем подчинении» [Saint-Quentin 1965, XXXII, 34]. Абу-л-Гази пишет: «Когда Саин-хан, возвратившись из этого похода, остановился на своем месте, еказал Орде, по прозванию Ичен, старшему из сыновей Джучи-хана: „В этом походе ты содействовал окончанию на-иего дела, поэтому в удел тебе отдается народ, состоящий пятнадцати тысяч семейств в том месте, где жил отец твой". Младшему своему брату, Шибан-хану, который такие сопутствовал своему брату Саин-хану в его походе, ...из адовых владений отдал четыре народа: Кушчи, Найман, Карлык и Буйрак, и сказал ему: „Юрт (область), в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего моего брата, Ичена. Летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз-сувук, Орь, Илек до гор Урала; а во время зимы живи в Ара-куме, Кара-куме и по берегам реки Сыр — при устьях рек Чуй-су и Сари-су"» [Абуль-Гази 1996, с. 104; ср.: МИКХ 1969, с. 347].

Наделив наиболее крупными уделами старших братьев, Бату выделил остальным владения в рамках этих уделов — своего и Орду: «С... четырьмя братьями — Удуром, Тука-Тимуром, Шинкумом он [Орду-Ичен. — Р. П.] составил левое крыло монгольского войска» [Рашид ад-Дин 1960, с. 66].¹⁴ Особый удел на территориях, отошедших Бату, получил, вероятно, и самый старший сын Джучи — Бувал или его сын Татар: к нему отошли самые западные владения Улуса Джучи вплоть до Болгарии и Валахии [см.: Трепавлов 1993,

¹⁴ Вероятно, четвертым персидский историк считает самого Орду.

с. 89; ср.: Веселовский 1922, с. 3].

Не забыл Бату и других сподвижников из числа остальных Чингизидов — своих двоюродных братьев и племянников. Выделяя им уделы, правитель Улуса Джучи, очевидно, намеренно игнорировал родовые связи отдельных семейств Чингизидов. Так, Иоанн де Плано Карпини сообщает о «Коренце» (Курумиши) — сыне Орду, который имел владения к югу от Киева и «является господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада», о сыне Чагатая — Мауци, «который выше Корейцы» и кочует «с другой стороны Днепра», и некоем Картане, женатом на сестре Бату, который кочует у Дона (возможно, речь идет о Кадане — сыне Угедэя) [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 71 — 72]. Абу-л-Гази пишет: «Младшему своему брату, Шибан-хану, отдал в удел из государств, покоренных в этом походе, область Корел... Шибан-хан послал в область Корел одного из своих сыновей, дав ему хороших беков и людей. Этот юрт постоянно оставался во власти сыновей Шибан-хановых; говорят, что и в настоящее время государи Корельские — потомки Шибан-хановы» [Абуль-Гази 1996, с. 104].

Под «областью Корел» надо, вероятно, понимать народы, сравителей которых Рашид ад-Дин называл «келарами», т.е. волжских болгар и башкир. Действительно, есть основания полагать, что Шибаниды владели какими-то областями в Поволжье: именно оттуда в середине XIV в. начинали Швой путь к золотоордынскому трону Хайр-Пулад и Хасан, ротомки Шибана. Результаты новейших нумизматических исследований позволяют предположить, что Бату выделил владения в Волжской Булгарии и Мунке, сыну Тулуя: в Булгаре чеканились монеты с его тамгой. Традиционное представление о том, что проставление этой тамги символизировало признание верховенства великого хана, исследователи оспаривают в связи с тем, что она появляется только на монетах, чеканенных в Булгаре, тогда как на монетных дворах рфугих регионов ее не чеканили [см.: Петров 2005, с. 170-1-71]¹⁵. Таким образом, ни один из этих Чингизидов не имел владений поблизости от уделов их семейств — это гарантировало Бату сохранение власти и контроля над всеми областями Улуса Джучи, даже наиболее отдаленными.

Неоднократно сталкиваясь с претензиями своих родственников на реальную власть в уделах в ущерб улусному правителю, Бату не позволял родичам закрепляться в полученных ими владениях и обзаводиться союзниками из числа местной знати. Стремясь не допустить появления автономных наследственных уделов, Бату периодически «перетасовывал» владения своих родственников, переводя царевичей под разными предлогами из одних уделов в другие. Пример подобной политики наследника Джучи приводит Вильгельм де Рубрук: «У Бату есть еще брат по имени Берка, пастбища которого находятся в направлении к Железным воротам, где лежит путь всех сарацинов, едущих из Персии и из Турции; они, направляясь к Бату и проезжая через владения Берки, привозят ему дары... Тогда, по нашем возвращении, Бату приказал ему, чтобы он передвинулся с этого места за Этилию, к востоку, не желая, чтобы послы сарацин проезжали через его владения, так как это казалось Бату убыточным» [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 115; ср.: Языков 1840, с. 138; Бартольд 2002в, с. 141]. Таким образом, в течение всего времени правления Бату в Улусе Джучи не существовало родовых уделов: все они являлись временными и переходили от одних владетелей к другим по воле правителя улуса см.: [Федоров-Давыдов 1973; Сафаргалиев 1996, с. 315; Мыськов 2003, с. 47]. Подобную же политику в дальнейшем старались проводить и преемники Бату, но в результате ослабления ханской власти во второй половине XIV в. «пришлые» Чингизиды получили возможность закрепляться на новых землях и передавать их по наследству. Так, например, Мунке-Тэмур в начале своего правления

¹⁵ Это предположение вызвало дискуссии на Международных нумизматических конференциях «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков» в Муроме (2003 г.) и Булгаре (2005 г.). Однако даже сами авторы данного предположения признают, что на сегодняшний день имеется слишком мало материалов, чтобы с полной уверенностью говорить о владениях Мунке в Булгаре.

перевел в Крым одного из сыновей Туга-Тимура, потомки которого в годы последующих смут сумели закрепиться в крымских областях, породнились с местными феодалами, а позднее один из них, Менгли-Гирей, покончил с Большой Ордой — юртом преемников Бату!

Сам Бату, по-видимому, старался привлекать на свою сторону местную знать, вступая в брак с дочерьми покоренных правителей: «У Бату 26 жен», — сообщает Вильгельм де Рубрук [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 92], и, несомненно, многие из них были не монголки, а представительницы местных правящих династий. Впрочем, отсутствие сообщений о потомстве его от этих жен весьма красноречиво: традиционно ханский трон и важнейшие должности в государствах Чингизидов занимали сыновья ханов от монгольских жен. Бату укреплял преданность покоренного населения, оказывая милости виднейшим представителям местной знати даже из числа старых недругов. Так, например, все владения и имущество хорезмийского военачальника Тимур-Мелика, в течение долгих лет сражавшегося с монголами на стороне хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммеда и его сына Джалал ад-Дина, а затем бежавшего в Сирию, Бату вернул сыну этого полководца [Juvaini 1997, p. 94].

Конечно, наследник Джучи, став правителем областей с многочисленным и разноплеменным населением, был вынужден в первую очередь опираться на своих соотечественников. Вместе с ним с востока пришли представители различных монгольских племен, которые впоследствии положили начало настоящим династиям влиятельных сановников при дворе Бату и его преемников: Ит-Кара из племени алчи-татар, Байху из племени хушин и его пасынок Элдэкэ из племени джурьят, Мунгэту-нойон из племени сиджиут и другие [Рашид ад-Дин 1952а, с. 111, 172, 183]. Впоследствии четыре наиболее влиятельных рода Крымского ханства — Ширины, Аргыны, Кипчаки и Мангыты — претендовали на происхождение от приближенных Бату [см.: Хорошкевич 2001, с. 96]. Но вместе с тем наследник Джучи активно привлекал на службу выходцев из мусульманских государств. Так, главным писцом (после принятия ханами Золотой Орды ислама эта должность трансформировалась в пост везира) при Бату являлся мусульманин ходжа Наджмудан [Кадырбаев 2005, с. 215]. Причина тому была проста: Бату стремился распространить в своих новых владениях методы управления, в эффективности которых имел возможность убедиться, видимо, еще находясь при дворе великого хана [Крамаровский 2003, с. 68].

Свернув завоевательную деятельность, Бату наконец-то смог «предаться забавам и удовольствиям», что он и сделал — особенно после того, как помог Мунке стать великим ханом [Juvaini 1997, p. 268]. Но его деятельная натура позволяла ему надолго устраняться от государственных дел. Он восстанавливал города, много внимания уделяя развитию городской инфраструктуры и торговли. В начале 1250-х гг. в Улусе Джучи были отстроены разрушенные в ходе монгольского нашествия Булгар, Сувар, Сауран, Отрар, Дженд и другие [Егоров 1985, с. 95-96, 129-130; см. также: Белавин 2000, с. 126]. При нем началось восстановление путей сообщения, рынков, постоянных дворов и других элементов городской и торговой инфраструктуры, столь важных для обеспечения нормальной жизни в регионах. Археологические находки на территории бывшей Золотой Орды позволяют предположить, что правители Улуса Джучи со времен Бату оказывали покровительство местным ремесленникам, в произведениях которых сочетались элементы монгольского, тюркского, мусульманского и даже европейского стилей [Миллер 1999, с. 517; Крамаровский 2001, с. 17 и след.].

Бату строил и новые города. Вильгельм де Рубрук, побывавший в Улусе Джучи в 1252-1253 гг., сообщает о городе, получившем в исторической традиции название «Сарай-Бату»: «...вблизи Сарая, это — новый город, построенный Бату на Этилии» [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 179]. Иоанн де Плано Карпини, посетивший Бату несколькими годами раньше, в 1246-1247 гг., про Сарай не упоминает, а последующие упоминания об этом городе относятся уже к XIV в. [Лебедев 2005, с. 16]. Отметим, однако, что местоположение этого города до сих пор является дискуссионным. Историки и археологи

XIX-XX вв. (в т. ч. Н. М. Карамзин, С. С. Саб-луков, Ф. В. Баллод, Г. А. Федоров-Давыдов и др.) отождествляли Сарай-Бату с развалинами ордынского города у поселка Селитренное. Но сегодня эта версия подверглась серьезному сомнению: современные археологи сумели обнаружить у Селитренного культурный слой, относящийся к XIV в., но не ранее [Рудаков 1999; см. также: Григорьев 2004, с. 215 и след.]. Следует также иметь в виду, что дошедшие до нас источники, современные Бату, не содержат каких-либо определенных сообщений о существовании его постоянной «статической» столицы — в отличие от кочевых ставок. По некоторым сведениям, Бату считается основателем и ряда других городов — Крыма на Крымском полуострове, Маджара на Северном Кавказе, Укека и Казани в Поволжье и южнее их — Хаджи-Тархана, по некоторым сведениям — Сарайчука на Урале («Сарайчик» русских летописей) [см.: Греков, Якубовский 1998, с. 108; Егоров 1985, с. 97, 107, 119; Трепавлов 2002, с. 226; Зайцев 2004, с. 10 и след.]. Интересно отметить, что сам Бату до конца жизни оставался кочевником: Вильгельм де Рубрук, побывавший у него в 1253 г., сообщает, что был принят властителем Улуса Джучи в его кочевой ставке и все пять недель, в течение которых был у него, тот вместе со своим двором кочевал вдоль Волги [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 116, 119; ср.: Языков 1840, с. 143, 180].

В правление Бату в Улусе Джучи начинается чеканка новой, монгольской, монеты. Правда, помещалось на ней имя багдадского халифа ан-Насира (прав. 1180-1225 гг.). Почему именно этого, давно умершего багдадского правителя? Дело в том, что этот халиф, будучи врагом хорезмшаха Мухаммада, еще со времен Чингис-хана воспринимался монголами как союзник. Упоминание на монете имени халифа — духовного лидера мусульман — способствовало признанию этой монеты и, соответственно, ее свободному обращению среди приверженцев ислама, которые в Улусе Джучи составляли большинство [см.: Петров 2001, с. 70-71; р.: Мухаммадиев 2005, с. 93, 104-105]. Свернув завоевания, Бату тем не менее обладал огромными вооруженными силами. Винсент из Бове пишет: «В войске этого Батота всего шестьсот тысяч, а именно сто шестьдесят тысяч татар и четыреста сорок тысяч христиан и прочих, то есть безбожников» [Saint-Quentin 1965, XXXII, 34]¹⁶. Не следует понимать эту информацию так, будто Бату постоянно держал в боевой готовности сотни тысяч всадников: такую регулярную армию было бы просто невозможно прокормить! Полагаю, речь идет о разделении Улуса Джучи на шестьдесят туменов — административных областей, каждая из которых в случае войны должна была выставить до 10000 воинов под командованием управителя — темника [ср.: Владимирцов 2002, с. 404-406]. Естественно, далеко не каждая область выставляла установленное число воинов, да это чаще всего и не требовалось. Тем не менее «списочная численность» армии Бату, видимо, составляла несколько сот тысяч воинов, а это означало, что свои отношения с иностранными государями он мог строить с позиции силы...

Все вышесказанное позволяет увидеть, что Бату гораздо активнее действовал как правитель, чем как полководец. В походах его окружали сородичи-Чингизиды, во многом равные ему по положению, а также назначенные великим ханом военачальники-монголы — соратники Чингис-хана, Джучи, Чагатай и Угедэя, для которых Бату являлся всего лишь одним из многочисленных юных Чингизидов. В собственном же улусе наследник Джучи имел возможность сам выбирать себе сподвижников, кому он, по словам Иоанна де Плано Карпини, «внушал сильный страх» и кто не смел обсуждать его повеления.

Несомненно, внутренняя политика Бату позволила заложить основы будущего могущества Золотой Орды. Но дает ли это основание считать наследника Джучи ее основателем? Историки называли Бату создателем Золотой Орды, и эти утверждения стали элементом мифа о «хане Батые». Между тем еще в 1870-е гг. один из первых исследователей истории Улуса Джучи Г. С. Саблуков вполне определенно связывал основание Улуса со старшим сыном Чингис-хана и отмечал, что при Бату, и даже при Берке «Кипчакское

¹⁶ Французский исследователь Ж. Ришар ошибочно приписал эти сведения С. де Сент-Квентину.

ханство» являлось уделом монгольской державы, а не самостоятельным государством [Саблуков 1896, с. 4].

Во многом формированию образа Бату как основателя Золотой Орды способствовала поддержка этой точки зрения такими авторитетными востоковедами, как В. В. Бартольд, считавший Бату ханом и основателем «Золотой Орды» (сам В. Бартольд писал это название в кавычках), и Р. Груссе, который сообщает о «ханстве Бату», сложившемся в результате его западных походов [Бартольд 2002а, с. 496; Grousset, 2000, p. 392]. Эту позицию поддерживали впоследствии многие авторитетные историки Улуса Джучи [Греков, Якубовский 1998, с. 51-52; Сафаргалиев 1996, с. 293-294]. Странно, что и современные исследователи, имея в своем распоряжении источники и акты материалы, не доступные их предшественникам, продолжают без малейших сомнений разделять эту же точку зрения [см. напр.: Хафизов 2000, с. 66; Мыськов 2003, с. 23]. Единственной «уступкой» современных авторов стало употребление названия «Улус Джучи», которое постепенно вытесняет из отечественной историографии традиционное прежде название «Золотая Орда». Анализ источников и исследований (включая даже те, авторы которых настаивают на основании Орды «Бату-ханом») показывает, что все попытки представить Бату основателем Золотой Орды или тем более Улуса Джучи необоснованны.

Прежде всего обратимся к названию государства. Впервые название «Золотая Орда» встречается в исторических сочинениях конца XIII - начала XIV вв., в частности — у Рашид ад-Дина [Рашид ад-Дин 19526, с. 230]. Но персидский историк, сообщая об «урду-и заррин-и бузург зарин» («Большая Золотая Орда»), имеет в виду вовсе не название государства Бату, а одну из ставок Чингис-хана [Греков, Якубовский 1998, с. 52]. В русских же источниках название «Золотая Орда», как название государства, появляется не ранее середины XVI в. Основать государство с таким названием Бату не мог. Считать же его основателем Улуса Джучи — абсурд, поскольку само название свидетельствует о том, что его первым правителем (причем не «основателем», а именно назначенным правителем!) был Джучи. Например, Сафаргалиев вполне справедливо указывает, что начало Улусу Джучи было положено около 1208 г., когда Чингис-хан выделил в управление своему старшему сыну области, населенные «лесными народами», которые он же, Джучи, и покорил [Сафаргалиев 1996, с. 293]. Поэтому считаю не вполне корректным слова некоторых современных авторов о том, что Улус Джучи был образован в результате завоеваний Бату на Западе [см., напр.: Хафизов 2000, с. 66]. Можно говорить о его существенном расширении» изменении статуса Бату как его правителя, но никак не об образовании Улуса Джучи, появившемся тремя десятилетиями ранее!

Исследователи предлагают несколько дат создания Золотой Орды и, соответственно, начала правления в ней Бату. Наиболее ранняя — 1236 г., вероятно, связывается с завоеванием Волжской Булгарии, ставшей центром владений Бату [Греков, Якубовский 1998, с. 59]. Вторая — 1240 г.: традиционное для русских авторов увязывание возникновения Золотой Орды с установлением монголо-татарского ига, отсчет которого они ведут от падения Киева. Наконец, третья дата — 1242/1243 г., когда Бату вернулся из западного похода в Поволжье и впервые принял у себя великого князя Ярослава Всеволодовича, признав его старшим правителем Русской земли [Вернадский 2000, с. 147; Каргалов 1984, с. 17; Егоров 1985, с. 27; Кучкин 1991, с. 18; Горский 2001а, с. 48]. Рассмотрим, имели ли эти даты какое-то принципиальное значение в биографии Бату.

Прежде всего завоевание Волжской Булгарии было за: вершено не в 1236, а в 1237 г. К этому времени Бату уже около десяти лет являлся правителем Улуса Джучи, и покорение болгар ничего не изменило в его статусе. Наследник Джучи в 1236-1237 гг. приобрел собственный обширный удел, причем не имел возможности обосноваться в нем и заняться его обустройством: статус предводителя западного похода обязывал его двигаться далее. Таким образом, захват Волжской Булгарии стал всего лишь одним из эпизодов его карьеры военачальника, но никак не начала правления в собственном государстве.

Захват Киева также не являлся каким-то решающим событием. Прежде всего Киев к

тому моменту уже не являлся «лицей единой Руси, и его падение вовсе не ознаменовало покорение русских земель: в течение 1241 г. монгольские войска действовали в Галицко-Волынской Руси, продолжались и боевые действия в Северной земле. Кроме того, как и после завоевания Волжской Булгарии, Бату, захватив Киев, не вернулся в Поволжье, в свои новые владения: он, опять же в качестве ханского военачальника, продолжил поход на Запад.

1242/1243 г., казалось бы, имеет некие основания считаться «поворотной датой» в жизни Батыя: он наконец-то вернулся в низовья Волги и начал принимать у себя вассальных правителей и послов иностранных государей. Однако его контакты с вассалами и дипломатами исчерпывались тем, что он выслушивал их и отправлял в Каракорум — к великому хану, который и выносил решение в отношении каждого из прибывших! Именно такова была позиция Бату в отношении русских князей, грузинских царей, сельджукских султанов и посланцев европейских государей, визиты которых к нему зафиксированы в источниках. Сам Бату de-jure являлся лишь правителем барунгара — правого крыла Монгольской империи (по сути, состоя на службе у великого хана) и не обладал какими-либо полномочиями принимать решения в отношении вассальных правителей и вести переговоры с посланцами иностранных государей. Такое положение Бату сохранялось, по-видимому, до воцарения Мунке в 1251 г., после чего его статус существенно повысился, как мы увидим ниже. Может быть, речь идет хотя бы об основании столицы — Сарай-Бату? Но нет — и этот город был создан не ранее начала 1250-х гг. Таким образом, 1243 год, как дата основания Бату самостоятельного государства, тоже отпадает.

Наконец, как мы уже установили, что ханским титулом Бату не обладал, поэтому в любом случае говорить о создании им «ханства» вряд ли целесообразно. Таким образом, мнение исследователей, считавших Бату основателем Золотой Орды или даже Улуса Джучи — очередной историографический миф: Бату был только правителем западного крыла Монгольской империи, подчиненным великому хану, в течение всего своего правления не обладал статусом самостоятельного государя, впрочем, и не стремясь к этому¹⁷. Его можно считать одним из правителей (наряду с Джучи и Берке), заложивших основы будущего самостоятельного государства, но никак не создателем такового.

§ 16. Соправительство с Орду

Даниил отдал Волынь Васильку, но благодаря редкой солидарности братьев этот раздел владений был совсем нечувствителен.

М. С. Грушевский, История Украины — Руси

Единый Улус Джучи в правление Бату подразделялся на два «крыла» — западное (барунгар), находившееся под непосредственным управлением Бату, и восточное (джунгар), вторым управлял его старший брат Орду. Несмотря на то, что фактически оба «крыла» являлись самостоятельными уделами, признанное Джучидами главенство Бату обеспечивало также и его верховную власть над улусом в целом.

Отказ Орду от должности правителя Улуса Джучи совсем не означал отказа от старшинства в семействе. Особый статус Орду неоднократно подчеркивается в исторических источниках. Так, например, по сообщению Иоанна де Плано Карпини, он был «древнее всех

¹⁷ Подчеркну, что речь идет именно об Улусе Джучи, правителем которого Бату был назначен по воле великого хана, а не о собственном уделе Бату в Поволжье (в рамках Улуса Джучи), который он приобрел в результате завоеваний и которым управлял автономно - как и остальные владетельные Чингизиды в своих уделах.

князей татарских». [Иоанн де Пано Карпини 1997, с. 75]. Следовательно, его уаршинство признавалось официально, поскольку стало известным даже иностранному дипломату. Статус Орду узнавался не только на внутрисемейном уровне, среди Джучидов, но и в масштабе Монгольской империи: Рашид-ад-Дин сообщает, что «Менгу-каан в ярлыках, которые он писал на их имя по поводу решений и постановлений, имя Орды ставил впереди» имени Бату [Рашид ад-Дин 1960, с. 66; ср.: СМИЗО 1941, с. 210]. В более поздней исторической традиции (впервые, по-видимому, в «Муизз ал-ансаб», 1425 г.) Орду упоминается с титулом «эджен» («владыка») [см.: Ускенбай 2002], который так же должен был подчеркнуть его особый статус: в монгольском сочинении «Алтан Тобчи» с таким же титулом упоминаются Джучи и Тулуй — регент Монгольской империи. По-видимому, «эджен» стал посмертным титулом Орду.

Орду унаследовал первоначальные владения своего отца — так называемый «коренной юрт» в Прииртышье, в дальнейшем власть его и его потомков распространилась практически на всю территорию Казахстана к востоку от Урала [Ускенбай 2003, с. 18]. Есть все основания утверждать, что эти владения Орду получил сразу же после смерти отца и приходе к власти Бату. В «Сборнике летописей» сообщается: «Из войск Джучи-хана одной половиной ведал он, а другой половиной — Бату» [Рашид ад-Дин 1960, с. 66]. При этом нет ни слова о том, что Орду получил соответствующие владения от Бату. Обратим внимание, что и хивинский историк XVI в. Утемиш-хаджи, опирающийся на степные предания, указывает на выделение удела Орду самим Чингис-ханом — как и Бату [Утемиш-хаджи 1992, с. 93]. Утверждение же Абу-л-Гази о том, что Орду получил свой удел от Бату по возвращении из западного похода [Абуль-Гази 1996, с. 104], как уже отмечалось, следует объяснить желанием хивинского хана-историка показать, что его предок Шибан (действительно, получивший удел по воле Бату) по статусу не уступал Орду.

Таким образом, Орду после смерти отца стал во главе крупного автономного удела. При этом несколько других сыновей Джучи подчинялись именно ему, а не Бату: по сведениям Рашид ад-Дина, «с ...четырьмя¹⁸ братьями — Удуром, Тука-Тимуром, Шингкумом — он составил левое крыло [монгольского войска]; и их до сих пор называют царевичами левого крыла» [Рашид ад-Дин 1960, с. 66]. Подобная организация власти в полной мере вписывается в административную систему «крыльев», принятую в Монгольской империи и ее улусах [Трепавлов 1993, с. 86; Ускенбай 2003, с. 18].

Рашид ад-Дин подчеркивает, что правители улуса Орду «с самого начала» являлись «независимыми государями» [Рашид ад-Дин 1960, с. 66], однако эта независимость в правление Бату и Орду не привела к расколу Улуса Джучи: Источники не сообщают ни об одном случае конфликта между Бату и его старшим братом. Напротив, восточные авторы подчеркивают взаимное уважение братьев и поддержку, которую они всю жизнь оказывали друг другу [см.: Рашид ад-Дин 1960, с. 66; Утемиш-хаджи 1992, с. 92-93]. Сведений о правлении Орду в источниках практически нет. Только Утемиш-хаджи, опираясь на устные степные предания, сообщает, что старший брат Бату был убит собственными воинами: «Между тем, до того как они вернулись [из западного похода. — Р. П.], нукеры Иджан-хана родняли мятеж против своего господина и убили Иджан-вместе со всеми его огланами. Когда это известие пришло к Саин-хану, он держал глубокий траур. После того как он прибыл домой и дал поминальное угощение, он снарядил войско и пошел походом на этого врага. А те не были в состоянии оказать сопротивление, и их великие бежали. Все другие роды и племена [Саин-хан] переселил к себе, присоединил к своему элю и каждый аймак отдал какому-либо беку в качестве кошуна» [Утемиш-хаджи 1992, с. 94].

Вероятность мятежа против власти Джучидов в их восточных владениях косвенно подтверждается преданием сибирских татар: «Около 700 лет назад на территории современного Ашевана (Усть-Ишимский район) жило в землянах 17 семей. Люди эти

¹⁸ Четвертым, по-видимому, был сам Орду.

пришли сюда с озера Мутки. Это были татары из числа людей, находившихся под покровительством Чингисхана, а затем Батыя. Со временем численность населения возросла. Правил местностью князек Иликай, сын Муглы. Иликай поругался с другими татарскими князьями, и когда была большая вода, они переправились через Ишим и напали на Иликаю, который их не ожидал, т. к. переправляться было опасно. Иликай потерпел поражение, но победившие князья перессорились между собой.

Междоусобная война длилась долго и истощила силы соперников. Этим воспользовался Иликай, которому удалось вернуть свои земли. О случившемся узнал Батый, он обвинил Иликаю в том, что тот разжигает междоусобную войну между татарами, и казнил его и забрал себе его земли и людей» [МАЭ 1978, л. 299-301; ср.: Лосева, Томилов 1980]. Другие источники не сообщают об обстоятельствах смерти Орду: не исключено, что придворные историки умалчивают о факте насильственной гибели старейшего из Джучидов. Преемники Орду сохранили статус автономных правителей: «не бывало случая, чтобы кто-либо из рода Орды, занимавший его место, поехал к ханам рода Бату, так как они отдалены друг от друга, а также являются независимыми государями своего улуса». Но вместе с тем «у них было такое обыкновение, чтобы своим государем и правителем считать того, кто является заместителем Бату» [Рашид ад-Дин 1960, с. 66]. Это сообщение позволяет утверждать, что Улус Джучи в течение довольно длительного времени после смерти обоих братьев-соправителей продолжал сохранять единство под верховной властью рода Бату. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что Баян, правнук Орду, управлявший его улусом, получил ярлык от Токтая — правнука Бату на управление своим улусом и даже выступил инициатором созыва общего курултая Улуса Джучи, чтобы уладить спор за власть со своим двоюродным братом Куйлю-ком (см.: Рашид ад-Дин 1960, с. 68; Сафаргалиев 1996, с. 314). Только к середине XIV в. правители улуса Орду предприняли попытку выйти из-под власти Улуса Джучи, однако к 1381 г. владения Бату и Орду вновь были объединены под властью хана Токтамыша [Кляшторный, Султанов 1992, с. 197-202].

§ 17. Владения в Центральной и Восточной Европе

Если, как сказано, завоеванное государство с незапамятных времен живет свободно и имеет свои законы, то есть три способа его удержать. Первый — разрушить; второй — переселиться туда на жительство; третий — предоставить гражданам право жить по своим законам, при этом обложив их данью и вверив правление небольшому числу лиц, которые ручались бы за дружественность государю.

Николо Макиавелли. Государь

«Из опустошенных в 1237-1242 гг. стран только Русь осталась под татарским владычеством», — писал В.В. Бартольд [Бартольд 2002а, с. 497]. Заявление несколько преувеличение, хотя, в силу авторитета этого выдающегося ученого, долгое время воспринимавшееся как непреложная истина, подлежащая проверке...

Бату после завершения западного похода отнюдь не лишился всех европейских территорий, оказавшихся под его властью в результате завоеваний. Его войска покинули лишь Венгрию, позволив Беле IV восстановить управление над основной ее частью. Но под властью наследника Джучи остались бывшие владения венгерских королей — Пруто-Днестровское междуречье к юго-востоку от Карпат [Егоров 1985, с. 33]. Оставлены были наместники Бату и в Болгарии, где монгольское владычество просуществовало до начала XIV в.; кульминацией его стало вступление на царский трон Болгарии Джуке, сына Ногая и праправнука Чингисхана (прав. 1299-1301). Только после его свержения и убийства Болгария вернула независимость [Веселовский 1922, с. 56-57; Хара-Даван 1996, с. 245-250].

Земли Молдавии и Валахии оставались под сюзеренитетом Джучидов вплоть до середины XIV в. [Русев 1999]. Вильгельм де Рубрук, посетивший Бату в 1253 г., сообщает: «От устья Танаида к западу до Дуная все принадлежит им; также за Дунаем, в направлении к Константинополю, Валахия, земля принадлежащая Ассану [болгарский царь Михаил Асен, 1246-1257. — Р. П.], и Малая Булгария до Склавонии — все платят им дань; даже и сверх условленной дани они брали в недавно минувшие годы со всякого дома по одному топору и все железо, которое находили в слитке» [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 89; ср.: Мыськов 2003, с. 42). По мнению Э. Хара-Давана, Бату оставил в Болгарии молодого, но якобы уже успевшего проявить свои полководческие таланты Ногая [Хара-Даван 1996, с. 245], правда, мнение это не подкрепляется ссылками на источники. Другие исследователи придерживаются более правдоподобной точки зрения, что первоначально европейские владения Джучидов могли находиться под управлением предка Ногая — его деда Бувала или отца Татара, а затем эти области унаследовал сам Ногай, который впервые упоминается в источниках только в 1260-е гг. — эпоху правления Берке [Веселовский 1922, с. 3 и след; Сафаргалиев 1996, с. 313; Трепавлов 1993, с. 89].

Как упоминалось выше, сразу по возвращении из Венгрии Бату вынужден был подавлять мятеж только что покоренных народов Поволжья. Вероятно, и позднее в отдельных областях Волжской Булгарии продолжали вспыхивать отдельные выступления. В течение всего своего правления Бату так и не подчинил окончательно северокавказские племена — аланов, черкесов и др.: их подчинение завершил уже в конце 1270-х гг. его внук Мунке-Тэмур.

Сложная ситуация складывалась в Крыму. Если степные зоны полуострова достаточно быстро и без особого сопротивления были подчинены власти Бату и заселены монголами и кипчаками, то южное побережье, имевшее давние земледельческие и торговые традиции, древние города и многочисленные международные связи, в течение ряда лет находилось в противостоянии с монголами. Быстро оправившись после рейда 1239 г., местное население стало вытеснять монгольских наместников, скорее всего, при поддержке итальянских торговых республик — Венеции, Генуи и Пизы. Действия, например, жителей Сурожа в конце концов завершились невиданным успехом. Сохранилось свидетельство участника событий: «В тот же день (27 апреля 1249 г.) очищено от татар все... и счел севаст (правитель) народ... и праздновал торжественно». С этого времени Бату был вынужден ограничить зависимость Сурожа от Улуса Джучи лишь уплатой дани [Пашуто 1956, с. 162].

Своеобразным государственно-правовым статусом обладало население Северного Причерноморья. Этими землями западного похода монголов владели частично кипчаки, частично — Трапезундская империя. Фактически же население этих областей жило по международным обычаям, сочетавшим в себе нормы византийского, мусульманского и Зычного степного права [см.: Ибн Биби 1927, с. 64-66; Якобсон 1973, с. 80-82]. Согласно сведениям Вильгельма Рубрука, эти территории тоже попали под власть Бату: «На севере этой области находится много больших озер, на берегах которых имеются соляные источники; как только вода их попадает в озеро, образуется соль, твердая, как лед; с этих солончаков Бату и Сартах получают большие доходы, так как со всей России ездят туда за солью, и со всякой нагруженной повозки дают два куска хлопчатой бумаги, стоящих пол-иперпера. Морем также приходит за этой солью множество судов, которые все платят пошлину по своему грузу» [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 91]. По-видимому, власть правителя Улуса Джучи в этих областях, как и в Суроже, ограничивалась взиманием с них налогов и сборов.

§ 18. Иран - сфера влияния Батыя

*Когда же Иреджа черед наступил,
Ему во владенье отец уступил
Иран и Страну копыеносных бойцов,*

О политике Бату в Иране известно не очень много: только несколько персидских источников содержат краткие сведения о его интересах в этом регионе.

Так, Джузджани сообщает: «В каждой иранской области, подпавшей под власть монголов, ему (Бату) принадлежала определенная часть ее, и над тем округом, который составлял его удел, были поставлены его управители. Все главари и военачальники монгольские были подчинены ему (Бату) и смотрели на него, как на его отца Туши» [СМИЗО 1941, с. 15]. И действительно, еще Джучи назначил первого монгольского наместника в Хорасане — Чин-Тимура. Последний до самой своей смерти был верен своему патрону и его преемнику Бату, стойко пресекая попытки других монгольских правителей как-то повлиять на него в ущерб интересам правителей Улуса Джучи. Одну из таких попыток предпринял нойон Чормагун, который, отправляясь в поход на Кавказ, потребовал именем великого хана Угедэя, чтобы Чин-Тимур передал свои полномочия Тайир-нойону, а сам с войсками присоединился к нему, Чормагуну, в походе. Чин-Тимур не подчинился и отправился к самому Угедэю. Он не прогадал: великий хан оказал Чин-Тимуру всяческие милости и предписал Чормагуну оставить его в покое. Чин-Тимур продолжал представлять интересы Бату в Хорасане вплоть до своей смерти в 633 г. х. (1235/1236 г.) [Juvaini 1997, p. 486-488].

Сразу же после его смерти влияние Бату в Иране подверглось угрозе. Пока великий хан не утвердил преемника Чин-Тимура, власть получил Нозал (у Рашид ад-Дина — Бенсил), монгольский чиновник, которому к этому времени перевалило за сотню лет. Он не был ставленником Джучи и его сына, и потому сторонники последнего заняли выжидательную позицию, а доверенное лицо Бату — Шараф ад-Дин Хорезми выехал к правителю Улуса Джучи для получения указаний по поводу дальнейших действий [Juvaini 1997, p. 488; Рашид ад-Дин 1960, с. 46].

Вскоре власть в Хорасане получил пользовавшийся доверием Угедэя нойон Коркуз, кандидатура которого не устраивала Бату. И, видимо, по его указанию сторонники Джучидов предприняли попытку заменить Коркуза Эдгу (Онгу)-Тимуром, сыном Чин-Тимура. За это взялись Шараф ад-Дин, возвратившийся в Хорасан, и Кул-Пулад, бывший помощник Чин-Тимура. Заговорщики отправились к Угедэю, который вызвал к себе и Коркуза. При проезде через Бухару Кул-Пулад был убит ударом кинжала по приказу местного правителя Сайн-Мелик-шаха — сторонника Коркуза. Других оронников Бату также преследовали неудачи: когда Угедэй соизволил почтить своим присутствием Эдгу-Тимура, устроившего по этому случаю пир, ветер свалил одну из опор шатра, и ханская наложница получила увечье. Это отнюдь не улучшило расположение Угедэя к ставленнику Бату. «Так как ты находишься в зависимости от Бату, то я пошлю твое показание, Бату знает, как лучше с тобой поступить», — заявил великий хан Эдгу-Тимуру. Но его решение не понравилось всемогущему везиру Чинкаю, который возразил: «Судьей Бату является каан, а это — что за собака, что для его дела нужно совещание государей? Пусть этим ведает каан». Как видим, Чинкай посягнул на право наследника Джучи судить собственного подчиненного, а следовательно, и защищать его. Правда, Угедэй решил не обострять отношения с племянником и простил Эдгу-Тимура, но вместе с тем оставил наместником Хорасана Коркуза, на волю которого передал всех жалобщиков. Восторжествовавший наместник заключил своих недругов в колодки и подверг публичной порке. Впрочем, великий хан все же пошел на некоторые уступки Бату: везиром при Коркузе он назначил Шараф ад-Дина, ставленника Бату. Возвращаясь из Каракорума, Коркуз остановился у Тангута, брата Бату, вероятно, демонстрируя желание примириться, с Джучидами. Но, прибыв в свои владения, тут же бросил Шараф ад-Дина в темницу и назначил везиром некоего дехканина Асил ад-Дина. В результате Хорасан на некоторое время был полностью выведен из-под контроля

Бату [Juvaini 1997, p. 494-502; Рашид ад-Дин 1960, с. 47-48].

Около 1243 г. Бату все же удалось одержать победу над Коркузом, причем поддержку он получил с неожиданной стороны — от Туракины-хатун, которая после смерти своего супруга Угедэя стала регентшей Монгольской державы. На Коркуза пожаловались родственники недавно умершего Чагатая, которых заместитель Хорасана якобы оскорбил, и для дачи свидетельских показаний из темницы вызволили Шараф ад-Дина Хорезми. Последнему удалось расположить к себе фаворитку регентши Фатиму, тоже хорезмийку. Она имела поистине безграничное влияние на Туракину, и та вскоре устроила суд над Коркузом, в результате которого он был приговорен к смерти. Впрочем, на смену Коркузу пришел другой ставленник Каракорума — Аргун-ака из племени ойрат, который впоследствии также создал Бату немало проблем [Juvaini 1997, p. 503-505; Рашид ад-Дин 1960, с. 48; см. также: Санчилов 2005, с. 170-171].

Шараф ад-Дин вернулся к должности везира и постепенно уверился в собственной безнаказанности. Приобретая поистине безграничную власть над финансами Хорасана, он стал по собственному усмотрению устанавливать ставки налогов и даже вводить новые сборы. Против него начало зреть недовольство даже в самом Улусе Джучи, но он действовал крайне решительно: приехав к Бату, он полностью оправдался перед ним и сохранил свое положение, впоследствии даже приумножив свои богатства. Можно лишь удивляться снисходительности Бату, который обычно был весьма строг в вопросах соблюдения закона и суров к его нарушителям, даже если это были Чингизиды. Видимо, ценность Шараф ад-Дина как «глаз и ушей» Бату в Хорасане перевешивала его многочисленные прегрешения! До самой своей смерти в 642 г. х. (1245) хорезмиец сохранял свой пост везира и умер в роскоши [Juvaini 1997, p. 538-541]. С его смертью влияние Джучидов в Хорасане стало сходиться на нет, а вскоре после смерти Бату власть в Иране перешла к Хулагу и его потомкам.

§ 19. Борьба за Кавказ и Малую Азию

Султан спросил: «Как мой брат?» Тот ответил: «На вершине величия овладел страной Абхаз и покорила вилайет Грузию».

Ибн Биби. Сельджук-намэ

В то время как наследник Джучи с родичами и военачальниками с Субэдэй-багатуром во главе выступил в поход на Волжскую Булгарию и далее на Запад, другую сорокатысячную армию монголов, действовавшую на юго-западном направлении, возглавил Чормагун-нойон из племени сунит (Рашид ад-Дин 1952а, с. 98-99). Вместе с нойоном Байджу из племени бэсут, родственником знаменитого Джэбэ, он тоже был отправлен в поход по воле великого хана Угедэя. Возможно, наследник Джучи осуществлял контроль над всеми военными действиями на западном направлении — включая Поволжье, Дешт-и Кипчак, Иран, Кавказ и Малую Азию, и Чормагун с Байджу были подотчетны ему. На подобную мысль наводит сообщение арабского историка XV в. ал-Айни: «В 641 г. («21 июня 1243-8 июня 1244 г.) Татары вторглись в земли государя Румского Гияс ад-Дина Кей-Хосру, сына Ала ад-Дина Кей-Кобада... Предводителем же Татар был один из великих людей их, по имени Байджу, со стороны Батухана, сына Душихана» [СМИЗО 1884, с. 153-154; см. также: Мау 1996, p. 52]. Как показывает анализ последующей политики Бату, он полагал, что все завоевания монголов на Западе должны отойти к Улусу Джучи, а потому и после завершения похода продолжал считать Байджу-нойо-на своим подчиненным, неоднократно вмешиваясь в управление подвластными тому территориями [ср.: Малышев 33]. Такие действия Бату привели к открытому противостоянию с Байджу.

Чормагун и Байджу всячески отстаивали свою самостоятельность, демонстрируя подчинение воле исключительно великого хана, и даже, как упоминалось выше, сами пытались оказывать давление на монгольских заместителей в Иране, подчинявшихся Бату. Пока

последний был занят западным походом, Чормагун покорил Кавказ, затем вторгся в Малую Азию, взял Эрзерум и даже дошел до границ Трапезундской империи, заставив ее императора признать зависимость от монгольского великого хана [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 89; см. также: Пашуто 1956, с. 147-149]. В год воды-зайца (1243) Байджу-нойон, сподвижник Чормагуна, к этому времени разбитого параличом и лишившегося речи [Патканов 1871, с. 76], разгромил у Кеседага сельджукского султана Рукн ад-Дина Кей-Хосрова II и заставил его признать власть монголов. Султан оказался весьма ловким политиком: видимо, узнав о противоречиях между Чормагуном и Байджу с одной стороны и Бату с другой, он направил наследнику Джучи своих сановников с дарами, тем самым признав зависимость не от своего победителя Байджу, а от правителя далекого Дешт-и Кипчака. Бату с готовностью принял дары сельджукского султана и «через некоторое время он дал им разрешение вернуться и пожаловал для султана колчан, футляр для него, меч, кафтан, шапку, украшенную драгоценными камнями, и ярлык», — сообщает сельджукский историк Ибн Биби [СМИЗО 1941, с. 25; см. также: Маршак 1994, с. 242; Крамаровский 2001, с. 224]. Эти «подарки» символизировали признание одаряемого правителя вассалом монгольского государя и его включение в монгольскую имперскую иерархию [ср.: Тарих-и Систан 1974, с. 376— 377; см. также: Гекеньян 2005, с. 132]. После смерти Чормагуна и свертывания активных военных действий Байджу-нойон был назначен даругой — гражданским наместником завоеванных областей и уже официально вышел из подчинения Бату. Симон де Сент-Квентин, посетивший Байджу в 1247 г., сопровождая папского посла Асцелина, в своем отчете упоминает одновременно Байджу и Бату: И хотя он различает их титулы, называя Байджу просто поу («нойон»), а Бату — *princeps Tartarorum maximus* («великий татарский князь»), он нигде не отмечает, что один из них подчинялся другому [см.: Saint-Quentin 1965, XXXII, 34, 40]. Естественно, политику Бату в отношении сельджуков новый даруга счел посягательством на свою власть и вскоре получил возможность нанести ответный удар.

В 643 год Хиджры (1246 г.) Байджу предложил помощь армянам, осажденным в Тарсе турецкими войсками, — этим он открыто бросал вызов Бату, чей сюзеренитет признавал Румский султанат [см.: Шукуров 2000, с. 182]. В том же году умер султан Кей-Хосров II, и Бату утвердил в качестве его преемника старшего из его сыновей — Изз ад-Дина Кей-Ка-вуса II. Байджу тут же выдвинул своего кандидата — Рукн ад-Дина Килич-Арслана IV, брата и соперника Изз ад-Дина [Шукуров 2001, с. 155; ср.: Киракос 1976, с. 196]. Не придя к согласию, братья отправились в Каракорум, где вопрос о троне должен был решить великий хан, и их поездка, в принципе, устраивала и Бату, и Байджу — первый был уверен в своем собственном влиянии, второй — в поддержке имперских властей. Великий хан, однако, принял компромиссное решение, разделив власть в Сельджукском султанате между обоими претендентами. Тем не менее, когда ставленник Байджу-нойона Рукн ад-Дин расправился с визирем Шамс-ад-дином, ставленником Бату, именно властитель Улуса Джучи направил своих представителей для расследования этого дела: «Тогда прибыла группа послов от Саин-хана для расследования дела сахиба Шамс-ад-дина и с упреками за его убийство. Так как Шемс-ад-дин Туграи был великим оратором и весьма сладкоречивым, то его с большими деньгами послали к Саин-хану для отражения упреков и ответа на вопросы» [СМИЗО 1941, с. 26; см. также: Шукуров 2001, с. 155]. Другим регионом; за влияние над которым боролись Бату и Байджу, стало Закавказье. Рашид ад-Дин сообщает, что «в нокай-ил, года собаки, соответствующий 635 г. [1237/ 38. — Р. П.], осенью Мунке-каан и Кадан отправились на черкесов и зимой убили там государя по имени Тукар... После этого в год кака-ил, года свиньи, соответствующий 636 г., Гуюк-хан, Мунке-каан, Кадан и Бури отправились в сторону города М.н.к.с. и зимой, после месяца и пятнадцати дней осады, взяли его. (Они) еще были в том походе, когда наступил год мыши. Весной, назначив войско, дали его Букдаю и отправили в сторону Тимур-кахалка, чтобы он занял его и область Авир» (речь идет о Дагестане — «стране аров») [цит. по: Арсланова 2002, с. 174-175; см. также: по 1994, с. 180]. В это же время в Грузии и Армении воевал и Чормагун. Его преемник Байджу-нойон

не намеревался уступать контроль над этими странами Бату, но последний занял жесткую позицию в отношении закавказских областей — ведь эти земли были обещаны во владение еще Джучи. Рашид ад-Дин сообщает, что отряды Бату под командованием некоего Ильдавура вели боевые действия на Северном Кавказе, в районе «Тимур-кахалка» («Железные ворота», т. е. Дербент), еще в 1244-1245 гг., то есть уже после того, как Бату свернул свои основные боевые действия [Рашид ад-Дин 1960, с. 46; см. также: Насонов 2002, с. 221].

В 1242-1243 гг. грузинская царица Русудан, дочь Тамары, вернулась в Тифлис из Имерети, куда она бежала, спасаясь от войск Чормагуна. Два года спустя она вознамерилась возвести на трон своего сына Давида, и Байджу вызвал к себе для принятия официального решения по этому вопросу. Однако правительница Грузии, подобно Кей-Хосрову II, предпочла признать власть более отдаленного правителя — Бату, который к тому же «был вторым после хана лицом» [Киракос 1976, с. 181]. Именно к Бату прибыл сын царицы, Давид Нарини («Молодой»), которого он намеревался возвести на трон Грузии. Но Байджу-нойон принял ответные меры: с подачи армянских князей, которые уже в течение ряда лет деятельно сотрудничали с монголами в борьбе против сельджуков [Смбат 1974, с. 169], он выдвинул претендентом на грузинский трон незаконного сына Георгия IV Лаши — тоже Давида, которого в отличие от тезки-кузена прозвали «Улу» («Большой»). Оба царевича отправились в Каракорум: их судьба, как и судьба сельджукских султанов-соперников, зависела теперь от решения великого хана, который все еще не был избран после смерти Угедэя [Киракос 1976, с. 180-181, 194-195, 218; Klaproth 1833, p. 209-210].

Как видим, чтобы удержать под своим контролем все те земли, которые еще Чингис-хан отдал Джучи, Бату вынужден был бороться не только со своими родственниками — Чингизидами, имевшими, в общем-то, довольно обоснованные претензии на земельные владения, но и с менее родовитыми нойонами, которые апеллировали к воле назначавшего их великого хана. И в таких случаях для Бату было очень важно не перешагнуть ту тонкую, почти незаметную грань между реализацией собственных прав и сопротивлением воле монарха, находившегося в Каракоруме.

§ 20. «...Поеха въ татары къ Батыеви»: Батый и русские князья

Divide et impera, cum radix et vertex imperii in obedientum consensu rata sunt.

Римская поговорка

Если анализировать деятельность Бату на основе отечественной историографии, поневоле можно прийти к выводу, что он занимался преимущественно делами русских княжеств.¹⁹ Между тем Русь составляла не самую значительную сферу его политических интересов, и не меньше внимания он уделял, как мы имели возможность убедиться, своим падениям и вассальным государствам в Поволжье, Иране, Закавказье и Малой Азии.

Русские князья — и те, кто сражался с монголами в 237-1241 гг., и те, кто уклонился от столкновений, — не сразу пришли к мысли о сотрудничестве с Бату. Это привело к тому, что в ряде русских городов были поначалу посажены наместники правителя Улуса Джучи (возможно, из числа представителей местного населения). Такой наместник был посажен, например, в Угличе после добровольной сдачи этого города монголам весной 1238 г., и вернувшемуся после монгольского нашествия князю Владимиру Константиновичу удалось

¹⁹ «Чуть ли не вся деятельность Батя как «ордынского хана» лась к усилению Александра Невского», — отмечает г-н Бушков [Бушков 2004, с. 185]. Ехидное, как ему представляется, замечание, вызвано исключительно рассмотрением деятельности Бату на основе отечественных исторических сочинений.

вернуть себе власть в уделе только после поездки к Бату в 1244 г. [Каргалов 1967, с. 135-136; Соловьев 1999].

Переяславль-Южный, как мы помним, в 1239 г. был взят штурмом, причем управлявший им епископ Симеон погиб, а его преемник так и не был назначен: впоследствии вместо переяславской епархии была учреждена сарайская. С упразднением епархии город полностью потерял свое значение и перешел под прямое управление чиновников Бату: согласно Ипатьевской летописи, когда Даниил Галицкий, отправлявшийся к Бату, «пришел в Переяславль, и тут его встретили татары» [ПЛДР 1981, с. 313]. Вероятно, в Переяславле располагались представители монгольской администрации, подчинявшиеся Курумиши («Куремса» русских летописей), сыну Орду и племяннику Бату, который, видимо, контролировал южнорусские земли от Переяславля и далее к западу [см.: Мавродин 2002, с. 370]. Впрочем, сам Курумиши, видимо, не пребывал в Переяславле, а кочевал по южнорусским степям: Иоанн де Плано Карпини сообщает, что встретил его к югу от Киева.

Судьбу Переяславля во многом разделил и Чернигов, взятый войсками Мунке в том же 1239 г. Город также лишился епископа: Порфирий Черниговский попал к монголам в плен и отправлен в подконтрольный им Глухов [ПСРЛ 1908, с. 781; см. также: Насонов 2002, с. 234; Мавродин 2002, с. 365]. Черниговская епархия была упразднена, и город очень быстро потерял свое прежнее значение второго после Киева центра Южной Руси. Настолько быстро, что когда бывший черниговский князь Михаил Всеволодович вернулся на Русь и отправил в Чернигов своего старшего сына Ростислава, тот просто-напросто отказался туда возвращаться, рассчитывая на более престижный Галич [Мавродин 2002, с. 366]. Не исключено, впрочем, что Ростислава могли не пустить в город монгольские наместники. То, что таковые в Чернигове имелись, сомневаться не приходится — сохранилась грамота рязанского князя Олега Красного от 6765 (1257) г.: «Се аз, великий князь Олег Ингваревичь рязанской — пришел есте к нам на Рязань ис Чернигова владетель Черниговской Иван Шаин... что есте был он посажен от Батыя на Чернигов владетелем, и яз, князь великий, ведая его Ивана Шаина породы ханска и воина добра, велел ему отвести поле на реке Проне...» [цит. по: Мавродин 2002, 369]. Таким образом, Чернигов, также находившийся в пределах лесостепной зоны, представлял интерес для монголов и потому был передан Бату своему родичу, идентифицировать личность которого не представляется возможным. Таким образом, монголы прочно закрепились в Чернигове и не собирались возвращать его представителям местной династии. Не исключено, что это стало одной из причин расправы с князем Михаилом в ставке Бату, о которой мы подробнее поговорим ниже.

В. Н. Татищев пишет: «Батый же посадил во граде Киеве воеводу своего» [Татищев 2003, ч. 3, гл. 38]. Ни одного подтверждения этой информации в сохранившихся летописях нет, но вряд ли подобный факт был выдуман историком. Принимая во внимание, что он пользовался летописными сточниками, не дошедшими до нас, можно допустить, что сообщение почерпнуто Татищевым из несохранившегося источника: золотоордынские баскаки в Киеве находились и в более поздний период, еще в середине XIV в. [см. напр.: Ермолинская летопись 2000, с. 141; Московский свод 2000, 233].

Не исключено, что сразу после разгрома монголами Галицко-Волынской Руси в ее городах на короткое время также появились наместники Бату. Так, Ипатьевская летопись сообщает, что «Доброслав же вокняжился бь и Судьичь, попов внукъ, и грабяше всю землю, и въшед во Бакоту все Понизье прия, безъ княжа повеления; Григорья же Васильевичь собь горную страну Перемышльскую мышляше одержати» [ПСРЛ 1908, с. 789]. Исследователь истории Галицко-Волынской Руси А. В. Майоров полагает, что галицкие е после бегства Даниила от монголов могли и в самом деле присвоить себе княжеские титулы и захватить ряд областей — тем более что за всю историю правления Рюриковичей именно в Галиче зафиксирован единственный прецедент вокняжения боярина Владислава (прав. 1212-1213) [Майоров 2001, с. 411]. Но нельзя не предположить, что названные бояре могли действовать в качестве наместников Бату: они в течение многих лет находились в оппозиции к князю Даниилу Романовичу, и это могло склонить их на сотрудничество с монголами —

как и вышеупомянутых болоховских князей.

Эти сообщения опровергают тезис Л. Н. Гумилева о том, что Бату не оставлял своих людей в завоеванных городах [см.: Гумилев 1994а, с. 342]. Вместе с тем не вполне обоснованным представляется мнение К. А. Соловьева, что Бату был готов сделать местными правителями представителей не княжеского рода — боярских семейств [см.: Соловьев 1999]. В источниках не встречается ни одного примера передачи монголами верховной власти в завоеванных областях лицам не княжеского происхождения: управление передавалось местным чиновникам и купцам, которые иногда создавали целые «династии» (как, например, семейство Махмуда Ялавача в Хорезме, род Джувейни или Рашид ад-Дин и его потомки в Иране), но это были лишь наместники монгольских ханов. Тем более это оказалось неактуально для русских княжеств, легитимные правители которых вступили в переговоры с Бату после завершения западного похода.

Первыми установили отношения с правителем Улуса Джучи князя Северо-Восточной Руси — Владимиро-Суздальского и Ростовского княжеств. Уже вскоре после возвращения Бату из Центральной Европы в его ставку прибыл Ярослав Всеволодович, новый великий князь Владимирский. Он был не только самым старшим из оставшихся из живых потомков Всеволода Большое Гнездо, но и первым князем, прибывшим к новому властителю Кипчакской степи. Поэтому неудивительно, что Бату осыпал его всяческими милостями и заявил, согласно русским летописцам: «Ярославе! буди ты старъй всъм княземъ в Русскомъ языцъ», после чего «с великою честью» отпустил домой [ПСРЛ 1926-1928, 169]. Под «честью», как отметил Ю. М. Лотман, понимались дары, символизировавшие признание одаряемым своего вассалитета от дарителя [Лотман 1997, с. 98].

Так был установлен сюзеренитет над первым русским княжеством, что принесло выгоду обеим сторонам. Бату, как новый обладатель болгарских территорий, получил признание со стороны западного соседа, что было немаловажно: прежде Волжская Булгария была объектом постоянных набегов князей Владимиро-Суздальской Руси, теперь же, признав власть монгольских правителей, они вынуждены были прекратить набеги на земли, хозяин которых сменился. Ярослав, со своей стороны, получил возможность распространить свое влияние на большинство русских княжеств, в том числе и на южные. Он «уладив дела со смолянами... посадил у них князем Всеволода», имел определенные виды на Полоцк, женив своего сына Александра на дочери полоцкого князя, а после поездки к Бату посадил в Киеве своего наместника Дмитра Ейковича [Воинские повести 1985, с. 79; Горский 1996, с. 29].

А. Н. Сахаров высказал предположение, что сближение Ярослава Всеволодовича с Бату началось еще до нашествия Русь и, даже более того, вызвало это самое нашествие: якобы Бату начал войну с Юрием Всеволодовичем, чтобы посадить на великокняжеский стол его брата Ярослава — своего союзника, а впоследствии оказал последнему и его сыну Александру Невскому поддержку в борьбе с Орденом [Сахаров 1999, с. 77, 90]. Но гипотеза А. Н. Сахарова, вызвавшая вполне обоснованную критику А. А. Горского [см. напр: Горский 2001 а, с. 70; 2004, с. 207], строится исключительно на логических допущениях и не подкрепляется свидетельствами источников.

Примеру Ярослава последовали и другие северо-восточные князья, в первую очередь ростовские, у которых было немало причин нормализовать отношения с Бату. Как уже отмечалось, углицкий князь Владимир Константинович наконец-то вернул себе власть в родном городе, который прежде управлялся наместником Бату (едва ли не единственный случай прямого монгольского управления в Северо-Восточной Руси!). Одновременно с ним также получили признание Бату в качестве правителей своих уделов Борис Василькович Ростовский и Василий Всеволодович Ярославский (ПСРЛ 1926-1928, с. 469). Любопытно, что Бату в этот период времени как будто игнорировал Рязанское княжество, чаще других страдавшее от ордынских набегов: с 1237 по 1252 г. Рязанью правил Ингварь Ингваревич, не воевавший с монголами и впоследствии не поддерживавший с ними отношений. После его смерти в 1252 г. на рязанский стол вступил его брат Олег Красный, отпущенный из

монгольского плена, и только с этого времени начали устанавливаться рязанско-ордынские контакты.

Великий князь Ярослав приобрел расположение Бату, но в новых политических условиях этого было недостаточно: преемник Джучи все еще считался лишь наместником великого хана в западных землях, и потому все правители, признавшие его сюзеренитет, обязаны были получить подтверждение своего статуса от великого хана. Тот факт, что в течение пяти лет хан все еще не был избран, не очень смущал Бату: он отправлял своих вассалов в Каракорум к Туракине-хатун и «Кановичам» (вероятно, так русские летописцы именовали семейство Угедэя), демонстрируя свою лояльность к центральной власти, в чьих бы руках она ни находилась.

Поэтому сразу же после поездки к Бату Ярослав отправил в Каракорум Константина, одного из своих младших сыновей. Два года спустя, дождавшись его возвращения, великий князь сам отбыл в Монголию, где должен был принять участие в великом курултае. Во время этой поездки он умер, причем сведения о причинах его смерти противоречивы. Францисканец Иоанн де Плано Карпини сообщает, что Ярославу на церемониях отводили более почетное место, чем другим иноземным правителям, но завершает рассказ о нем следующими словами: «В то же время умер Ярослав, бывший великим князем в некоей части Руссии, которая называется Суздаль. Он только что был приглашен к матери императора, которая как бы в знак почета дала ему есть и пить из собственной руки; и он вернулся в свое помещение, тотчас же занедужил и умер спустя семь дней, и все тело его удивительным образом посинело. Поэтому все верили, что его там опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 79]. В русских летописях содержится различная информация о смерти Ярослава. Например, Софийская I и Степенная книга подтверждают версию об отравлении, а Лаврентьевская летопись просто сообщает о смерти великого князя, не намекая на ее насильственный характер. Соответственно, нет единодушия и среди исследователей. Одни признают достоверными сообщения источников об отравлении Ярослава Туракиной, видя в этом проявление ее враждебности по отношению к Бату, чьим ставленником и сторонником был великий князь [Насонов 2002, с. 239; Пашуто 1956, с. 205-206; Феннел 1989 с. 140; ср.: Вернадский 2000, с. 149]. Другие вполне допускают, что Ярослав, который был к этому ремени пожилым человеком (ему было около 55 лет), мог просто умереть в дороге, не вынеся тягот далекого пути и нервного напряжения [Романив 2002, с. 94; ср.: Каргалов 1967, с. 137-138; Феннел 1989, с. 140]. Но большинство историков сходится в том, что Бату никак не был причастен к смерти Ярослава и даже более того, — старался по возможности предупредить его о возможных проблемах: Иоанн де Плано Карпини сообщает, что встретил посланца Стгня, который ехал по поручению Бату к Ярославу [Иоанн Плано Карпини 1997, с. 79; см. также: Насонов 2002, г 239]. Поэтому смерть великого князя не изменила хороших отношений, сложившихся у Бату с семейством Ярослава, что обусловило дальнейшее возвышение Ярославичей.

После кончины Ярослава Всеволодовича великий стол по кону переходил к следующему по старшинству брату - Святославу Юрьевскому, который и прибыл во Владимир, распределив между младшими родичами уделы в соответствии с завещанием своего брата Ярослава. Святослав, делавший все согласно прежней традиции, совершил ошибку: он не поехал к Бату, чтобы подтвердить свой великокняжеский статус. Его молодые, но деятельные племянники — Андрей и Александр Ярославичи тут же отправились (причем независимо друг от друга) к Бату и старались убедить его в том, что каждый из них достоин великого стола больше, нежели их дядюшка [см.: ПСРЛ 1926-1928, с. 471]. Братья, таким образом, ломали существовавший на Руси порядок престолонаследия, делая единственно законным основанием волю сюзерена — монгольского правителя и уповая на его личное отношение к тому или иному претенденту. Правда, даже их действия не идут в сравнение с поступком еще одного Ярославича — московского князя Михаила Хоробрита, который, воспользовавшись отъездом к Бату двух старших братьев, провозгласил себя великим князем

— ни по лест-вичному праву, ни по ханскому решению, а просто-напросто согнав Святослава Всеволодовича с трона! Несколько месяцев спустя он погиб в стычке с литовцами, и его поступок никакого влияния на систему наследования на Руси не оказал — он лишь отразил чувство вседозволенности, охватившее потомков Всеволода Большое Гнездо в новых политических условиях [см., напр.: Экземплярский 1998, с. 22-23; ср.: Егоров 1997, с. 48; Кучкин 1996, с. 27; Соловьев 1999].

После того как Святослав, не сумев отстоять власть, утратил авторитет среди родичей, а Михаил Хоробрит погиб, наиболее реальными претендентами на великокняжеский стол оставались Александр Невский и Андрей. Бату оказался в затруднении: с одной стороны, он должен был поддерживать законного правителя, с другой — у него появилась возможность выбора, поскольку к его суду прибегли сразу несколько князей. Впрочем, прецеденты разрешения таких ситуаций у него уже были, поэтому он отправил Ярославичей в Каракорум, к недавно избранному великому хану Гуюку. Не исключено, что Бату направил ему и свои рекомендации, кого из претендентов следовало бы предпочесть, возможно, что его ставленником мог быть Александр Невский. По сообщению Новгородской четвертой летописи, он побывал у правителя Улуса Джучи даже раньше, чем его отец, — в год 6750 (1242 г.) [ПСРЛ 2000б, с. 228; 2002, с.117; см. также: Лурье 1997, с. 109]. Эту версию полностью принимает, например, Д. Зенин, даже «уточняя», что Александр находился у Бату в Орде около трех месяцев зимой 1241-1242 гг. — то есть тогда, когда, по сведениям большинства источников, Бату воевал в Венгрии! [Зенин]. В. Л. Егоров, ссылаясь на сообщения русских летописей, полагает, что Александр Невский в 1242—1243 гг. не приезжал к Бату лично, но направлял своих людей для выкупа русских пленных [Егоров 1997, с. 46].

Но большинство источников сообщает, что старший Ярославич впервые встретился с Бату уже после смерти отца. На это косвенно указывают и сообщения посланцев папы римского, которые были у Бату в 1246-1247 гг. и, возможно, встретились в его ставке с Александром Невским [см.: Послание 2002б, с. 271]. Согласно «Житию Александра Невского», правителю Улуса Джучи даже пришлось направить князю грозное послание, чтобы тот явился к нему: «Александр, знаешь ли, что бог покорил мне многие народы. Что же — один ты не хочешь мне покориться? Но если хочешь охранить землю свою, то приди скорее ко мне и увидишь славу царства моего» [Воинские повести 1985, с. 133]. Не следует принимать на веру приведенные в «Житии» слова, якобы сказанные Бату по итогам встречи с Александром: «Истину мне сказали, что нет князя подобного ему» — донесший их источник является не летописью или свидетельством современника, а агиографическим сочинением, автор которого прославлял Александра Невского в соответствии с житийными канонами, а не излагал реальные события (хотя и мог помнить таковые, поскольку «Житие» датируется 1280-ми гг.). Но вполне вероятно, что Александр, как старший из наиболее реальных претендентов на великий стол, и в самом деле представлялся Бату самым приемлемым кандидатом. Тем не менее высказанное Л. Н. Гумилевым и подхваченное публицистами утверждение о побратимстве Александра Ярославича с Сартаком, сыном Бату, и тем более об усыновлении Александра Невского самим Бату вызывает обоснованную критику исследователей: ни один источник этого факта не подтверждает [см., напр.: Гумилев 1995, с. 140; ср.: Кучкин 1991, с. 7; Егоров 1997, с. 51].

В сферу влияния Бату вошли и южнорусские земли, где его политика была более жесткой и решительной, чем в Северо-Восточной Руси. Наиболее известным из его деяний в этом направлении является загадочное убийство Михаила Черниговского в ставке Бату.

Большинство историков при рассмотрении этого эпизода предпочитает опираться на летописную «Повесть об убиении Михаила Черниговского» (конец XIII-начало XIV в.), которая есть не что иное, как очередное агиографическое сочинение, прославляющее еще одного русского святого, а не отражающее реальных обстоятельств [см., напр.: Кучкин 1990, с. 27-30]. Чего стоит одно только объяснение причин поездки Михаила к Бату: «Бог, видя, как многие обольщаются славою мира сего, послал на него благодать и дар святого духа, и

вложил ему в сердце мысль ехать к царю и обличить лживость его, совращающую христиан!»! [ПЛДР 1981, с. 232]. Интересно отметить, что, согласно «Повести», Михаил прибыл в ставку Бату прямо из Чернигова, хотя другие источники вполне определенно сообщают, что, бежав в 1240 г. из Киева, он долгое время обретался в Галицко-Волынской Руси, Венгрии и Польше, так до самой смерти и не появившись в родном городе, где к тому времени давно уже сидели ставленники Бату. Та же «Повесть» сообщает, что Михаил, явившись в ставку Бату, отказался выполнить обязательные ритуалы, заявив: «Не подобает христианам проходить через огонь и поклоняться ему, как вы поклоняетесь. Такова вера христианская: не велит поклоняться ничему сотворенному, а велит поклоняться только отцу и сыну и святому духу». И на угрозы посланного к нему Елдеги (этот Элдэке, упоминающийся также у Иоанна де Плано Карпини и Рашид ад-Дина, судя по всему, ведал при дворе Бату контактами с иностранцами) ответил: «Я того и хочу, чтобы мне за Христа моего пострадать и за православную веру пролить кровь свою». Это привело Бату в ярость, и он повелел казнить Михаила, которого якобы долго избивали, затем «некто, бывший прежде христианином, а потом отвергшийся христианской веры и ставший поганым законопреступником, по имени Доман, отрезал голову святому мученику Михаилу и отшвырнул ее прочь» [ПЛДР 1981, I. 232]. Такова версия «Повести об убиении Михаила Черниговского». Однако свидетельства современников и летописные сообщения позволяют представить несколько иное развитие событий.

Как мы помним, именно Михаил Всеволодович в 1239 г. перебил монгольских послов, отправленных Мунке в Киев, После чего покинул город, спасаясь от монголов. Позднее он, по некоторым сведениям, направил на Лионский собор своего представителя архиепископа Петра, призывавшего Европейских правителей выступить против монголов [Матвей Парижский 1997, с. 283-284]. Уже эти его действия элжны были настроить Бату против него, но Михаил, кроме того, являлся соперником Ярослава Владимирского в борьбе за обладание Киевом и властью над южнорусскими княжествами. Весьма вероятно, что Ярослав, стремившийся сосредоточить в своих руках власть над всей Русью, сумел заблаговременно настроить Бату против своего соперника, который, вероятно, и явился к наследнику Джучи по поводу киевского стола. Передача подобных споров на ханский суд и впоследствии неоднократно имела место: так, в 1318 г. хан Узбек разбирал спор между Юрием Московским и Михаилом Тверским, а в 1432 г. хан Улуг-Мухаммад — между Василием Московским и его дядей Юрием Звенигородским. Решение Бату, скорее всего, было принято в пользу Ярослава Владимирского [ср.: Насонов 2002, с. 234]. Эти обстоятельства традиционно игнорируют многие русские историки, предпочитающие сведения «Повести».

Все находившиеся в ставке монгольского правителя пользовались его гостеприимством, поэтому любые ссоры в ней были запрещены. Так, Дмитрий Грозные Очи, сын Михаила Тверского, в 1326 г. был казнен ханом Узбеком за то, что без ханского решения самовольно зарубил в его ставке Юрия Московского, хотя тот и оклеветал отца Дмитрия, став виновником его казни. По монгольским обычаям иностранный правитель или дипломат, выказавший уважение к изображению Чингис-хана и исполнивший священные ритуалы, становился (хотя бы временно) подданным монгольского великого хана, приобщаясь к имперской элите, и в качестве такового пользовался теми же правами и привилегиями, что и сами монголы. «Повесть об убиении Михаила Черниговского» сообщает, что князь отказался поклониться огню и языческим богам. Вполне вероятно, что он и в самом деле по какой-то причине не совершил поклонения статуе Чингис-хана. Не исполнивший обязательных ритуалов чужестранец не воспринимался монголами как член имперской системы, соответственно, Михаил остался чужим и не мог считаться гостем Бату. Поэтому сторонники Ярослава Владимирского (сам он в это время уже находился в Монголии) получили возможность поступить с Черниговским князем по своему усмотрению [ср.: Юрченко 2001, с. 22]. Не случайно даже в житии Михаила сообщается, что черниговский князь был убит не монголами, а русским — путивльцем Доманом («отступничество» которого от христианства, скорее всего, является домыслом агиографа). На это же косвенно указывает тот факт, что

Михаил был убит в ставке Бату, а не отправлен в Монголию к великому хану: следовательно, наследник Джучи не распространял на него монгольскую юрисдикцию. В противовес этой «рациональной» точке зрения П. О. Рыкин полагает, что Михаил был умерщвлен все же по воле правителя Улуса Джучи, причем причины его казни имели «иррациональный» характер. Отказавшись исполнить священный ритуал в ставке, Бату, Михаил продемонстрировал желание призвать на монголов вредоносные силы, и с его казнью их действие обратилось против него самого и его владений [Рыкин 1997, с. 88-89]. Любопытно, что прохождение между огней, вызывавшее негативное отношение русских летописцев, в восточной традиции воспринималось, по-видимому, совершенно иначе: например, в эпосе «Идегей» при описании встречи Идегея с Аксак-Тимуром сообщается, что последний Идегею почет оказал:

Меж кострами велел пройти.

/Идегей 1990, с. 107/

Как бы то ни было, казнь Михаила оказалась выгодной для Бату, поскольку был устранен влиятельный претендент на владение Северной землей, перешедшей под управление монголов. А вскоре правитель Улуса Джучи окончательно закрепил свое владычество над этими территориями, казнив еще одного претендента на черниговский стол — Андрея Мстиславича, отец которого, Мстислав Рыльский, еще в 1240-1241 гг. сражался против монголов, был схвачен ими и убит. На этот раз Бату даже не пришлось искать повод, вина князя Андрея была, по монгольским понятиям, достаточно велика: он «уводил лошадей татар из земли и продавал их в другое место» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 36]. Конечно, следовало бы провести расследование и убедиться в справедливости обвинения: Иоанн де Плано Карпини отмечает, что «этого не было доказано». Но князь Андрей, как и Михаил, являлся законным претендентом на Чернигов, и поэтому его казнили, а его младшего брата заставили жениться на вдове князя Андрея: «Бату сказал троку, чтобы он взял себе в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал поять его в мужья, согласно обычаю татар. Тот сказал в ответ, что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону. А Бату тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, и их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее, и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 36]. Полагаю, этот «брак по принуждению» был заключен по приказу Бату с целью дискредитации брата князя Андрея в глазах русских: связь, а тем более брак с женой покойного брата, по русским понятиям считался дикостью, и теперь княжич не мог рассчитывать на черниговский стол.

Итак, вопрос об управлении в Переяславском и Черниговском княжествах был решен Бату путем устранения местных претендентов. Но чем дальше находились южнорусские земли от ставки Бату, тем меньше была его власть над ними. Так, в Киеве, который был жестоко разорен и окончательно утратил статус столицы Руси, Бату пришлось признать разделение власти своего баскака с русским князем. Впрочем, в правление Бату титул великого князя Киевского носил Ярослав Всеволодович, а затем его сын Александр Невский. Ни тот, ни другой после 1243 г. в Киеве так и не появились, а другие русские князья на этот стол не претендовали, и он утратил статус великокняжеского со смертью Александра Ярославича (1263 г.). Фактическая власть в Киеве находилась в руках ханских баскаков, так что никто не оспаривал сюзеренитета Бату над этими территориями. В первой половине XIV в. в Киеве сидели (вряд ли к ним применим термин «правили»!) князья, происхождение которых не установлено, делившие власть с баскаком, а позднее подчинявшиеся литовским великим князьям. Только после победы Ольгерда над ордынскими «отчичами» на Синей воде в 1362 г. на смену князьям и баскакам в Киеве пришли наместники Великого князя Литовского.

Иоанн де Плано Карпини сообщает о «селении Канов, которое было под непосредственной властью татар», но уже ближайшим к нему селением управлял некий алан Михей, которого францисканец не называет монгольским чиновником [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 70]. Таким образом, Михея можно считать и наместником, поставленным

русскими князьями и номинально признававшим власть Бату. Таких управителей в Южной Руси было немало. Среди них — разделявший власть с баскаком правитель Бакоты Милей, который во время похода монголов на Галицко-Волынскую Русь «приложися... к нимъ». Градоначальник Кременца Андрей «надвое будущу, овогда взывающуся: „королев [т. е. Даниила Галицкого, принявшего в 1253. г. королевский титул. — Р. П.] есмь“, овогда же „Татарьским“» [ПСРЛ 1908, с. 827-829]. Еще далее на Западе располагалась Болоховская земля, владельцы которой, именовавшиеся «князьями», поставляли воинам Бату провиант и фураж, но их зависимость от правителя Улуса Джучи была вовсе номинальной. Настолько номинальной, что Бату впоследствии даже не нашел законного повода наказать Даниила Галицкого, разорившего Болоховскую землю (на рубеже 1241-1242 гг.): местные правители не имели статуса подданных наследника Джучи, и он не имел повода вступаться за них [см.: ПСРЛ 1908, с. 791].

Бату сумел использовать противоречия южнорусских князей с местным боярством и успешно привлекал бояр на свою сторону, признавая их своими подданными путем выдачи соответствующих грамот: тот же Андрей Кременецкий заявлял: «Батыева грамота у мене есть» [ПСРЛ 1908, с. 829]. По мнению исследователей, власть Бату в этих областях подкреплялась не столько законом или военной силой, сколько социально-экономическими средствами — в первую очередь сохранением общинного самоуправления и упорядоченностью налоговой системы по сравнению с близлежащими русскими княжествами. Не удивительно, что на территории, подвластные Бату, переселялись из соседних областей многочисленные представители всех сословий — от бояр до крестьян, — хотевшие уйти от междоусобиц, освободиться от княжеского самовластия и огромных поборов [см., напр.: Вернадский 2000, с. 225-229; Грушевский 1913, разд. 38].

Большинство областей, жители которых перебежали во владения монголов, в то время находилось под властью Даниила Романовича Галицкого и его брата Василька Волынского. Последние, естественно, были не слишком довольны подобной политикой монголов, но не имели возможности изменить ситуацию. Во время нашествия Бату на Галицко-Волынскую Русь Даниилу удалось счастливо избежать гибели и плена, найдя убежище в Венгрии, а его брат Василько Волынский укрылся в Польше. По сообщениям летописей, возвратившись, Даниил не нашел во Владимире-Волынском ни одного живого человека, а в Берестье не смог даже въехать из-за смрада непогребенных тел — причем это было уже в 1242 г., т. е. по прошествии года после разорения! Естественно, первоочередной задачей Даниила стало восстановление разрушенных городов и сел. От этого его постоянно отвлекал то один, то другой претендент на Галицкий стол, а год спустя некий Актай, его осведомитель из Половецкой степи, сообщил: «Батый воротился есте из Угорь, и отрядил есте на тя два богатыря възискати тебе, Маньмана и Балаа». И Даниилу, который не был готов противостоять монгольским отрядам и не желал признать власть великого хана, пришлось оставить свою резиденцию Холм и вместе с митрополитом Кириллом бежать на Волынь, к Васильку [ПСРЛ 1908, с. 795].

Можно только догадываться, какие именно указания дал Бату багатурам Маноману и Балаю. Одни считают, что это был еще один набег на Русь, хотя и менее крупный, чем прежде [Пашуто 1956, с. 193], другие — что это были послы Бату, направленные к Даниилу и Васильку с целью вызвать (и, возможно, сопроводить) их к Бату [Хрусталев 2004, с. 235-236]. Как бы то ни было, Даниил от встречи с Балаем и Маноманом уклонился, и те в отместку вторглись в волынские земли, дошли до Володавы на Буге, громя и разоряя местные села и деревни, только что восстановленные после предыдущего нашествия. Однако Бату, по-видимому, решил уладить конфликт с Романовичами мирным путем и вскоре отозвал своих посланцев из волынских земель, позволив Даниилу активизировать действия против Михаила Черниговского, его сына Ростислава и их союзников — поляков и венгров. 17 августа 1245 г. русско-польско-венгерское войско Ростислава Михайловича было разгромлено войсками Романовичей у города Ярослава. Сорокалетняя война за господство над Галицко-Волынской Русью, начавшаяся в 1205г. после гибели Романа Великого, отца

Даниила, была завершена. И тут Бату разом превратил эту блистательную победу в пиррову! Почти сразу после Ярославской битвы к Даниилу прибыл посланец от Мауци («Могучея») с лаконичным посланием: «Дай Галич!» Если бы Даниил и на этот раз уклонился от переговоров с представителями Бату, это вполне могло повлечь очень тяжелые для Галицко-Волынской Руси последствия: города его не были укреплены, войска поредели после битвы под Ярославом. Поэтому князь принял именно такое решение, какого, собственно, и добивался Бату: «Не отдам половину своей отчины, поеду к Батью сам»²⁰.

Визит Даниила к Бату представлен в Ипатьевской летописи как бесконечная череда унижений галицкого князя монголами [ср.: Кучкин 1990, с. 21-22]. Негативный настрой Даниила по отношению ко всему «татарскому» отмечается летописцем уже с самого начала путешествия князя: «Оттуда он поехал к Куремсе и увидел, что нет у них хорошего. После этого он стал еще сильнее болеть душой, видя, что ими обладает дьявол: мерзкие их чудеснические пустословия, Чингисхановы наваждения, его скверное кровопийство, многое волшебство». В самой ставке Бату Даниилу докучал некий «человек Ярослава» по имени Соногур: «Твой брат Ярослав кланялся кусту, и тебе придется поклониться». Согласно сведениям летописца, слова Соногура и опасения Даниила не оправдались: «В это время его позвали к Батью, и он был избавлен богом от злого их волшебства и чудесничества». Но вместе с тем Даниил все же «поклонился по обычаю их»! То есть и речи не шло о том, что его избавили от необходимости исполнить основные и необходимые ритуалы, свидетельствующие о признании более высокого статуса Бату. Напротив, для русских князей, приезжавших в ставку монгольского правителя, эти действия становились уже нормой: поклониться изображению Чин-гис-хана, став на оба колена, пройти между огней, чтобы «очиститься», преклонить колено перед шатром Бату и, стоя на коленях, общаться с самим правителем Улуса Джучи [см.: Рыкин 1999, с. 211-212; Юрченко 2003в, с. 79]. Даниил все это исполнил, и Бату не мог не оценить стремления галицкого князя найти общий язык с монголами — особенно после прежних попыток Даниила уклониться от встречи с ним. Благодушие Бату отразилось в словах, переданных летописцем: «Даниил, почему ты раньше не приходил? А сейчас пришел — это хорошо».

Исполнив обязательные ритуалы, Даниил, согласно монгольским обычаям, приобщился к монгольской имперской системе и, став одним из представителей правящей элиты, имел право на определенные привилегии, одной из которых являлось питье кумыса. Это стало еще одним испытанием для Даниила Романовича — «западника» и православного христианина. Бату сказал ему: «Пьешь ли ты черное молоко, наше питье, кобылий кумыс?», на что Даниил отвечал: «До сих пор не пил. Сейчас, раз велишь, выпью». Чтобы понять, насколько была велика жертва Даниила, следует иметь в виду, что для христиан питье кумыса считалось чем-то вроде отказа от веры. Вильгельм де Рубрук отмечает, что «находящиеся у них христиане... не пьют его и, даже когда выпьют, не считают себя христианами, и их священники примиряют их тогда со Христом, как будто они отказались от христианской веры», хотя впоследствии откровенничает на свой счет: когда он посетил Байджу-нойона, тот «дал нам выпить вина, а сам пил кумыс, которого я также выпил бы охотнее, если бы он дал мне. Однако вино было молодое и отменное. Но кумыс приносит более пользы голодному человеку» [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 115, 183; Языков 40, с. 181; см. также: Юрченко 2003в, с. 79; ср.: Жуковская 2005, с. 232]. Летописец называет кумыс «черным молоком», подчеркивая неприятие его представителями истинной веры. Между тем речь идет о так называемом «черном кумысе» — своего рода элитном напитке, который пили только представители высшей степной знати. Не исключено, что тот же Байджу не угостил Вильгельма де Рубрука кумысом, который пил сам, посчитав статус францисканца слишком низким для такого благородного напитка! А Бату вручил Даниилу чашу этого «нектара» со

²⁰ Нижеприведенные цитаты из рассказа о поездке Даниила к Батью даны по: ПДДР 1981, с. 313-315 (Ипатьевская летопись).

словами: «Ты уже наш, татарин. Пей наше питье!» Монгольский правитель мог не понять нравственных мучений Даниила, однако от его пронизательного взора не ускользнула реакция князя на кумыс: когда тот направлялся «на поклон» к Боракчин, супруге Бату, ему была вручена чаша вина со словами: «Не привыкли вы пить кумыс, пей вино!» Очевидно, Бату хотелось любым способом найти общий язык с правителем Галицко-Волынской Руси.

Наследник Джучи отпустил Даниила «с честью», официально признав его правителем Галича, но князь сохранил ощущение пережитого унижения. Сам факт признания русским князем, игравшим ключевую роль в политике Центральной Европы, зависимости от степных варваров мог усугубить его душевные страдания. Не случайно его летописец пишет: «О злее зла честь татарская! Даниил Романович, великий князь, владел вместе со своим братом всею Русской землей: Киевом, Владимиром, Галичем и другими областями, а ныне стоит на коленях и называет себя холопом! Татары хотят дани, а он на жизнь не надеется». Подливая масло в огонь, он сравнивает Даниила с его отцом Романом Мстиславичем: «Его отец был царь в Русской земле, он покорил половецкую землю и повоевал иные области. Сын его не удостоился чести», подчеркивая ту пропасть, какая простерлась между «царем Русской земли» и его сыном — «холопом» правителя Улуса Джучи.

При исследовании обстоятельств поездки Даниила Галицкого к Бату возникает вопрос: почему Даниил признал зависимость от Бату, а не от самого великого хана? Почему он не был отправлен в Каракорум — подобно Ярославу, его сыновьям Александру и Андрею, Борису Ростовскому и другим князьям? Михаил Черниговский был казнен в ставке Бату, но он, как уже было отмечено, не приобрел статуса вассала, и потому не было необходимости решать его судьбу в Каракоруме. Даниил же вошел в иерархию Монгольской империи, добился высоких почестей, почему же его новый статус не был подтвержден великим ханом? Источники не дают ответа на этот вопрос. Полагаю, Даниил мог быть признан не вассалом монголов, а их союзником, хотя других примеров подобных отношений между Бату и русскими князьями мы не встречаем.

Результат поездки с лихвой компенсировал переживания и нравственные муки Даниила. Во-первых, Бату перестал считать его врагом и, даже напротив, — одарил своим покровительством. Во-вторых, европейские государи наперебой начали добиваться расположения правителя Галицко-Волынской Руси. Бела IV, прежде отказывавшийся породниться с Даниилом, теперь с готовностью выдал замуж за его сына Льва свою дочь [см., напр.: Пашуто 1956, с. 205]. Таким образом, «холопство» Даниила отнюдь не уронило его авторитета в глазах европейских монархов. Сообщение Ипатьевской летописи позволяет составить представление, в чем заключалась «честь татарская», то есть дары, которые Даниил получил от Бату. По сообщению летописца, когда в 1252 г. князь Галицкий со своими войсками пришел на помощь венгерскому королю и участвовал в переговорах с немецкими послами, «Немьци же дивяшесе оружью Татарьскому: беша бо кони в личинахъ и в коярехъ кожаныхъ, и льдье во ярыцехъ...» [ПСРЛ 1908, с. 813]. По-видимому, Бату подарил Даниилу несколько дорогих монгольских доспехов из лакированной кожи, которые надевали только представители монгольской элиты. Если это было так, то такой подарок подчеркивает особый статус Даниила в отношениях с Бату, поскольку дарение наследником Джучи дорогих монгольских доспехов другим русским князьям летописцами не зафиксировано.

Тем не менее, едва наладив отношения с Бату, Даниил сразу же начал готовиться к военному противостоянию с ним, собирая войска, укрепляя города и активно занимаясь поисками союзников. Наследник Джучи, со своей стороны, проявлял непонятную, казалось бы, и совершенно непростительную снисходительность к галицкому князю, хотя вряд ли заблуждался относительно его намерений. Просто в это время Бату был слишком занят событиями, происходившими в Каракоруме.

§ 21. Дипломатия Батыя

Я не знаю деятельности более разнообразной, чем профессия

дипломата. Во всяком случае, нет такой профессии, где было бы так мало твердых правил и так много основанного на традиции, где для успеха требовалась бы большая настойчивость и где успех в большей мере зависел бы от игры случая, где так нужна была бы строгая дисциплинированность и где человек должен был бы обладать большей твердостью характера и независимостью ума.

Ж. Камбон. Дипломат

Представляя Бату, без особых на то оснований, великим полководцем, историки уделяют гораздо меньше внимания другой сфере его деятельности—дипломатии. Впрочем, и в этой мало освещенной сфере исследователи умудрились создать несколько мифов.

Один из них — переписка Бату с Фридрихом II, императором Священной Римской империи, во время монгольского нашествия на Русь и Европу. О ее существовании писал Л. Н. Гумилев: «...император Фридрих II... вел с Батыем переписку явную и тайную. Батый, выражаясь согласно принятому тогда этикету, потребовал от Фридриха покорности, что в переводе на деловой язык означало пакт о ненападении. Фридрих сострил и ответил, что, как знаток соколиной охоты, он мог бы стать сокольничим хана. Однако наряду с шутками между гвельфинами и монголами велись тайные переговоры, результатом которых были изоляция гвельфской Венгрии и ее разгром и победы Фридриха II в Ломбардии, повлекшие бегство папы Иннокентия IV в 13 г. в Лион, где он смог предать анафеме императора и хана» [Гумилев 1992б, с. 347]. Л. Н. Гумилев извлек факт обмена посланиями из труда В. Т. Пашуто «Внешняя политика Древней Руси» (М., 1968. С. 287), но «тайные переговоры» — это домысел Л. Н. Гумилева, который не случайно не сослался на источники, поскольку они бы опровергли его красивую версию. Например, в послании королю Англии Генриху III император Фридрих прямо пишет: «Мы аительно повелели возлюбленному сыну нашему Конраду и другим знатым людям нашей империи всеми силами препятствовать мощному вторжению врагов-варваров. Также и Вашу светлость во имя общего дела творцом веры нашей христианской, господом нашим Иисусом Христом от всей души умоляем как можно скорее подготовить действенную помощь... И пусть они присоединятся к нам, чтобы стойко и мужественно сражаться за освобождение христианского мира и [в борьбе против] врагов, уже готовых вторгнуться в пределы Германии, словно во врата христианского мира, совместными силами обрести заслуженную победу во славу войска господня. Да не пройдет это не замеченным Вами и да не покажется подлежащим отсрочке». [Матфей Парижский 1997, с. 277-278]. Таким образом, Фридрих II не только не заключал союза с монголами, но и предпринимал попытки создать антимонгольскую коалицию европейских государей. А его сын, немецкий король Конрад IV, в мае 1241 г. даже «взял крест» для участия в крестовом походе против монголов [Chambers 2001, p. 107]; удивительно, что версия Л. Н. Гумилева, которая мог бы представлять собой такой лакомый кусочек для любителей сенсаций, не получила широкого развития: ее поддержал только В. Ю. Ермолаев — и то во вступительной статье к изданию работ самого Л. Н. Гумилева [Ермолаев Л, с. 12].

Вполне возможно, что Бату отправил письмо императору, и тот действительно на него ответил, но вряд ли это можно назвать «перепиской», да еще и с последствиями, описанными Л. Н. Гумилевым. Переписка (то есть периодический обмен посланиями) просто-напросто была не нужна ни императору, ни наследнику Джучи. Вскоре Бату навсегда покинул Центральную Европу и обосновался в Поволжье; единственные территории в Центральной Европе, где монголы сохранили свое присутствие, — это Болгария и венгерское Придунавье, которые не представляли интереса для Фридриха II. Поэтому император не искал союза с правителем Улуса Джучи, а вскоре и вообще забыл о «посланцах ада», увязнув в борьбе на два фронта — в Италии и Палестине, поскольку в 1244 году от Рождества Христова потерял Иерусалим в борьбе с египетским султаном ас-Салихом Айюбом, преемником своего доброго друга ал-Камила. По крайней мере, никаких известий о продолжении обмена

посланиями между Бату и Фридрихом II в известных нам источниках не содержится.

Зато другой миф пустил прочные корни в российской литературе патриотического и религиозного содержания. Авторы, много и вдохновенно пишущие об особой миссии России в мировой истории, ее противостоянии католическому Западу и языческо-мусульманскому Востоку, упоминают некоего Альфреда фон Штумпенхаузена, который был «советником Батыя». Это, по их мнению, служит явным доказательством многовекового сговора западных католиков и восточных язычников с целью погубить Россию [см., напр.: Иоанн 1994; Платонов 1998; Нарочницкая 2002]. Каков же источник этих сведений? Оказывается, все авторы ссылаются на «научно-публицистическое исследование» Б. Башилова — писателя-эмигранта, издавшего в Аргентине на деньги русской эмиграции «Историю русского масонства» (1950-е гг.). Открываем книгу самого г-на Башилова и читаем: «Не случайно советником Батыя был рыцарь святой Марии Альфред фон Штумпенхаузен» [Башилов 1992, с. 19]. И — ни одной ссылки, никакого развития темы! «Не случайно», как будто речь идет о всем известном факте, и никаких дополнительных сведений не требуется! Возможно, впрочем, что прототипом «Альфреда фон Штумпенхаузена» послужил некий английский рыцарь, который за совершенные преступления был изгнан из родной страны, попал на Ближний Восток и после долгих приключений поступил на службу к монголам, у которых был послом и переводчиком. Во время венгерского похода он попал в плен к герцогу Австрии и на допросах рассказал о монголах. Его рассказ сохранился в письме Ивона из Нарбонны архиепископу Бордо, которое вошло в хронику Матфея Парижского [Матфей Парижский 1997, с. 281-282; см. также: Керг 1811; Христианский мир 2002, с. 57-58].

Начало дипломатической деятельности Бату можно датировать серединой 1230-х гг. Сразу же после завоевания Волжской Булгарии Бату направил к королю Венгрии Беле IV послов с письмом великого хана Угедэя, которое мы упоминали выше. Послы не дошли до места назначения, ибо их задержал владимирский великий князь Юрий Всеволодович. Но текст письма благодаря венгерскому миссионеру Юлиану все же стал известен адресату, который, однако, никаких ответных шагов не предпринял — что в конце концов и привело к последствиям, трагическим для Венгрии.

Самого доминиканца Юлиана, кажется, первого европейца, побывавшего во владениях Бату, нельзя назвать дипломатом. Во-первых, его целью было найти «Великую Венгрию» и обратить ее жителей в христианство, заодно убедив признать власть короля Беле; лишь прибыв на Волгу, Юлиан выяснил, что сородичи венгров уже были вынуждены признать другой сюзеренитет — властителя Улуса Джучи. Во-вторых, Юлиан к самому Бату не попал: его не пустили дальше передовых застав монгольских владений. Но и тут чиновники Бату столь успешно внушили Юлиану страх перед монгольским оружием, убедили его в своей многочисленности и воинском опыте, что тот со спокойной совестью сообщил по возвращении в Венгрию в 1238 г.: «В войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 отборнейших [воинов] их закона в строю», хотя, как уже отмечалось выше, эта цифра мифическая. В описании венгерского доминиканца монгольское войско предстает некоей военной машиной: «Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой впереди себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли, а жен, дочерей и родственниц тех людей, кого погнали в бой и кого убили, делят между оставленными для обработки земли, назначая каждому по двенадцати или более, и обязывают тех людей впредь именоваться татарами. Воинам же, которых гонят в бой, если даже они хорошо сражаются и побеждают, благодарность невелика; если погибают в бою, о них нет никакой заботы, но если в бою отступают, то безжалостно умертвляются татарами» [Юлиан 1996, с. 29, 31]. Безусловно, сам Юлиан, не ставший свидетелем ни одного сражения, не мог создать такого описания на основании собственных впечатлений — это ему могли рассказать либо пережившие набеги монголов болгары и жители «Великой Венгрии», либо сами монголы. Второе представляется более правдоподобным: во-первых, в сообщении встречаются специфические детали, которые вряд ли отметили бы беженцы, а

во-вторых, уж очень выгодным для Бату было подобное представление европейцев о монгольской армии! Вполне вероятно, что общавшиеся с Юлианом монгольские чиновники целенаправленно старались создать гиперболизированное представление о монгольских войсках с целью деморализовать будущего противника.

Странно, что внимание историков, с готовностью поверивших в «Альфреда фон Штумпенхаузена», практически не привлекла личность, гораздо более достоверная и, вероятно, сыгравшая не последнюю роль в дипломатии Бату. Речь идет о рыцаре Бодуэне де Гэно, уроженце Фландрии, который состоял на службе у константинопольского императора Бодуэна II де Куртене. Только у Н. М. Карамзина встречаем сообщение: «При дворе сына Батыева, Сартака, жил один из славных Рыцарей Храма, и пользовался доверенностью Моголов, часто рассказывая им о Европейских обычаях и силе тамошних Государей» [Карамзин 1992, с. 37]²¹. Чтобы содействовать заключению мира между кипчаками и Романией, де Гэно женился на кипчакской княжне и приобрел «связи» в степном мире. Вильгельм де Рубрук, встречавшийся с ним в Константинополе, сообщает, что Бодуэн Гэно виделся с Сартаком, сыном Бату, а затем предпринял путешествие в Каракорум [Вильгельм де Рубрук 1997, с.110, 150, прим. 62 на с. 396; ср.: Языков 1840, с. 134]. Надо полагать, что совершить это путешествие его заставил Бату, который отправлял к великому хану всех своих вассалов и иностранных посланников.

Возможно, историки не пытаются исследовать дипломатическую деятельность Бату потому, что европейские посланники к монголам, сведения о которых дошли до нас, проезжали через его двор к великому хану, и Бату воспринимался только как «передаточное звено». Подобное представление о роли Бату было бы ошибочным. Во-первых, и у Иоанна де Плано Карпини, и у Вильгельма де Рубрука была четкая задача доехать именно до владений Бату. Первому было поручено посетить первого монгольского военачальника, который ему встретится. Второй не собирался путешествовать в Каракорум, поскольку намеревался распространять христианство среди монголов при поддержке Сартака, сына Бату, про которого в Европе ходили слухи, что он христианин. И только повеление Бату заставило обе миссии отправиться в далекую Монголию. Почему же наследник Джучи принял такое решение?

Иоанна де Плано Карпини без преувеличения можно назвать одним из выдающихся европейцев того времени. Это был сподвижник Франциска Ассизского, высокообразованный ученый, в течение долгих лет исполнявший обязанности главы францисканского ордена в Германии (с 1228 г.), опытный политик и дипломат. Брат Иоанн, по мнению пославшего его папы римского Иннокентия IV, должен был с успехом решить поставленную перед ним задачу — «обследовать все в совокупности и тщательно осмотреть каждую подробность»: то есть фактически высокопоставленный посланец папы был шпионом! [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 36; см. также: Христианский мир 2002, с. 18]. Это прекрасно понимал Бату, и его не ввели в заблуждение декларации францисканца о том, что они «послы господина папы, который... посылает нас как к царю, так к князьям и ко всем татарам, потому что ему угодно, чтобы все христиане были друзьями татар и имели мир с ними... увещевает принять их как через нас, так и своей грамотой, чтобы они стали христианами и приняли веру Господа нашего Иисуса Христа» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 70].

Прежде всего наследник Джучи принял меры, чтобы по сланцы Рима постоянно находились под наблюдением, которое осуществлял «его управляющий Елдегай» (Элдэкэ), имевший большой опыт общения с иностранцами. Несомненно, ему был отдан приказ

²¹ В Интернете (<http://teladim.xost.ru/site.bod.html>) выложена статья самарского историка-религиоведа К. Серебренитского «Секретная миссия Бодуэна де Геннегау». Автор статьи попытался на основании косвенных свидетельств не только проанализировать дипломатическую деятельность мессира Бодуэна, но и восстановить его родословную, выводя его происхождение от графов Фландрии, а самого Бодуэна причисляя к ордену тамплиеров. Мои попытки связаться с автором Статьи или обнаружить ее печатную версию оказались неудачными.

показывать и рассказывать любопытным францисканцам только то, что хотел показать и рассказать Бату, и Элдэкэ хорошо справился с поручением: в своих записках оба францисканца много внимания уделяют богатству правителей «тартар», высокой боеспособности и дисциплине армии, «изумительной власти вождей». Подозреваю, что вся информация, которую посланцы папы получили от монгольских чиновников и отразили в своих отчетах, была передана им по приказу Бату. А сами францисканцы, похоже, полагали, что им удалось выведать самые главные секреты врагов, которые помогут европейским народам в дальнейшем побеждать «тартар»! Несомненно, и сведения о воинских соединениях Улуса Джучи, которые стали известны брату Иоанну, были подброшены ему «осведомителями» Бату и Элдэкэ: уж очень внушительными выглядят силы монголов в изложении францисканца! Так, например, у одного только Курумиши, который был «самым младшим среди других» и вряд ли имел под командованием более одного тумена, Плано Карпини указывает 60 000 воинов! [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 72].

Ставка правителя Улуса Джучи поразила братьев-францисканцев роскошью. «А этот Бату живет с полным великолепием, имея привратников и всех чиновников как и император их», — пишет брат Иоанн. Францисканцев заранее обучили всем ритуалам: их заставили пройти между огней, Предупредили о недопустимости наступать на порог юрты, необходимости стоять перед Бату только на коленях. Им демонстрировали суровые меры безопасности, принимавшиеся при охране шатра правителя: «Никакой посторонний человек не смеет подойти к его палатке, кроме его семейства, иначе как по приглашению, как бы он ни был велик и могуществен, если не станет случайно известным, что на то есть воля самого Бату». Поразить воображение «нищих» миноритов должны были роскошь и в буквальном смысле слова китайские церемонии при дворе Бату: «На середине, вблизи входа в ставку, ставят стол, на котором ставится питье, и ни Бату, ни один татарский князь не пьют никогда, если перед ними не поют или не играют на гитаре. И когда он едет, то над головой его несут всегда щиток от солнца, или шатерчик, на копье, и так поступают все более важные князья татар и даже жены их» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 73].

Брат Иоанн сообщает интересные сведения о личности Бату. Прежде всего францисканец отмечает, что он «очень проникателен и даже весьма хитер на войне, так как сражался уже долгое время». Кроме того, «Бату очень милостив к своим людям, а все же внушает им сильный страх; в бою он весьма жесток» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 73]. Несомненно, францисканцу и об этих чертах характера Бату рассказали его приближенные. А вот «страх» мог подметить и сам брат Иоанн: действительно, приказы наследника Джучи выполнялись всеми подчиненными, включая и собственных братьев Бату, быстро и беспрекословно. Ни в одном источнике не сообщается, что кто-то из родичей или приближенных вступил в конфликт с Бату или изменил ему, следовательно, преемник Джучи и в самом деле имел способность внушать уважение и почтение, которые папский посланец определяет как «страх». Сам наследник Джучи своим поведением существенно отличался от собственных приближенных. Вильгельм де Рубрук, общавшийся с ним через несколько лет после брата Иоанна, отмечает, как в ответ на одну его фразу Бату «скромно улыбнулся, а другие моалы начали хлопать в ладоши, осмеивая нас» [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 117; ср.: Языков 1840, с. 141-142]. Под «скромностью» францисканец подразумевал сдержанность Бату, ибо внуку Чингис-хана, сыну Джучи и властителю огромного улуса не приличествовало бурно выражать своих чувств, как это делали его приближенные!

Весьма интересно следующее замечание брата Иоанна: «...мы вместе с ними [толмачами. —Р. П.] тщательно переложили грамоту на письма русские и сарацинские и на письма татар; этот перевод был представлен Бату, и он читал и внимательно отметил его» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 73]. Следовательно, Бату владел уйгурской письменностью, которая использовалась монголами со времен Чингис-хана, а в Золотой Орде — как минимум до конца XIV века. В «Юань ши» встречается сообщение об учителе Бату — наймане по имени Бай-Буга [Rossabi 1983, p. 287]. Интересно отметить, что известные нам источники не сообщают подобных сведений о других внуках Чингис-хана и,

даже напротив, — например, Рашид ад-Дин пишет о Гуюке, что тот «приказал, чтобы каждый ярлык, украшенный ал-тамгой казна, подписывали без представления ему на доклад» [Рашид ад-Дин 1960, с. 120]. Чтобы понять, насколько нетипичным для хана был подобный поступок, следует иметь в виду, что выдача ярлыков являлась одной из важнейших прерогатив ханской власти и требовала неременного личного участия государя в процессе выдачи ярлыка. Даже для того, чтобы подтвердить пожалование, сделанное его предшественником, хан издавал новый ярлык (нередко дословно повторявший предыдущий), а не «продлевал» выданный прежним монархом. Видимо, именно это нежелание Гуюка осуществлять одну из важнейших функций государя и побудило Рашид ад-Дина обратить внимание на этот факт.

В ходе переговоров с францисканцами Бату неоднократно подчеркивал, что сам он — лишь подданный великого хана в Каракоруме, не обладающий правом принятия каких-либо важных решений. Но, как видно из действий Бату, он вспоминал о своей лояльности великому хану только тогда, когда ему это было выгодно. Почему же он всячески уклонялся от прямого ответа посланникам папы? Полагаем, отправляя францисканцев в Каракорум, Бату, с одной стороны, перекладывал переговоры с папой римским на центральные власти Монгольской империи, с другой — рассчитывал, что присутствие при дворе великого хана (где как раз готовились к интронизации Гуюка) еще больше усилит впечатление, произведенное на братьев-миноритов в его собственной ставке. Бату объявил, что согласится с любым решением, какое примет великий хан, и поддержит его со своей стороны. Впрочем, нет ничего невозможного в том, что, ознакомившись с решением хана, властитель Улуса Джучи мог «расширительно истолковать» его в своих интересах — степень подчиненности Бату каракорумскому правителю в этот период времени была весьма условной, что нашло отражение в словах Иоанна де Плано Карпини: «А этот Бату наиболее могуществен по сравнению со всеми князьями татар, за исключением императора, которому он обязан повиноваться» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 71]. «Обязан повиноваться», — пишет брат Иоанн, а не «повинуется», возможно, намекая на то, что о реальном повиновении речи не шло. Но при этом в записках проницательного францисканца нет ни слова о вражде Бату с новоизбранным великим ханом. Видимо, Бату и Гуюк предпочитали скрывать свои раздоры от иноземных дипломатов, ибо это свидетельствовало бы о слабости монгольских правителей, тогда как главная их задача в общении с иностранцами состояла как раз в том, чтобы внушить преувеличенное представление о своей силе, могуществе и единстве, и, похоже, им это вполне удалось. Так, брат Иоанн сообщает по итогам своей поездки: «В бытность нашу в Рус-сии был прислан туда один сарацин, как говорили, из партии Куйюк-хана и Бату...», то есть считает Бату и Гуюка союзниками. Кроме того, он пишет, что францисканцы не хотели, чтобы их сопровождали монгольские послы, так как «опасались, что при виде существовавших между нами раздоров и войн они еще больше воодушевятся к походу против нас» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 58, 82]. Этим сообщением он противопоставляет раздробленность государств Европы единству и могуществу Монгольской империи. Вражда Бату с Гужком стала достоянием гласности лишь после смерти последнего: о ней сообщит уже Вильгельм де Рубрук.

Когда францисканцы вернулись из Монголии на Волгу, Бату стремился как можно быстрее с ними распрощаться. Он даже не счел нужным что-то добавить к посланию, врученному францисканцам великим ханом для передачи папе римскому, а только велел им тщательно передать «то, что написал император», вручил проезжую грамоту и отпустил восвояси. После этого Бату на довольно продолжительное время отодвинул на задний план связи с Европой: ему пришлось уделять основное внимание урегулированию своих отношений с Каракорумом. Следующий европейский посланник, Вильгельм де Рубрук, появился у него лишь пять лет спустя, в 1252-1253 гг.

В отличие от многоопытного в дипломатических делах высокоэрудированного Иоанна де Плано Карпини, брат Вильгельм был довольно посредственно образован, да и задачи перед ним стояли более простые: он являлся всего лишь миссионером, которому было

поручено узнать о возможности обращения монголов в христианство. При этом он и пославший его король Франции Людовик IX рассчитывали на помощь сына Бату — Сартака, который, как считали европейцы, был христианином [Языков 1840, с. 127]. Сартак, принявший брата Вильгельма довольно прохладно, отдал его к своему отцу. Наследник Джучи по своему обыкновению отправил королевского посланца в Каракорум, к великому хану, которым к этому времени был уже Мунке. По возвращении из Монголии брат Вильгельм еще около месяца находился при дворе Бату и оставил интересные сведения, добавляющие штрихи к его портрету.

Дипломатическая деятельность Бату не исчерпывается контактами с европейскими государями. Когда Бату отправил брата Иоанна в Каракорум, тот встретил там не только великого князя Ярослава, грузинских царей, сельджукских монархов и ряд посланцев правителей других мусульманских государств: «...также посол калифа балдахского, который был султаном, и более десяти других султанов сарацин... Там было более четырех тысяч послов в числе тех, приносил дань, и тех, кто шел с дарами, султанов, других вождей, которые являлись покориться им, тех, за которыми они послали, и тех, кто были наместниками земель» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 77]. Есть основания полагать, что некоторые из этих «послов» присутствовали в Каракоруме по повелению Бату: именно к нему в первую очередь прибывали посланцы с Ближнего Востока, которые предпочитали, подобно султанам Рума, признать власть «милостивого к своим людям» Бату, а не своего противника на поле боя — Байджу-нойона. О дипломатических контактах наследника Джучи с мусульманскими странами (вероятно — с Айюбидами Сирии и Палестины, атабеками Азербайджана и др.) сообщает также Вильгельм де Рубрук [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 115].

Часть четвертая **ГЛАВА ЗОЛОТОГО РОДА**

§ 22. Батый против Монголии. Таинственная смерть Гуюк-хана

Совершив обожествление отца... сыновья вернулись во дворец и с этой поры стали враждовать в открытую и с ненавистью строить друг другу козни; каждый делал все, что мог, лишь бы как-нибудь освободиться от брата и получить в свои руки всю власть. Соответственно с этим разделились мнения всех тех, кто снискал себе какое-нибудь положение и почет в государстве: ведь каждый из них тайно рассылал письма и старался склонить людей на свою сторону, не скупясь на обещания.

Геродиан. История императорской власти после Марка

В течение нескольких лет после завершения западного хода Бату, формально признавая верховенство каракорумских властей, фактически находился в конфронтации с ними. Этот период его жизни только в последнее время начинает привлекать внимание исследователей [см., напр.: Романив 2002].

После смерти великого хана Угедэя его вдова Туракина возложила на себя обязанности правительницы Монгольской державы. С этим согласился последний из оставшихся в живых сыновей Чингис-хана Чагатай, а также и другие члены рода Борджигин, по словам Джувеини — потому что хотя она и не была старшей супругой Угедэя, но именно от нее родились его сыновья, имеющие право на трон [Juvaini 1997, p. 240].

Угедэй заявлял, что не желает передавать власть своему первенцу Гуюку и намерен

сделать наследником третьего сына — Куджу, но тот умер раньше отца, и тогда формальным наследником стал Ширэмун, сын Куджу и внук Угедэя, «который был очень одарен и умен» [Рашид ад-Дин 1960, с. 118]. Туракина-хатун поначалу выказывала полное согласие с волей покойного супруга и даже сохранила все главные государственные посты за его ставленниками. Но полгода спустя умер Чагатай, строго следивший за исполнением законов и распоряжений Чингис-хана и Угедэя, и политика Туракины резко изменилась. Пользуясь раздорами в семействе Борджигин, она умудрялась не только удерживать власть в своих руках, но и сурово расправляться со своими личными врагами и врагами своих фаворитов — Фатимы-хатун и Абд ар-Рахмана. Отделалась она и от некоторых неудобных родичей: например, вскоре после Угедэя умерла его старшая супруга Мокэ-хатун и несколько других его жен, формально имевших не меньше прав на власть, чем Туракина [см., напр.: Rachewiltz 1999, p. 72-73]. Затем начались репрессии против министров Угедэя: уйгур Чинкай и хорезмиец Махмуд Ялавач вынуждены были бежать под защиту правителя Тибета — «царя» Годана, сына Угедэя, Масуд-бек — к Бату, других же, в частности, Коркуза, наместника Хорасана, схватили и казнили. На их место были назначены сторонники Туракины: в Китае — Абд ар-Рахман, а в Хорасане — Аргун (Рашид ад-Дин 1960, с. 115].

Укрепив свои позиции, Туракина решилась пойти наперекор завещанию супруга: несмотря на требования Чингизидов и сановников созвать курултай для утверждения великим ханом Ширэмуна, она всячески старалась отдалить его созыв, восстанавливая против себя всех, включая и собственных сыновей. Гуюк по возвращении из похода на Запад постепенно отдалялся от матери, недовольный тем, что она не помогает ему стать хаганом. Второй сын Годан, как видим, вообще принял под свое покровительство бежавших от ее гнева сановников [Juvaini 1997, p. 241, 244; Рашид ад-дин 1960, с. 115-117].

Единственная заслуга Туракины перед Золотым родом состояла в том, что она сумела не допустить перехода власти из рук потомков Чингис-хана к боковым ветвям Борджигинов. Вскоре после кончины Угедэя Тэмугэ-отчигин, брат Чингис-хана, попытался захватить трон, но Туракина направила к нему его сына Отая и Мелика (Менгли-огула), сына Угедэя, которые принялись его убеждать отказаться от своего намерения. Их переговоры тянулись, пока до претендента не дошел слух, что Гуюк все-таки вернулся из западного похода и уже находится в своих владениях на Имиле. Последняя новость заставила Отчигина «пожалеть и раскаяться в задуманном» и вернуться в свой юрт [Juvaini 1997, p. 244; Рашид ад-Дин 1960, с. 116-117; см. также: Романив 2002, с. 87]. Так была пресечена попытка захвата власти представителем младшей ветви Золотого рода: с этого времени монополия Чингизидов на трон Монгольской державы оставалась неоспоримой до середины XV в.

Бату некоторое время не вмешивался в борьбу партий в Эракоруме, поскольку никаких враждебных действий против него Туракина-хатун не предпринимала и делами западных улусов совершенно не интересовалась. Благодаря этому Бату удалось взять реванш в борьбе со своим недругом Байджу-нойоном. По решению последнего влиятельный армянский князь Аваг Мхардзели лишился своих обширных владений, которые Байджу передал его сопернику — ишхану Сагису Шахиншаху, но уже в 692 году армянского летосчисления (1243 г.) Бату помог Авагу вернуть свои земли и совместно с ним строил планы возведения на грузинский трон Давида Нарини, сына царицы Русудан [см.: Романив 2002, с. 89].

По мнению некоторых исследователей, если смерть великого князя Ярослава Всеволодовича и произошла по вине Туракины, то ханша, скорее всего, намеревалась продемонстрировать враждебность по отношению не к Бату, а к собственному сыну Гуюку (отнесшемуся к Ярославу с большим уважением), с которым у нее отношения портились все больше и больше. Возможно даже, что сам Бату стал распространять слухи об отравлении Ярослава семейством Угс дэя с целью не допустить сговора своих родичей из Каракорума с сыновьями умершего великого князя, которые как раз в это время отправились в Каракорум [Вернадский 2000, с. 149; Романив 2002, с. 94].

А репрессии Туракины против сановников Угедэя были даже выгодны Бату: Коркуз заточил его ставленника, Шамс ад-Дина Хорезми, в темницу, а регентша казнила Коркуза и

Шамс ад-Дина не только освободила, но и сделала везиром при новом хорасанском наместнике Аргуне. Даже то, что она начала преследование ставленников Угедэя, оказалось на руку Бату: один из могущественных сановников Масуд-бек — сын Махмуда Ялавача и даруга Мавераннахра, бежал к Бату и впоследствии, вернув власть, мог стать весьма ценным союзником [Juvaini 1997, p. 241-243; Рашид ад-Дин 1960, с. 116]. Возможно, именно в период пребывания Масуд-бека при дворе Бату — то есть в середине 1240-х гг. в Улусе Джучи началась чеканка собственной монеты (с именем халифа ан-Насира) [Петров 2001, с. 71]. В результате в отношениях Бату и Туракины установился своеобразный вооруженный нейтралитет.

Бату всячески уклонялся от участия в курултае, где должно было состояться избрание нового великого хана, и его поведение было неоднозначно воспринято разными лицами. Так, согласно «Юань-ши», полководец Субэдэй-багатур, на правах старого сподвижника Чингис-хана и одного из главных военачальников позволявший себе некоторые вольности, с осуждением высказался по этому поводу: «Великий ван в роду старший, как можно не отправиться?» А Туракину, отчаянно стремившуюся удержать власть в своих руках и потому оттягивавшую созыв курултая, пассивность Бату вполне устраивала: из-за его отсутствия были сорваны попытки монгольской знати провести курултай и в год гуй-мао» (1243), и в «год цзя-чэнь» (1244) [Юань ши 2004, с. 505].

Наконец, в 1246 г. собрался курултай, на который приехали почти все Борджигины: Соркуктани, вдова Тулуя, со всеми его сыновьями, Тэмугэ-отчигин и его 80 (!) сыновей, племянник Чингис-хана Эльджигитай и другие потомки братьев Чингис-хана, из Чагатаева улуса — Кара-Хулагу, Йису-Мунке, Байдар, Бури, Есун-Буга и другие Чагатаиды, а также потомки Угедэя, которые являлись «фаворитами» грядущих выборов [Рашид ад-Дин 1960, с. 118]. Прибыли также многочисленные посланцы из разных стран, количество которых так поразило Иоанна де Плано Карпини.

Бату тоже следовало принять участие в выборах, но новый глава рода Борджигин не пожелал отправиться на курултай и склониться перед новым великим ханом, кем бы тот ни был — тем более что наследник Джучи вполне мог предсказать, на кого падет выбор. Со старшим сыном Угедэя, Гуюком, его связывала давняя вражда, и Бату совсем не нравилась идея одобрить его кандидатуру на выборах и затем выразить ему свое почтение, сняв шапку, развязав пояс и поднимая его на белой кошме! Не приобретя еще такого влияния, чтобы каждое его слово являлось законом, Бату вынужден был изобретать благовидные предлоги, чтобы оправдать перед родственниками свой отказ от участия в курултае. На этот раз он остался в своем улусе, «сославшись на слабое здоровье и на болезнь ног» [Рашид ад-Дин 1960, с. 118; см. также: Романив 2002, с. 92]. Бату отправил на курултай своих наиболее влиятельных братьев — Орду, Шибана, Берке, Беркечара, Тангута и Туга-Тимура. Им было приказано поддержать того, за кого будет большинство, — именно так вел себя и сам Бату на курултае, где был избран Угедэй.

Как и ожидал Бату, курултай принял решение: «Так как Кудэн [Годан. — Р. П.], которого Чингиз-хан соизволил предназначить в казны, не совсем здоров, а Ширамун, наследник по завещанию казна, не достиг зрелого возраста, то самое лучшее — назначим Гуюк-хана, который является старшим сыном каана» [Рашид ад-Дин 1960, с. 119]. Туракине-хатун пришлось смириться с этим выбором и даже изобразить, что она именно этого и добивалась: противиться воле курултая она не осмелилась. Чингизиды и монгольская аристократия перед лицом тысяч иностранных посланцев продемонстрировали завидное единодушие и возвели на трон Гуюка, поставившего лишь одно условие: «После меня каанство будет утверждено за моим родом». Фактически он повторил слова своего отца Угедэя, сказанные, когда Чингиз-хан провозгласил последнего своим наследником [Рашид ад-Дин 1960, с. 119; Козин 1941, § 255; см. также: Султанов 2001, с. 82-83].

Гуюк оценил лояльность семейства Джучидов, не выразивших протеста против его кандидатуры, и даже сделал поначалу несколько красивых жестов в их сторону. Так, Орду совместно с Мунке, сыном Тулуя, было поручено расследование дела о попытке захвата

власти Темугэ-отчигином, и никто другой в их разбирательство не смел вмешиваться. По окончании расследования они вынесли приговор: на основании ясы предать Отчигина смерти — так была поставлена последняя точка в споре Чингизидов и других ветвей Борджигинов за трон Монгольской державы [Juvaini 1997, p. 255; Рашид ад-Дин 1960, с. 119]. Гуюк ни словом не намекнул на разногласия между ним и Бату, принимая послов, в том числе и Иоанна де Плано Карпини. После встречи с Гуюком францисканцы вновь вернулись к Бату, который, со своей стороны, продемонстрировал лояльность к новоизбранному великому хану: он даже не счел нужным что-то добавить к посланию, врученному францисканцам великим ханом для передачи папе римскому, а только велел им тщательно передать «то, что написал император» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 83].

Казалось, между родственниками наконец-то наступило примирение. Поначалу даже создавалось впечатление, что, несмотря на избрание Гуюка, политика Каракорума не изменится: Туракина-хатун по-прежнему достаточно прочно держала поводья власти в своих руках, а ее ставленники сохранили за собой свои посты и должности. Однако очень скоро, несколько месяцев спустя после воцарения Гуюка, его мать неожиданно умерла. Источники не сообщают, что она была отравлена любящим сыном, но некоторые авторы намекают, что между ними уже давно существовали серьезные противоречия, что Туракина не допускала Гуюка к власти и заставляла несколько лет отсиживаться в своем родовом уделе в Имиле [Juvaini 1997, p. 244]. По-видимому, когда он занял трон и понял, что мать по-прежнему не намерена отдавать ему реальную власть, он решил взять эту власть сам.

Смерть Туракины развязала Гуюку и его приближенным руки в отношении всесильных фаворитов вдовы Угедэ: сразу после ее смерти в Каракоруме казнили Фатиму-хатун и Абд ар-Рахмана. Лишились своих должностей и постов важные сановники, назначенные Туракиной. На смену им пришли ставленники самого Гуюка. Так, вместо Кара-Хулагу — внука и наследника Чагатая, не принимавшего сторону ни Гуюка, ни Бату, в Чагатаевом улусе воцарился Йису-Мункэ, сын Чагатая и приятель Гуюка. Лишился своей власти и Байджу-нойон, давний недруг Бату, но вместо него управлять Кавказом и Малой Азией был назначен Эльджигитай, который также не питал дружбы к Бату, но был влиятельнее Байджу, поскольку приходился племянником Чингис-хану и был близким другом Гуюка. Сын же Эльджигитай, Аргасун, еще во время похода на Запад вместе с Гуюком и Бури осмелился жестоко оскорбить наследника Джучи на пиру. Иран при Туракине-хатун находился в сфере влияния Бату — благодаря его верному резиденту Шараф ад-Дину Хорезми, всесильному везиру при наместнике Аргуне. Но Шараф ад-Дин умер в 642 г. х. (1245 г.), и Гуюк сразу после своего воцарения назначил на его место своего ставленника Фахр ад-Дина Бихишти [Juvaini 1997, p. 245; Рашид ад-Дин 1960, с. 119-120].

Серьезным ударом по планам Бату в отношении Ирана и Средней Азии стало то, что Гуюк вновь вернул милость бежавшим от Туракины сановникам Угедэ: Чинкай возвратился в Каракорум, Махмуд Ялавач — в Китай, а сыну последнего, Масуд-беку, Гуюк вернул его владения и всю полноту власти в Мавераннахре [Рашид ад-Дин 1960, с. 120]. Масуд-бек, обретя все, что потерял ранее, больше не нуждался в поддержке Бату. А поскольку он вернул свой пост без помощи наследника Джучи, то Мавераннахр так и не попал в сферу влияния Бату. Справедливости ради следует отметить, впрочем, что в течение своего долгого правления Масуд-бек (ум. 1289) никогда не интриговал и не выступал против Бату и его преемников...

Гуюк постепенно лишал Бату влияния и в государствах, которые в свое время признали наследника Джучи своим сюзереном. Все еще пытаясь найти общий язык с Гуюком, Бату отправлял в Каракорум претендентов на троны вассальных государств. Наиболее значительными из них были грузинские царевичи, два внука царицы Тамары — Улу Давид, сын Георгия IV Лаши, и его двоюродный брат Давид Нарини, сын Русудан; сельджукский султан Изз ад-Дин Кей-Кавус II и оспаривавший у него трон его брат Рукн ад-Дин; и двое русских князей, братья Ярославичи — Александр Невский и Андрей. В пику Бату Гуюк назначил правителями как раз тех, кто меньше устраивал наследника, Джучи. Александру

Невскому он предпочел его младшего брата Андрея [ПСРЛ 1926-1928, с. 471]²². Младший сельджукский принц Рукн ад-Дин стал султаном под именем Килич-Арслана IV и получил в управление восточные земли султаната — Сивас, Эрзинджан, Эрзурум и другие города, тогда как старшему, Кей-Кавусу II, остались западные владения — Конья, Анкара, Анталья. Царем Грузии был признан незаконнорожденный сын Георгия Лаши Давид VII Улу, а Давид VI Нарини мог надеяться стать его преемником, если переживет его [Киракос 1976, с. 195; Рашид ад-Дин 1960, с. 120; Шукуров 2001, с. 155; ср.: Рыкин 2000, с. 143-144]. Во всех этих назначениях Гуюк руководствовался только одним соображением — не согласиться с выбором Бату, возвести на троны вассальных государств собственных ставленников и тем самым ослабить влияние наследника Джучи в этих регионах.

И, наконец, уже вскоре после своего избрания Гуюк начал созывать войска. Большую концентрацию монгольских вооруженных сил отмечал побывавший на церемонии избрания Гуюка брат Иоанн де Пано Карпини, который с перепуга решил, что все эти войска предназначаются для нового вторжения в Европу — так, мол, ему «говорили» [Иоанн де Пано Карпини 1997, с. 63]. Действительно, по приказанию Гуюка монголы активизировали свои действия в Южном Китае и Передней Азии, но главной его целью, без сомнения, оставалось желание покончить с разделением власти в Монгольской державе между великим ханом и «ака» рода Борджигин. Гуюк, накупив на баснословные суммы различных говаров, приказывал раздавать их воинам. Большую добычу сулили и замышляемые им походы на империю Сун, Сирию и Индию. Обеспечив себе поддержку войск Коренного юрта (то есть собственно Монголии) и ряда улусов, он приступил к более решительным действиям против Бату.

Внешне Гуюк, как и Бату, демонстрировал свое стремление закончить дело миром и поэтому несколько раз вызывал наследника Джучи к себе. Соблюдая формальности, Бату и в самом деле должен был бы появиться в Каракоруме, выразить почтение новоизбранному монарху и получить от него свою долю почестей — как старший в роду. Но, прекрасно понимая, чем ему грозило принятие такого приглашения, он отказывался — впрочем, в вежливой форме и под благовидным предлогом: он-де продолжает болеть и не осмеливается по этой причине пуститься в столь дальний путь. Наконец, терпение великого хана лопнуло, и он сам выступил в сторону владений Бату — во главе огромного войска. При этом Гуюк с сарказмом пояснил: «Погода склоняется к теплу, воздух Имиля подходит для моей природы, и тамошняя вода благотворна для моей болезни», намекая на постоянные отговорки Бату [Рашид ад-Дин 1960, с. 121].

Последнему, без сомнения, было хорошо известно о приготовлениях Гуюка от своих доброжелателей и осведомителей в Каракоруме. Соркуктани-бэки, вдова Тулуя, также писала ему: «Будь готов, так как Гуюк-хан с многочисленным войском идет в те пределы» [Рашид ад-Дин 1960, с. 121]. Тем не менее Бату пребывал в некоторой нерешительности, никак не решаясь пустить в дело собранные на границах улуса войска: до сих пор гражданской войны в Монгольской державе не было, и Бату, по-видимому, не мог решиться первым начать ее.

Гуюк тем временем уже вступил в пределы Чагатаева улуса, где его войска, несомненно, должны были пополниться отрядами его верного друга Йису-Мунке. Великий хан остановился в окрестностях Самарканда, где дал воинам Отдых после перехода, а сам стал устраивать ежедневные пиры. И именно в это время Бату, наконец, приняв какое-то решение, выступил с многочисленным эскортом, больше напоминавшим армию, ему навстречу. Он сделал остановку в Алакамаке, когда к нему пришла весть о скоропостижной смерти Гуюка [Juvaini 1997, p. 262].

Было бы странно, если бы Бату, как самого главного недруга Гуюка, не обвинили в

²² Некоторые исследователи полагают, что великое княжение братьям-Ярославичам было вручено уже после смерти Гуюка его вдовой Огул-Гаймиш [см., напр.: Горский 2001а, с. 50].

убийстве великого хана! Одним из первых эти обвинения озвучил посланец французского короля Вильгельм де Рубрук со ссылкой на сведения другого посла Людовика IX — Андре де Лонжюмо: «Брат Андрей говорил мне, что Кен [Гуюк. — Р. П.] умер от одного врачебного средства, данного ему, и подозревал, что это средство приказал приготовить Бату. Однако я слышал другое. Именно Кен сам позвал Бату, чтобы тот пришел поклониться ему, и Бату пустился в путь с великой пышностью. Однако он сам и его люди сильно опасались, и он послал вперед своего брата по имени Стикана, который, прибыв к Кену, должен был подать ему чашу за столом, но в это время возникла ссора между ними, и они убили друг друга» [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 132]. Вряд ли можно всецело доверять этому рассказу: больше ни один источник не со-сообщает о ссоре Гуюка с братом Бату и убийстве великого хана. Но вполне вероятно, что сторонники Угедэидов действительно могли прозрачно намекнуть европейскому дипломату, что к смерти великого хана причастен Бату. Безусловно, гибель Гуюка была выгодна наследнику Джучи. Но ему ли одному?

Только Иоанн де Плано Карпини, присутствовавший на церемонии его вступления на трон, дает положительную характеристику Гуюку: «А этот император может иметь от роду сорок или сорок пять лет или больше; он небольшого роста; очень благоразумен и чересчур хитер, весьма серьезен и важен характером. Никогда не видит человек, чтобы он попусту смеялся и совершал какой-нибудь легкомысленный поступок...» Такой замечательный отзыв легко объясняется следующей же фразой францисканца: «Говорили нам также христиане, принадлежащие к его челяди, что они твердо веруют, что он должен стать христианином» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 81]. Видимо, надежда на обращение великого хана в христианство и заставила папского легата «авансом» выдать ему столь блестящую характеристику. В. В. Бартольд на основе восточных средневековых источников характеризует преемника Угедэя как человека развратного, больного физически и нравственно, жестокого и капризного; чиновники боялись приходить к нему с докладами, если он сам не вызывал и не спрашивал их; никто не мог быть уверен в своем завтрашнем дне [Бартольд 1963, с.554].

Таким образом, многие из приближенных Гуюка (включая и его родственников) имели причины желать смерти великого хана, чтобы не беспокоиться за собственную судьбу. И, совершив убийство, сами же могли распусть слухи о том, что это — дело рук Бату, тем более что его вражда с Гуюком к этому времени стала общеизвестной. Прямых указаний на причастность Бату к смерти Гуюка в источниках нет, хотя следует признать, что великий хан скончался очень своевременно и к большой выгоде для властителя Улуса Джучи.

§ 23. Государственный переворот Батыя

Наконец, по принесении князьями-избирателями или их послами присяги пусть приступят они к избранию и никак уже названного города Франкфурта не покидают, прежде чем большая часть их не выберет временного главу мира или христианского народа, то есть римского короля, долженствующего стать императором. Если же они не успеют это сделать в течение 30 дней, считая без перерыва со дня принесения упомянутой присяги, то после этого, по прошествии этих 30 дней пусть они питаются лишь хлебом и водою и никоим образом не выезжают из вышеназванного города до тех пор, пока ими или большей частью их не будет избран правитель или временный глава верующих, как об этом сказано выше.

«Золотая булла» Карла IV, 1356 г.

Ситуация в Монгольской империи после смерти Гуюка очень напоминала ситуацию после кончины его отца. Точно так же у власти формально находилась вдова умершего хана — Огул-Гаймиш (тоже из племени меркитов!). Но, в отличие от своей землячки и свекрови

Туракины-хатун, она не сумела использовать противоречия Чингизидов для укрепления собственной власти. Напротив, вдова Гуюка решила отбыть из столицы в родовые владения Угедэидов на Имиле, тем самым значительно ослабив свое положение. Вскоре против нее открыто выступили ее же сыновья Наху и Ходжа, каждый из которых объявил себя правителем, держал свой двор и издавал собственные указы [Juvaini 1997, p. 265].

Сразу после смерти Гуюка Бату отправил к Огул-Гаймиш послание, в котором выражал сочувствие по поводу кончины ее супруга и всецело одобрял ее кандидатуру в качестве регентши до избрания нового хана [Juvaini 1997, p. 263]. Этот шаг Бату выглядит довольно странным, тем более в тот момент, когда были созданы все предпосылки для того, чтобы он сам получил власть в Монгольской державе. Но преемник Джучи слишком дорожил и миром в империи и собственной головой: захват власти силой, несомненно, повлек бы очередную смуту и, чего доброго, мог закончиться для него тем же, чем в свое время для Тэмугэ-отчигина! Нет, Бату нужен был законный повод для свержения власти рода Угедэя. Поэтому наследник Джучи, продемонстрировав в послании к регентше свою лояльность и тем самым усыпив бдительность Угедэидов, получил возможность спокойно обдумать действия, с помощью которых намеревался раз и навсегда отстранить это семейство от власти.

Много времени Бату для этого не понадобилось. Уже в следующем году он созвал курултай, на котором намеревался предложить кандидатуру нового великого хана. Но, как и прежде, не считал возможным самолично ехать в Монголию — он чувствовал себя в полной безопасности только в собственных владениях. Вместе с тем вопросы, которые он был намерен поднять на курултае, являлись настолько важными, что он не рискнул доверить их своим представителям, как сделал это, отправив своих братьев на курултай, избравший Гуюка. И Бату, в нарушение всех традиций, созвал курултай в своих владениях — либо в том же Алакамаке, где он временно обосновался со времени смерти Гуюка, либо в горах Алатау, к югу от реки Или [см.: Бартольд 2002а, с. 498]. Намерения его были очевидны: в своих владениях, имея под рукой многочисленные войска, он имел больше шансов «убедить» даже враждебных ему родичей и нойонов согласиться с его решением. Это было вполне понятно и другим Чингизидам, поэтому потомки Угедэя и Чагатая прямо заявили, что Бату нарушает традицию: «Коренной-де юрт и столица Чингис-хана — Онон и Келурен, и для нас не обязательно идти в Кипчакскую степь» [Рашид ад-Дин 1960, с. 129]. В результате многие из противников Бату просто-напросто отказались прибыть на курултай. Однако авторитет наследника Джучи был столь высок, что большинство Чингизидов, военачальников и высших чиновников все же собралось в его ставку, не посмеяв пренебречь его приглашением.

Помимо братьев самого Бату, среди которых он пользовался непререкаемым авторитетом, на созданный им курултай съехались сыновья Тулуя — Мунке, Арик-Буга и Моге, также сын Угедэя Кадан и сын Чагатая Мауци — оба последних просто не могли не явиться, поскольку имели уделы во владениях Бату. Приехал также и внук Чагатая Кара-Хулагу, питавший ненависть к Гуюку, лишившему его власти над Мавераннахром. Сыновья Гуюка Наху и Ходжа также направились к Бату, но сразу же заняли подчеркнута независимую позицию, демонстрируя свою незаинтересованность в решениях курултая. Уже на следующий день они покинули место сбора, оставив вместо себя Темур-нойона, которому дали указания: «Бату — ака всех царевичей. Что бы он ни приказал, его слово закон. Мы соглашаемся со всем, что он посоветует и что сочтет наилучшим, и не будем возражать против этого». Аналогичным образом действовал и несостоявшийся наследник Угедэя Ширэмун, который даже не соизволил прибыть на курултай, а направил туда своего представителя Конкур-Токай-нойона, дав ему примерно такие же наставления, что и сыновья Угедэя Темур-нойону [Juvaini 1997, p. 557-558; Рашид ад-Дин 1960, с. 129]. Видимо, Угедэиды и Чагатаиды полагались на обещание, данное царевичами и нойнами Гуюку при его вступлении на трон, и рассчитывали, что потомство Угедэя по-прежнему останется у власти.

Однако Бату не смутило их отсутствие — напротив, он воспользовался им, чтобы

огласить своеобразное обвинительное заключение: «Дети Угедая поступили вопреки словам отца и не отдали трон Ширэму, и, преступив закон и обычай, убили без суда младшую дочь Чаур-сэчен [любимую дочь Чингис-хана, упоминаемую в монгольских источниках под именем Актылун-хаан. — Р. П.]. По этой причине ханство им не подобает» [Рашид ад-Дин 1960, с. 80; Бартольд 1963, с. 558]. Убедительны были эти доводы или нет, но Бату прекрасно понимал, что собравшиеся у него Чингизиды и нойоны были полны решимости отстранить Угедэидов от трона Монгольской державы, а потому им было вполне достаточно и таких оснований.

Естественно, встал вопрос об альтернативе семейству Угедэидов. Как и следовало ожидать, трон был предложен самому Бату. Однако политическая мудрость Бату в очередной раз взяла верх над амбициями: он осознавал, что ему не удержать всю империю под своим контролем, если он останется в своих нынешних землях, а перебираться в далекий Каракорум он не собирался. Поэтому он, видимо, не кривил душой, когда отказывался от трона, объясняя свое решение, согласно Джуждзани, следующим образом: «Мне и брату моему Берка принадлежит уже в этом крае (т. е. Дешт-и-Кипчаке) столько государств и владений, что распорядиться им (краем) да вместе с тем управлять областями Китая (Чин), Туркестана и Ирана (Аджем) невозможно» [СМИЗО 1941, с. 16].

И тут же предложил другого кандидата: «Из всех царевичей один Менгу-каан обладает дарованием и способностями, необходимыми для хана, так как он видел добро и зло в этом мире, во всяком деле отведает горького и сладкого, неоднократно водил войска в разные стороны на войну и отличается от всех других умом и способностями; его значение и почет в глазах Угедэй-каана, прочих царевичей, эмиров и воинов "были и являются самыми полными. Казн послал однажды его, его брата Кулкана и Гуюк-хана со мной, Бату, и с Ордой... в края Кипчака и в государства, кои находятся в тех пределах, дабы мы их покорили. Менгу-каан привел в покорность и подданство племена... кипчаков... и черкесов; предводителя кипчаков Бачмана, предводителя племен асов и город... [несколько пробелов в тексте. — Р. П.] Менгу-каан захватил и, произведя казни и разграбление, привел в покорность... В настоящее время подходящим и достойным царствования является Менгу-каан. Какой другой есть еще рода Чингиз-хана царевич, который смог бы при помощи правильного суждения и ярких мыслей владеть государством и войском? Один только Менгу-каан, сын моего милого дяди Тулуй-хана, младшего сына Чингиз-хана, владевшего его великим юртом. А известно, что согласно ясе и обычаю монголов место отца достается меньшому сыну, поэтому все «предпосылки для вступления на царство у Менгу-каана» [Рашид ад-Дин 1960, с. 129-130]. Доводы Бату были, мягко говоря, не совсем убедительны: Тулуй никогда не был великим ханом, а сам Мунке являлся его старшим сыном, а не младшим. Поэтому Бату не сумел бы подтвердить свои слова ссылками на ясу и обычай монголов. Но поскольку теперь именно он толковал эти самые ясу и обычай, противоречить наследнику Джучи никто не решился. К тому же было очевидно, что Бату еще до курултая принял решение о том, кто станет новым великим ханом.

Выбор, сделанный Бату, тем не менее, по-видимому, несколько озадачил его родичей. Это лишь потом историки станут говорить о давней дружбе Бату и Мунке, начавшейся якобы еще во время западного похода или даже раньше, но ни один автор, современный наследнику Джучи, не сообщает, что Бату и Мунке связывали такие уж близкие отношения. Напротив, как было отмечено выше, Мунке во время западного похода, возможно, вызвал гнев Бату и понес наказание — вынужден был сражаться в передовом отряде. После этого, правда, сообщений о каких-либо недоразумениях между ними в источниках не содержится, но и оснований говорить об их близкой дружбе тоже нет.

В ходе борьбы против Гуюка Бату нашел союзника в лице матери Мунке — Соркуктани-бэки. Именно она, узнав, что далеко не все Чингизиды намеревались прибыть к Бату на курултай, посоветовала своему первенцу: «Так как царевичи ослушались старшего брата и к нему не пошли, пойдешь ты с братьями и навести его, больного» [Рашид ад-Дин 1960, с. 129; см. также: Номинчимэд 2004]. Несомненно, Соркук-тани была прекрасно

осведомлена, что никакой серьезной болезни у Бату не было, что это только повод отказываться от поездок в далекую Монголию. Но, говоря так, она одновременно и принимала игру своего западного родича, и щадила самолюбие собственного старшего сына: отправившись к Бату, он не шел на поклон к влиятельному главе рода, а просто навещал больного родственника.

В итоге Мунке с братьями первым прибыл к Бату и этим определил свою дальнейшую судьбу: «Бату обрадовался его прибытию и... воочию увидел в нем признаки блеска и разума» [Рашид ад-Дин 1960, с. 80]. Среди царевичей, присутствовавших на курултае в Кипчакской степи, Мунке являлся фактически самым старшим в иерархии Чингизидов после самого хозяина: еще в 1247 г. Иоанн де Плано Карпини упоминал, что «Менгу был могущественнее всех, за исключением Бату» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 49]. Первенец Тулуя не отличался особыми амбициями и, видимо, представлялся своему кузену Бату достаточно недалеким, поэтому, если верить сообщению; Джузджани, правитель Улуса Джучи не слишком-то деликатно объяснил причины своего выбора: «Так как на престол посажу его я, Бату, то на самом деле владыкою буду я» [СМИЗО 1941, с. 17]. Вряд ли Бату и в самом деле мог произнести подобные слова — в противном случае он должен был иметь очень невысокое мнение об умственных способностях Мунке и быть уверенным в абсолютной лояльности остальных Чингизидов!

Следуя обычаю, Мунке в течение нескольких дней отказывался от предложенного ему трона. Наконец, его младший брат Мого-огул сумел убедить его: «Все на этом собрании приняли на себя письменные обязательства и все здесь присутствующие пообещали повиноваться приказаниям Бату-каана [об этой «описке» Джувейни мы поговорим ниже. — Р. П.], и не нарушать их, и не отступать от них, и не желать ничего прибавить к его словам. Но поскольку Менгу-каан теперь стремится уклониться от совета и от выполнения своего собственного обещания, то пусть тогда потом, когда между агой и ини возникнут какие-либо разногласия, это не станет причиной для порицания и поводом для упреков» [Juvaini 1997, p. 561; ср.: Рашид ад-Дин 1960, с. 130]. Подобные слова свидетельствуют о том, что Бату, наконец, действительно стал самым влиятельным человеком в Монгольской империи: его мнение становилось решением последней инстанции, и для прекращения споров достаточно было сослаться на его волю. Кандидатуру Мунке поддержали и влиятельные монгольские военачальники во главе с Урянктаем, сыном недавно скончавшегося Субэдэй-багатура [Бичурин 2005, с. 201-202, с.209; Юань ши 2004, с. 506]. Мнение военной верхушки было очень важно для Бату, поскольку за ней стояла армия, и ее поддержка обеспечивала исполнение его замысла.

Завершился курултай торжественным пиром, на котором «Бату, как обычно принято среди монголов, поднялся, а все царевичи и нойоны в согласии, распустив пояса и сняв шапки, стали на колени. Бату взял чашу и установил ханское достоинство в своем месте; все присутствующие присягнули на подданство, и было решено в новом году устроить великий курултай» [Рашид ад-Дин 1960, с. 130]. Кто знает, не вспомнил ли Бату в этот миг о другом пире после похода на Русь, на котором он был жестоко оскорблен своими противниками?

Навязав свое решение всем собравшимся, Бату не стал идти на дальнейшее обострение отношений с родичами: он предложил собрать в следующем году курултай в традиционном месте — между реками Онон и Керулен, чтобы все обычаи и законы были соблюдены. И на фоне этой его конопослушности остальным не бросилось в глаза, что направленные им на курултай представители Улуса Джучи, Берке и Туга-Тимур, прибыли в Монголию с тремя туменами войска (в отличие от Джувейни и «Юань ши», Рашид ад-Дин сообщает, что в Монголию был отправлен не Туга-Тимур, а Сартак). Стягивали туда свои войска также Тулуиды и их союзники [Juvaini 1997, p. 563; Бичурин 2005, с. 202; ср.: Рашид ад-Дин 1960, с. 80].

Все это как-то не сразу осознали строптивые потомки Угедэя. Огул-Гаймиш, номинально возглавив империю, посвятила все свое время торговле и накоплению богатств, с каждым днем все больше и больше упуская власть из своих рук. Что до ее сыновей, то они

сурово отчитали Темур-нойона за то, что он согласился на кандидатуру Мунке, видимо забыв, что сами уполномочили его поддержать любое решение большинства. Сгоряча Наху и Ходжа даже собирались устроить засаду и захватить Мунке по пути в Монголию, но, прежде чем они успели что-либо предпринять, он благополучно прибыл в свой удел [Juvaini 1997, p. 264].

Не желая смириться с тем, что власть окончательно уплывала из их рук, внуки Угедэя слали Бату письмо за письмом, заявляя: «Мы далеки от соглашения и недовольны этим договором. Царская власть полагается нам, так как же ты ее отдаешь кому-то другому?» На это наследник Джучи им отписывал: «Мы с согласия родственников задумали это благое дело и кончили разговор об этом, так что отменить это никоим образом невозможно. Если бы это дело не осуществилось в таком смысле и кто-либо другой, кроме Менгу-каана, был бы объявлен государем, дело царской власти потерпело бы изъясн, так что поправить его было бы невозможно, а если царевичи об этом тщательно поразмыслят и предусмотрительно подумают о будущем, то им станет ясно, что по отношению к сыновьям и внукам проявлена заботливость, потому что устроение дел такого обширного, протянувшегося от востока до запада государства не осуществится силой и мощью детей» [Рашид ад-Дин 1960, с. 131]. Как видим, в своем послании Бату прозрачно намекал сыновьям Гуюка на решение их собственного родителя отнять Мавераннахр у Кара-Хулагу и отдать его Йису-Мунке, на том основании, что младший не может править, пока жив старший. Теперь Гуюкова концепция власти была обращена против его же сыновей: во всяком случае, пока был жив Мунке, их двоюродный дядя, трона им не видать!

В конце того же года земли-курицы (1249 г.) посланцы Бату во главе с Берке начали подготовку к курултаю. Сам Берке обосновался в Каракоруме и пытался собрать Чингизидов и нойонов, но это у него не очень хорошо получалось. Как и прежде, первыми приехали сыновья Тулуя — Мунке и семь его братьев. Прибыли также потомки братьев Чингис-хана — Джучи-Хасара, Хачиуна во главе с Эльджигитай-нойоном, который хотя и был приверженцем Угедэидов, но от участия в курултае отказаться не рискнул. Не вызвал удивления и приезд сыновей Угедэида Годана — давних союзников Тулуидов. А вот сыновья Гуюка, Ширэмун, а также поддерживавшие их потомки Чагатая — Йису-Мунке, Бури, Есун-Буга и другие, по-прежнему отказывались прибыть.

Бату и Соркуктани продолжали слать им увещательные письма: «Все же вы должны прибыть на курултай и участвовать в обсуждении, и посоветоваться еще раз, когда соберутся вместе все *ака* и *ини*». Бату неоднократно присылал к ним послов, через которых пытался убедить, что положение Угедэидов после выбора Мунке не изменится к худшему, а наоборот — улучшится. Но Наху, Ходжа и Ширэмун при поддержке Чагатаидов и Кадака, бывшего канцлера Гуюка, продолжали упрямяться [Juvaini 1997, p. 265-266]. И это, в общем-то, соответствовало замыслу Бату, который посылал им свои письма с одной целью — показать остальным Борджигинам, что он всячески старался исполнить предписания законов и обычаи, найти общий язык со строптивцами, и не его вина, что это не удалось.

Наконец, терпение наследника Джучи иссякло окончательно. Когда от Берке пришло послание, в котором он в очередной раз жаловался, что вот уже два года пытается посадить Мунке на трон, но ни потомки Угедэя, ни Йису-Мунке так и не едут на курултай, Бату ответил ему лаконично, но грозно: «Ты его посади на трон, всякий, кто отвратится от ясы, лишится головы» [Рашид ад-Дин 1960, с. 131]. Это придавало делу совсем иной оборот. До сих пор Угедэиды не ехали на курултай, надеясь, что в соответствии с ясой без них выборы не состоятся или будут признаны недействительными. Теперь же, после слов Бату, получалось, что, не приезжая на общий сбор, именно они нарушают ясу, а Мунке будет избран в любом случае! Осознав это, они выехали-таки из своих владений и направились к месту проведения курултая, но по пути часто и надолго останавливались. Новое толкование ясы, данное Бату, позволило организаторам курултая не обращать внимания на такие мелочи, как отсутствие нескольких царевичей. Зимой года железа-свиньи (1251 г.) курултай состоялся.

Кажется, не было ни одного нарушения традиций курултая, которое не допустили бы организаторы во главе с Берке-огулом! Он изменил порядок рассадки участников, чтобы на самых почетных местах оказались надежные сторонники Мунке. Впереди всех поместил придворных и телохранителей сыновей Тулуя, чтобы они воспрепятствовали любому, кто захочет сказать что-то против ставленника Бату. Берке приказал Мого-огулу стать у входа в шатер и не пускать внутрь царевичей (Чингизидов!), чтобы успели рассесться нойоны и телохранители, которым Берке мог доверять [Рашид ад-Дин 1960, с. 131-132].

Несмотря на все эти предосторожности, всех неожиданностей избежать не удалось: Ильджидай-нойон из племени джалаир, любимец Угедэя, вновь попытался напомнить о клятве, данной Угедэю и Гуюку о том, что трон останется за их родом. Но Хубилай, брат Мунке, просто-напросто процитировал слова «обвинительного заключения», составленного Бату, и джалаирскому аристократу пришлось признать: «Истина на вашей стороне» [Рашид ад-Дин 1952а, с. 95-96]. Фактически потомки Джучи и Тулуя во главе с Бату и при согласии остальных родичей совершили государственный переворот, хотя и обставили «выборы» в полном соответствии с законом и обычаем.

Итак, Мунке был провозглашен хаганом. Прибывшие несколько позже Угедэиды Кадаи и Мелик-огул, а также Чагатаид Кара-Хулагу тут же воздали ему подобающие почести, заверяя, что и строптивые сыновья Гуюка со своими единомышленниками тоже вот-вот придут для выражения почтения новому великому хану. Таким образом, легитимность Мунке была признана во всей Монгольской державе. Отныне любое выступление против него следовало расценивать как государственное преступление и, следовательно, карать смертью.

§ 24. *Vae Victis!*

Месть — это блюдо, которое едят холодным.

Сицилийская поговорка

Ширэмун и потомки Гуюка и в самом деле готовились прибыть к Мунке, но отнюдь не для того, чтобы принести присягу верности. Они намеревались тайно подвести к ставке великого хана оружие и, вооружив свою свиту, уничтожить хагана и его приближенных. Но, видимо, им вовсе не приходила в голову мысль о том, что они нарушают закон, и потому они не задумывались о последствиях провала своего замысла.

Заговор Ширэмуна был обречен на неудачу с самого начала. Во-первых, он и его сторонники задумали мятеж сразу после избрания Мунке, когда он ожидал от них подобных действий — а «кто предупрежден, тот вооружен». Во-вторых, еще не разъехались по своим уделам его приверженцы, следовательно, у него было достаточно людей, чтобы справиться с мятежниками, с какой бы многочисленной свитой они ни прибыли. В-третьих, внуки Угедэя даже не озаботились тем, чтобы привлечь на свою сторону кого-либо из доверенных лиц нового хагана и понадеялись только на собственные силы. Наконец, вели они себя в высшей степени неуверенно, и как только им стало известно, что Мунке узнал о заговоре, они даже не помышляли о сопротивлении: когда войска нового хана окружили их, они тут же сдались на милость победителя [Juvaini 1997, p. 574-580; Рашид ад-Дин 1960, с. 133-135; Вильгельм де Рубрук 1997, с. 132).

Раскрытие заговора Ширэмуна дало, наконец, законное основание Бату и Мунке расправиться со своими противниками. При этом хаган и глава рода Борджигин утоляли свою месть в высшей степени демонстративно и даже с каким-то подчеркнутым цинизмом. Иначе как объяснить, что главные заговорщики — Ширэмун, Наху и Ходжа — отделались ссылкой в отдаленные области и в армию, а к смерти были приговорены лица, вообще в заговоре не замешанные, а виновные лишь в том, что в свое время испортили отношения с новыми властителями Монгольской державы?

Мунке получил возможность отблагодарить тех, кто поддержал его во время выборов: он позволил им самим выбрать наказание для мятежников. Соркуктани лично осудила смерть Огул-Гаймиш, вдову Гуюка, и Кадагач-хатун, мать Ширэмуна. Кара-Хулагу также «исцелил свою грудь от давней злобы», казнив своего кузена Есун-Бугу, на глазах у которого сначала приказал умертвить его супругу Тогашай; затем он получил от Мунке ярлык с правом казнить своего дядю Йису-Мунке [Juvaini 1997, p. 584-592; Рашид ад-Дин 1960, с. 136-140; см. также: Бичурин 2005, с. 209]. Бату, со своей стороны, получил возможность свести старые счеты с противниками, прежде бывшими вне его досягаемости. Бури, внук Чагатай, явившийся по приказу Мунке в Каракорум, был схвачен Мункесар-нойоном, верховным судьей Монгольской державы, и отвезен к Бату, который «после подтверждения его вины предал его смерти» [Рашид ад-Дин 1960, с. 137]. Наследник Джучи не забыл, что во время западного похода Бури нанес ему оскорбление на торжественном пиру. Тогда за нечестивца заступился его дед Чагатай, из уважения к которому Бату не стал наказывать Бури. Однако, как оказалось, Бури, осмелев от собственной безнаказанности, не оставил своих дурных привычек: «Дело дошло до того, что однажды в эпоху Менгу-каана, когда он пил вино, то ругал Бату по злобе, которую в душе питал к нему» [Рашид ад-Дин 1960, с. 90]. И хотя всем было понятно, за что именно Бури приговорен к смерти, Бату стремился и в данном случае соблюсти видимость законности. По словам Вильгельма де Рубрука, ему якобы стало известно, что Бури имел намерение перекочевать в Поволжье, объясняя это тем, что в его уделе нет хороших пастбищ [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 123]. Искушенному в правовых вопросах Бату и его приближенным не составило труда усмотреть в этом преступление, ибо «никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если император не укажет ему» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 49}. Провинности Бури были настолько серьезными в глазах монголов, что его даже лишили права умереть почетной смертью без пролития крови: по сведениям брата Вильгельма, «Бату спросил у него, говорил ли он подобные речи, и тот сознался. Однако он извинился тем, что был пьян, так как они обычно прощают пьяных. И Бату ответил: „Как ты смел называть меня в своем опьянении?“ И затем приказал отрубить ему голову» [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 123]. Нет сомнений, что Бату поступил так не только в интересах правосудия, но и из чувства личной мести: как видим, даже во время суда он припомнил Бури его выходку. По некоторым сведениям, на суд к Бату был отправлен и Йису-Мунке, которого наследник Джучи, однако, отправил к Эржэнэ-хатун, вдове Кара-Хулагу, и она его казнила [см.: Бартольд 1943, с. 49; Санчилов 2005, с. 167].

Бату удалось восторжествовать и над своими менее родовитыми врагами. Аргасун, давний приятель Гуюка и Бури, в свое время также участвовавший в оскорблении Бату на пиру во время западного похода, прибыл к Мунке в свите Ширэмуна и Наху, был схвачен по приказу хагана и вместе со своим братом отправлен к Бату. Последний казнил их особо жестоким способом — вбиванием в рот камней [Зташ 1997, p. 587; Рашид ад-Дин 1960, с. 136-137]: наследник Джучи всячески стремился продемонстрировать своим врагам, насколько сурово и неотвратно его возмездие! Эльджигитай-нойон, племянник Чингис-хана и отец Аргасуна, успел покинуть курултай и бежать в Малую Азию, которой управлял по воле Гуюка. Но возмездие настигло его и там: Хадакан-хурчй, посланец Мунке, действуя по указанию Бату, вместе с его людьми отправился в Бадгис и арестовал скрывавшегося там Эльджигитай. Не очень понятно, почему его судил именно Бату: кажется, между ними никаких личных конфликтов не возникало — если не считать того, что Эльджигитай был отцом Аргасуна. Вероятно, Мунке тем самым признавал, что владения в Азербайджане, Ираке и Малой Азии находятся под контролем Бату, и Эльджигитай, как их даруга, подлежит суду того, кто являлся его непосредственным начальником. А, уж зная отношение Бату к Аргасуну, сомневаться в исходе суда над его отцом не приходилось: племянник Чингис-хана «соединился со своими сыновьями» [Juvaini 1997, p. 590; Рашид ад-Дин 1960, с. 137; Киракос 1976, с. 218].

Так, Бату удалось покончить со всеми теми, кто когда-то смел оскорблять его или бросать ему вызов. Но на этом расправа с недругами не закончилась. И продолжение ее, как

ни странно, имело важные последствия для Руси.

Рейд войск Бату на Русь в 1252 г., который русские летописцы называли «Неврюева рать», весьма неоднозначно трактуется исследователями. Одни историки склонны рассматривать эти события как подавление освободительного движения русского народа против «ордынского плена». Другие — как «предательскую политику» Александра Невского, пошедшего на сговор с монголами ради получения великокняжеского стола [см., напр.: Пашуто 1956, с. 210-211; Лаушкин 2001; ср.: Феннел 1989, с. 147-149; Данилевский 2000, с. 210]. Противоречивой представляется позиция В. А. Кучкина, утверждавшего, что Александр Невский получил великокняжеский Стол по согласованию с братьями, которые... подняли восстание, как только он выехал к Бату для подтверждения своего статуса! [Кучкин 1996, с. 28].

Косвенные указания источников позволяют предположить, что действия великого князя Андрея, Ярославича, вызвавшие «Неврюеву рать», являлись в какой-то степени продолжением заговора Угедэидов против Мунке и Бату, причем на этот раз направленным непосредственно против правителя Улуса Джучи. Дело в том, что Андрей был ставленником Каракорума: ведь великий стол был за ним утвержден еще Гуюком (или Огул-Гаймиш) — в ущерб Бату, прочившему на этот трон старшего из Ярославичей, Александра Невского²³. Последний же, отказавшись прибыть в Монголию по приглашению Туракины-хатун, продемонстрировал нежелание идти на союз с каракорумскими властями, причем папа римский истолковал это как отказ его от любого сотрудничества с монголами [Послание 2002а, с. 265, 267]. Вполне естественно, что Андрей являлся сторонником своих покровителей Угедэидов и, вероятно, поддерживал с ними связь в течение всего своего правления.

Поэтому вряд ли можно считать совпадением, что Андрей Ярославич готовился к столкновению с монголами как раз в то время, когда Угедэиды замыслили свергнуть Мунке. Более того, есть основания полагать, что великий князь рассчитывал на помощь своих единомышленников в Монголии. По сведениям В. Н. Татищева, когда он узнал, что против него выступил его брат Александр с войсками Улуса Джучи, он заявил: «Господи, что будет, если мы будем меж собою браниться и наводить друг на друга татар?» То есть не обвинил Александра в том, что тот «наводит» татар на него, а говорил о «наведении» их «друг на друга», признавая тем самым, что и сам имел возможность опереться на монгольскую помощь. Это вполне естественно: выступить против Бату с одними своими силами Андрей не осмелился бы, а значит, рассчитывал на поддержку извне. И цена его участия в заговоре Угедэидов также была четко определена. Как писал В. Н. Татищев, когда поражение Андрея Ярославича уже стало очевидным, он произнес: «Лучше мне сбежать в чужую землю, нежели дружить и служить татарам» [Татищев 2003, ч. 3, гл. 40; ср.: Соловьев 1988, с. 152; Экземплярский 1998, с. 24]. Видимо, в случае успеха он рассчитывал больше не «служить татарам», то есть не числиться вассалом Монгольской державы. Не это ли стало условием его союза с Угедэидами? Им легко было давать такое обещание, поскольку их интересовала власть исключительно над «Коренным юртом» — Монголией и Китаем, а сюзеренитет над далекой Русью им был совсем не нужен. Естественно, на таких условиях Андрей Ярославич был готов поддержать потомков Угедэя и к тому же выступить против Бату, который не слишком приветствовал вокняжение Андрея во Владимире.

Выступление Андрея Ярославича было тщательно спланировано: он собрал все свои силы и заручился поддержкой своего брата Ярослава, которого тоже тревожили амбиции Александра Невского. Братья предприняли попытку лишить Последнего его опоры на Руси:

²³ В. Л. Егоров полагает, что полученный Александром Невским в Каракоруме Киевский великий стол был выше Владимирского, и из этого делает вывод, что Каракорум находился в тот период времени в дружбе и союзе с Батьем [Егоров 1997, с. 49]. Как мы имели возможность убедиться, говорить о дружбе Бату с Каракорумом в период правления Гуюка нет никаких оснований.

Ярослав захватил личный город Александра — Переяславль-Залесский, в котором сам и обосновался, даже перевезя туда свое семейство. Андрей стягивал войска туда же, кроме того, он отправил гонцов к Даниилу Галицкому, на дочери которого был женат, предлагая совместно выступить против монголов.

Бату отреагировал на действия мятежного вассала очень вперативно. Ему уже давно было известно о «подрывной деятельности» великого князя, благо его постоянно об этом информировал сам Александр Невский: то Андрей заключил с южнорусскими князьями союз, то не полностью выплатил ордынский выход» [Татищев 2003, ч. 3, гл. 40]²⁴. Наконец, видимо уже зная о крахе заговора Ширэмуна, Александр предпринял более активные действия: он прямо обвинил младшего брата в том, что тот незаконно захватил великий стол, не будучи старшим в роду. Его обвинение пало на подготовленную почву: Бату был нужен только повод, чтобы заменить ставленника Гуюка и Огул-Гаймиш собственным протеем. Лучшего повода и не требовалось: его подал сам Андрей, собрав войска и выступив против Бату и Александра. Правитель Улуса Джучи приказал своему сыну Сартаку, удел которого как раз граничил с Русью, собирать войска, и вскоре армия под командованием «царевича» Неврюя²⁵, Котьяк-нойона и Алабуги-багатура, выступила на Русь. Выступивший им навстречу Андрей, так и не получив помощи, обещанной его монгольскими союзниками, не осмелился встретиться с войсками Бату в открытом бою и бежал к Переяславлю, где укрепился его брат Ярослав. 24 июня 1252 г. произошло ожесточенное сражение, в котором Андрей Ярославич был полностью разгромлен. Ему пришлось бежать сначала в Новгород, а затем в Скандинавию, где он пребывал вплоть до смерти Бату: вероятно, Андрею стало известно о судьбе врагов наследника Джучи, которых не спасало даже происхождение от Чингис-хана, и он отнюдь не желал ее разделить. Согласно Рогожскому летописцу, Андрей Ярославич вскоре был убит во время войны шведов с чудью, но эти сведения не подтверждаются другими источниками: в них Андрей упоминается среди князей, приезжавших в Орду к преемникам Бату [Рогожский летописец 2000, с. 44; ср.: Приселков 2002, с. 324].

Войска Неврюя не ограничились разгромом мятежного князя: они взяли штурмом и жестоко разорили Переяславль, в котором убили даже семью князя Ярослава Ярославича. Александр Невский не мог, а может быть, и не пожелал им помешать. Но даже ущерб от «союзных» войск не мог умалить торжество Александра: наконец-то он по праву и старшего, и сильнейшего занял великокняжеский стол.

§ 25. «Ханский отец»

*И каждый властитель душой сокрушен,
Величием Нушинравана сражен.
Бессильные в противоборство вступить.
Готовы, смиряясь, дань и подать платить.*
Фирдоуси. Шахнаме

²⁴ Сведения Татищева о «жалобах» Александра Невского, которые, как считается, были взяты из не дошедшего до нас летопис-Дого источника, сегодня вызывают критику исследователей, пола-Лающих, что на самом деле это — домысел самого историка [см. напр.: Горский 2001 а, с. 58].

²⁵ Титул «царевич» указывает на принадлежность Неврюя к роду Борджигин, но Чингизида с таким именем мы не знаем. Поэтому остается предположить, что его имя до неузнаваемости искажено летописцами, либо что он мог быть, например, нойоном или даже «зятем» Чингизидов, т. е. «князем», а не «царевичем». Впрочем, последнее маловероятно: как отмечает большинство исследователей, русские летописцы всегда четко проводили разницу между Чингизидами и не-Чингизидами.

Уже после смерти Чагатая, последнего из сыновей Чингисхана в мае 1242 г., Бату формально стал главой рода Борджигин. Формально, потому что фактически ни Туракина-хатун, вдова Угедэя, ни ее сын Гуюк, имевший давние трения с Бату, видимо, не желали воспринимать его в качестве такового. К тому же, став великим ханом, Гуюк мог себе позволить не слишком считаться с Бату, что в конце концов и спровоцировало открытое столкновение между ними, предотвращенное только неожиданной смертью Гуюка.

Тем не менее с 1242 г. статус Бату существенно изменился. Как старший из внуков Чингис-хана он получил право на почетную приставку «ака», что буквально означало «старший брат», а по сути — старшинство в семействе, поскольку так называли его все остальные Чингизиды [Juvaini 1997, p. 557; Рашид ад-Дин 1960, с. 129]. Сохранив власть над Улусом Джучи, Бату после смерти Чагатая унаследовал и пост правителя барунгара — западного крыла. Правда, и отличие от своего отца Джучи, поначалу он так и не стал фактическим соправителем великого хана. В. В. Трепавлов считает, что Бату и Гуюк в 1246-1248 гг. были соправителями [Трепавлов 1993, с. 78-79], однако источники позволяют сделать вывод, что наследник Джучи являлся лишь первым среди подчиненных великому хану улусных правителей, но никак не равным ему.

В период междуцарствия 1248-1251 гг. Бату стал самым могущественным человеком в Монгольской державе. Это вполне определенно следует из слов Киракоса Гандзакеци: «Русудан... послала послов к... Бату... предлагая признать свою зависимость от него, поскольку тот был вторым после хана лицом. И Бату велел ей воссесть в Тифлисе, и татары не стали противодействовать этому, так как в эти дни умер хан» [Киракос 1976, с. 181]. То есть прежде Бату был вторым лицом в державе, но после смерти хана именно к нему перешло первенство до избрания нового государя.

С приходом же к власти положение Бату как главы рода Борджигин стало даже выше, чем самого хагана. «Бату-каан» — называет его Джувеини в одном из разделов своей «Истории завоевателя мира». Переводивший его сочинение английский востоковед Э. Дж. Бойл счел этот титул опиской историка [Juvaini 1997, p. 561, note], но действительно ли это была описка? Другой современник Бату, армянский историк Киракос Гандзакеци, сообщает, что Бату носил «титул ханского отца» (историк использовал византийский титул *Basileopator*) [Киракос 1976, с. 222; Klapproth 1833, p. 174]. Вильгельм де Рубрук также приводит весьма интересную деталь: «Мы направились к востоку прямо к вышеупомянутым горам, и с того времени мы въехали в среду людей Мангу-хана, которые везде пели и рукоплескали пред лицом нашего проводника, так как он был послом Бату. Этот почет они оказывают друг другу взаимно, так что люди Мангу принимают вышеупомянутым способом послов Бату и равным образом люди Бату послов Мангу-хана. Однако люди Бату стоят выше и не исполняют этого так тщательно» [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 123; см. также: Бартольд 1943, с. 50]. Все эти сообщения позволяют предположить, что Бату и в самом деле мог получить от своих родственников титул «старшего над казнами». И следствием приобретения нового статуса стала его абсолютная власть над западными уделами Монгольской державы. Таким образом, к 1251 г., после воцарения в Каракоруме Мунке Бату наконец-то, приобрел статус, сравнимый с тем, которым обладал его отец Джучи при Чингис-хане, а возможно — и более высокий.

В Чагатаевом улусе в том же богатом событиями 650 г. х. (1251) скоропостижно умер Кара-Хулагу, так и не успевший воспользоваться милостью Мунке и вновь принять бразды правления, хотя его дядя и соперник Йису-Мунке был уже смещен и приговорен к смерти. Номинальную власть над Чагатаевым улусом сохранила Эржэнэ-хатун, вдова Кара-Хулагу. Но Мунке направил туда десять туменов своих воинов, которые, соединившись с войсками Кунг-Кыран-огула, обеспечили контроль Мунке и Бату над владениями Чагатаидов [Juvaini 1997, p. 585; Бартольд 1943, с. 50; 1963, с. 560]. А кто такой был Кунг-Кыран? Четвертый сын Орду и несомненный ставленник Бату, поддерживавшего через своего племянника контроль над западной частью Чагатаева улуса. По сообщению персоязычного автора начала XV в. Муин ад-Дина Натанзи, правитель Мавераннахра, Чагатаид Бука-Тимур, пришедший к

власти в 1271 г., «возвратив еще раз к жизни утраченное уложение Бату, определил на свое место, как и было прежде, дела гражданские и государственные» [Киргизы 1973, с. 128]. «Возвратив еще раз к жизни», следовательно, «уложение» Бату (в оригинале использован термин «тура», то есть торе — древнее монгольское право) появилось там впервые после его победы над Чагатаидами.

Кроме того, Бату получил некоторые территории в Чагатаевом улусе в собственное управление: туркменские племена яка, кочевавшие между реками Атрек и Торган еще и XVI в., носили почетное прозвание «саин-хани», поскольку их предки являлись подданными самого Бату [Материалы 1938, с. 45; Рузбихан 1976, с. 112; Туркменистан 1981, с. 60-61]. Под управление Бату, вероятно, так же перешли владения и других Чингизидов, расположенные в Улусе Джучи— включая и владения самого Мунке. Армянский историк Вардан Великий сообщает, что «Сардаху [т. е. Сартаку, старшему сыну Бату. — Р. П.] передал отец власть свою с «совокуплением к тому же владений Мангу-хана». Такое распоряжение землями великого хана было возможно только в случае, если Бату получил на это право от самого Мункэ (Вардан 1861, с. 183).

Уже вскоре после смерти Гуюка, в правление Огул-Гаймыш, Бату стал предпринимать шаги по возвращению власти в вассальных государствах своим протеже из числа местных правителей. После воцарения Мунке эта деятельность увенчалась полным успехом. На Руси, как уже описано выше, утвердился его верный союзник Александр Невский²⁶. Видимо, не случайно в том же году в Рязани вокняжился давнишний «монгольский узник» Олег Ингваревич Красный [Приселков 2002, с. 324; ПСРЛ 1926-1928, с. 450]. Он пробыл в плену пятнадцать лет, что не могло не сказаться на его политике: за время его правления (1252-1258) у правителей Улуса Джучи ни разу не возникало проблем в отношениях с Рязанским княжеством. Таким образом, правителями двух самых крупных княжеств Северо-Восточной Руси стали ставленники Бату.

В Грузии с помощью Бату Давид Нарини, сын царицы Русудан, превратился из наследника своего двоюродного — Давида Улу (как было решено Гуюком) в его соправителя: они фактически поделили между собой Грузию. В Румском султанате Кей-Кавус II при поддержке Бату укрепил свою власть, фактически лишив всех владений своего брата Килич-Арслана IV, которого назначил султаном Гуюк [Шукуров 2001, с. 153-157].

Помимо формального старшинства в семейной иерархии, Бату обладал и огромной харизматической властью: именно он, как старший в роду, стал носителем «*Suu jali*» — той самой родовой харизмы Золотого рода, которая являлась божественным основанием для сохранения трона за потомками Чингис-хана [см.: Скрынникова 1997, с. 118; Романив 2002, с. 87]. «*Suu jali*» являлась важной составляющей власти и авторитета Бату в Монгольской империи только в глазах монголов, исповедовавших культ Неба («Тэнгри»). Бату, прекрасно осознавая это, в течение всей жизни оставался приверженцем этой религии, а к другим относился с безразличием. По отзыву Джувейни, «он был царем, не склоняющимся ни к какой вере или религии: он признавал только веру в Бога и не был слепо предан какой-либо секте или учению» [Juvaini 1997, p. 267]. Большинство других авторов, сообщая о покровительстве Бату мусульманам или, напротив, христианам, ничего не говорят о его собственном вероисповедании, хотя и приводят подобные сведения о многих его родственниках (Сартаке, Берке и др.).

О вероисповедании Бату пишут только два персидских историка, причем их сведения являются взаимоисключающими. Так, Джузджани заявляет, что «некоторые заслуживающие доверия люди рассказывали следующее: Бату втайне сделался мусульманином, но не обнаруживал этого и оказывал последователям ислама полное доверие» [СМИЗО 1941, с.

²⁶ В. Л. Егоров считает, что Александр Невский, заняв Владимирский стол, «забыл» о монголах и совершенно не считался с ними вплоть до 1257-г. [Егоров 1997; с. 52].

15]. Любопытно, что более поздние европейские источники также содержат сведения о том, что Бату принял ислам: «Этот Батый сперва был язычником, но впоследствии, вместе со всеми татарами, принял магометову веру, которой они придерживаются и по сей день» [Меховский 1936, с. 64]. Поддержал эту версию и русский автор Андрей Лызлов XVII в., написавший со ссылкой на итальянского автора второй половины XVI в. Алессандро Гваньини, что «Земи-хен [Саин-хан. — Р. П.]... первый из того народа проклятого Махомета учение прият и распространи» [Лызлов 1990, с. 21]. Между тем А. И. Лызлову следовало воспользоваться отечественными источниками и убедиться, что в них не говорится ничего подобного. Персидский автор Вассаф, современник Рашид ад-Дина, сообщает, что Бату «был веры христианской, а христианство это противно здравому смыслу, но (у него) не было склонности и расположения к одному из религиозных вероисповеданий и учений, и был чужд нетерпимости и хвастовства» [СМИЗО 1941, с.184]. Впрочем, еще В. В. Бартольд сделал вывод, что в сочинении Вассафа смешались образы Бату и его сына Сартака [Бартольд 2002а, с. 499].

§ 26. Батый - законодатель

Я — знак Справедливости, правды закон...

Юсуф Баласагуни. Кудатгу билик

Фактически при Бату начала складываться система права Улуса Джучи, существенно отличавшаяся от правовой системы Монгольской державы.

Новый статус Бату в империи давал ему дополнительные возможности в законодательной сфере, в частности — право издания ярлыков, которым обладали до сих пор только великие ханы. Ни сам Бату прежде, ни его ближайшие преемники подобного права не имели. И вот теперь, после воцарения Мунке, «султанам Рума, Сирии и других стран он жаловал льготные грамоты и ярлыки, и всякий, кто являлся к нему, не возвращался без достижения своей цели» [СМИЗО 1941, с. 15]. Помимо ярлыков — жалованных грамот, Бату также издавал ярлыки, представлявшие собой решения по судебным делам: «начали являться к нему цари и царевичи, князья и купцы — все огорченные тем, что были лишены вотчин своих. И Батый судил по справедливости и возвращал каждому, кто просил, его области и владения, и снабжал специальными грамотами, и никто не смел противиться приказам его» [Киракос 1976, с. 218]. Таким образом, и в судебной сфере над «царями, царевичами и князьями» он приобрел права, фактически равные хаганским: прежде Бату обладал правом суда только над своими виновниками и нойонами, а чтобы разрешить спор тех или иных вассальных государей, ему приходилось отправлять их в Каракорум.

Точно так же он выдавал ярлыки и купцам, покровительствуя коммерции: в этом он следовал традиции своих деда Чингис-хана и дяди Угедэя. Продолжая их торговую логику, Бату нередко выдавал купцам ярлыки и пайцзы, фактически уравнивая их в статусе с государственными чиновниками и посланцами: торговцы получали право на бесплатную смену лошадей и провиант на ямских станциях, освобождались от уплаты тамги и ряда других сборов. Только впоследствии великий хан Мунке, ставивший государственные интересы выше личного обогащения, «это отменил: поскольку торговцы ездят для приобретения денег, какой смысл давать ездить им на почтовых лошадях. И приказал, чтобы они ездили на собственных животных» [Рашид ад-Дин 1960, с. 141].

Не подлежит сомнению, что источники, сообщающие о правовых актах, издаваемых Бату, говорят именно о ярлыках — актах высшей юридической силы, а не просто административных распоряжениях, которые имели право издавать в рамках своей компетенции владетельные Чингизиды, правители областей Монгольской империи. Право издания ярлыков определенно появилось у Бату только после воцарения Мунке. Получив его, наследник Джучи пользовался им весьма широко, что и привело к изменению системы

законодательства в его улусе.

В Монгольской империи главным источником права служила Великая яса Чингис-хана — имперское писаное законодательство, а также ясы его преемников — высшие законы. Действие ясы после Чингис-хана постепенно сходило на нет, и в империи (особенно в период династии Юань и позднее) стало широко применяться новое кодифицированное законодательство — вероятно, под влиянием китайской правовой традиции [ср.: Рязановский 1931, с. 23-24; см. также: Кычанов 1986, с. 7 и след.]. В Улусе Джучи гораздо большее значение, в значительной степени благодаря Бату, приобретали ярлыки.

Унаследовав в целом систему законодательства Монгольской империи, Улус Джучи, соответственно, унаследовали недостатки этой системы. Главным из них был запрет Чингис-хана под страхом смерти отменять или изменять Великую ясу, а принимать новые ясы могли только великие ханы. Бату таковым не являлся, и этот запрет он свято соблюдал. Между тем в Улусе Джучи начинали развиваться новые формы отношений, которые не могли регламентироваться ясами ни Чингис-хана, ни его преемников, поскольку были обусловлены политическими и социально-экономическими особенностями Улуса Джучи — преобладанием мусульманского населения, активной торговлей со странами Европы (в том числе и морской) и другими. Поэтому, получив право издавать ярлыки, Бату сумел ликвидировать возникающие «пробелы» в праве. С помощью ярлыков он в значительной мере корректировал, уточнял и дополнял использовавшееся в Улусе Джучи монгольское имперское законодательство.

Впоследствии эту практику настолько активно продолжили его преемники, что вскоре ханские ярлыки стали основным источником права Улуса Джучи, оттеснив на второй план и торе — обычное право, и ясы — право монгольских хаганов. При этом и на торе, и на ясу Джучиды с пиететом ссылались в своих ярлыках в течение еще нескольких столетий! [см.: Rachewiltz 1993, p. 103; Почекаев 2004а, с. 539-540].

§ 27. Последние годы

*Все не по-нашему свершается кругом,
Недостижима цель в скитании земном.
И в думах горестных сидим на перепутье —
Что поздно мы пришли, что рано мы уйдем.*

Омар Хайям

Поначалу казалось, что в Монгольской державе установилась настоящая идиллия. Мунке заявлял посланцу Людовика IX Вильгельму де Рубруку: «Как солнце распространяет повсюду лучи свои, так повсюду распространяется владычество мое и Бату» [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 138; ср.: Языков 1840, с. 152]. Великий хан всячески демонстрировал свое уважение к Бату и согласовывал с ним любые решения. Так, когда к Мунке прибыл царь Малой Армении Гетум I, хан выдал ему ярлык, а затем потребовал, чтобы царь направил к Бату посла, «чтобы показать ему грамоты и приказ Мангу-хана, дабы и тот написал приказ в соответствии с грамотами [хана]» [Киракос 1976, с. 225; Klaproth 1833, p. 212]. Младший современник событий — армянский втор Давид Багишеци в своей «Истории» сообщает даже, то к Бату приехал сам царь Гетум [Галстян 1962, с. 104]. Аналогичное сообщение встречается и у Вильгельма де Рубрука: «Мангу написал ему так, что если ему угодно что-нибудь прибавить, отнять или изменить, то пусть он это сделает» [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 179-180; ср.: Языков 1840, с. 180]. Тем самым Мунке формально признавал фактический раздел Монгольской державы, в соответствии с которым ее западные владения находились под властью Бату, и решающее слово по поводу этих земель (в число ко-эрых входила и Малая Армения) и интересов их правителей принадлежало наследнику Джучи. Между кузенами сложились настолько дружеские отношения, что Бату, возможно, даже соизволил лично побывать у Мунке в Монголии, забыв о своих «болезнях» [Киракос 1976, с.

218; ср.: Федоров-Давыдов 1992, с. 77].

Однако постепенно в отношениях между Бату и Мунке начала проявляться напряженность, и причины ее коренились в активизации деятельности Мунке по реорганизации управления. Первые его шаги в этой сфере, казалось бы, вовсе не имели целью ослабить власть наследника Джучи, но...

Например, Мунке сохранил пост даруги Хорасана за Аргун-акой, которого утвердил еще Гуюк. И если даже при прежнем великом хане — злейшем противнике Бату! — у Аргуна был везир Шараф ад-Дин из числа ставленников правителя Улуса Джучи, то теперь даже речи не заходило о том, чтобы Бату направил в Хорасан своего полномочного представителя. Аналогичным образом, после казни Эльджи-гитая Мунке вернул пост правителя «Четвертого климата» (так в персидских источниках именуется Кавказ и Передняя Азия) Байджу-нойону — давнему сопернику Бату в борьбе за власть над этими областями. Стремление Мунке уравновесить влияние своего западного соправителя и собственного ставленника в этом регионе проявлялось весьма красноречиво.

Кроме того, как уже отмечалось, Мунке принял решение изъять у торговцев все ярлыки, позволяющие им пользоваться вооруженной охраной и бесплатно менять лошадей на ямских станциях, и запретил выдавать такие ярлыки впредь: отныне купцы должны были нанимать охрану и лошадей за собственный счет [Рашид ад-Дин 1960, с. 141]. Это решение, объясняемое защитой государственных интересов и их торжеством над жадной личной обогащением, нанесло серьезный удар по финансовому состоянию Бату. Он лишился солидного источника дохода — ведь за каждый подобный ярлык в казну правителя Улуса Джучи поступали солидные сборы с лиц, получавших привилегии! Кроме того, узнав о новых условиях путешествий по Монгольской державе, многие купцы просто могли отказаться приезжать, что также влекло убытки для казны Улуса Джучи, а следовательно, самого Бату, который, как можно предполагать, вкладывал собственные средства в торговые предприятия — такая фактика была распространена в Монгольской империи и Золотой Орде в XIII-XIV вв., не брезговали ею и сами великие ханы, в частности, Угедэй [см.: Греков, Якубовский 1998, с. 117-118]. Так что причин недовольства данным решением хагана у Бату было предостаточно.

На рубеже 1252-1253 гг. Мунке по инициативе армянского царя Гетума I затеял поход с целью уничтожить Багдадский халифат и отправил в поход своего брата Хулагу. Великий хан издал ярлык, предписывающий всем улусам Монгольской державы выделить в этот поход по два воина из каждого десятка и направить на помощь Хулагу. Улус Джучи не стал исключением: Бату и его братьям пришлось нести эту повинность наравне с другими. В поход были отправлены царевичи-Джучиды: Кули, сын Орду, Балакан, сын Шибана и Тутар, сын Минг-Кудура, внук Бувала и двоюродный брат Ногая. Эти царевичи должны были двинуться через Кавказ и присоединиться к Хулагу по пути [Бар-Эбрей 1960, с. 75; СМИЗО 1941, с. 99; ср.: Мыськов 2003, с. 56].

По сообщению арабского автора XIV в. ал-Омари, правоверный мусульманин Берке, брат Бату, узнав о планах Мунке и Хулагу, тут же обратился к старшему брату: «Мы звали Менгукана, и чем он воздает нам за это? Тем, что отплачивает нам злом против наших друзей, нарушает на-договоры, презирает нашего клиента и домогается владений халифа, т. е. моего союзника, между которым и мною происходит переписка и существуют узы дружбы. В этом есть нечто гнусное» [СМИЗО 1884, с. 246]. Источники не одержат сведений о причинах противостояния Бату и Хулагу, равно как и о том, в какой форме оно выражалось. Но, по-видимому, Бату дал понять Хулагу, что не слишком приветствует его действия, в результате чего брат великого хана едва ли не три года провел в Мавераннахре под предлогом сбора войск и подготовки припасов и вступил в Иран только после смерти Бату [Juvaini 1997, p. 268; см. также: Бартольд 2002в, с. 148; Малышев 2003]. Возможно, Бату нашел в этом что-то вроде последнего утешения, раз уж не мог открыто отказаться от повиновения ярлыку великого хана!

В 1253 г. на курултае в Монголии было принято решение провести перепись населения

во всех областях империи, чтобы упорядочить систему налогообложения. Не избег этой участи и Улус Джучи. Причем Мунке не только прислал своих собственных монгольских писцов и сборщиков, но и поручил контроль над ними не Бату, а наместнику Хорасана Аргун-аке. Последний был в известной степени противником Бату в борьбе за влияние в Иране, так что Мунке мог быть уверен, что они не придут к компромиссу. Бату, которому на этот раз откровенно давали понять, что ему не доверяют, должен был снести и это оскорбление и подтвердить полномочия Аргуна по переписи и сбору налогов своим собственным распоряжением [Киракос 1976, с. 221].

Впрочем, как можно понять из источников, Бату все еще строил иллюзии по поводу своего высокого статуса и особых отношений с Мунке. Согласно «Юань ши», в 1253 г. он направил в Каракорум своего посла Тобича, которому поручил произвести закупки на сумму 10000 динов серебрян приобрести жемчуг. И что он получил от Мунке? Всего лишь 1000 динов серебра и в придачу довольно резкое нравоучение: «Богатства Тай-цзу (Чингис-хана) и Тай-цзуна (Огодоя)... были растрчены подобным же образом. С какой это стати нужно делать пожалования чжуванам? Ван [Бату] должен обдумать это! И это [пожалование] серебром будет отнесено в счет нынешних и будущих пожалований [ему]!» [Кычанов 2000, с. 155; 2001, с. 40-41; ср.: Бичурин 2005, с. 211]. Как видим, Бату, вместо подарка в знак дружбы и признательности, получил в десять раз меньше того, на что рассчитывал, и то — в счет тех пожалований, которые ему и так причитались как Чингизиду!

Таким образом, в течение нескольких лет Мунке и его фавительство предприняли целую серию действий, которые не были направлены непосредственно против Бату, но шаг за шагом лишали его того особого положения, которое он приобрел, возведя Мунке на трон. Последний вроде бы не старался прямо унижить или оскорбить Бату, но постоянно давал ему понять, что правитель Улуса Джучи — всего лишь один из многих Чингизидов и должен повиноваться великому хану, как и любой другой член рода.

Полагаю, эти решения были приняты не самим Мунке: по-видимому, это действовало окружение хагана. Поначалу в него входили сторонники Угедэидов, не утратившие власти и влияния в империи даже после раскрытия заговора Ширэмуна и последовавших за ним казней и ссылок. Недаром Мунке в начале правления своим официальным наследником сделал Хайду — сына Кашина и внука Угедэя (позднее за участие в заговоре против него он выслал Хайду в Тарбагатай) [см.: Григорьев 1978, с. 24; Караев 1995, с. 20]. Немного позже влияние в Каракоруме приобрела военная клика во главе с Урянктаем, сыном Субэдэй-багатура. Их могущество наиболее ярко проявилось спустя несколько лет, когда Мунке, недовольный политикой своего брата Хубилая и его приближенных-китайцев в завоеванных областях Китая, отстранил брата и поручил командование войсками в этих землях Урянктаю [Бичурин 2005, с. 219-220]. Военачальников не интересовала ни торговля, ни строительство городов, ни экономическое развитие улусов. Главным для них была война, расширение владений Монгольской Державы, для чего постоянно требовались воины, оружие и припасы. И не удивительно, что они вступали в конфронтацию с теми деятелями, которые настаивали на прекращении завоеваний и восстановлении хозяйства в уже завоеванных областях. Самым влиятельным представителем второго направления являлся Бату, и поскольку его положение было выше других, нападки из центра воспринимались им гораздо болезненнее, чем другими.

Как раз в это время Бату получил очень тяжелый и неожиданный удар с востока своего улуса: пришла весть о смерти его брата и верного сподвижника Орду. Исследователи склонны относить смерть Орду к 1251 г. [см., напр.: Кляшторный, Султанов 2004, с. 310], однако Рашид ад-Дин, например, сообщает, что он отправил своего сына Кули в помощь Хулагу, а последний выступил в свой поход не ранее 1252/1253 г.

Выше уже приводилось сообщение Утемиш-хаджи о смерти Орду в результате мятежа в его владениях. Не исключено, что Бату пришлось собственной персоной отправиться во взбунтовавшиеся районы, чтобы навести там порядок. Наследник Джучи восстановил спокойствие в «коренном юрте» своего отца и передал власть над ним Кунг-Кырану —

четвертому сыну Орду, который, как мы уже отметили выше, примерно в это же время сосредоточил в своих руках контроль над частью Чагатаева улуса [Рашид ад-Дин 1960, с. 70]. Таким образом, в эти годы восточные дела отнимали у Батыя довольно много времени, и он, видимо, был вынужден часто покидать Поволжье, почти полностью передав ведение западных дел в руки старшего сына — Сартака. Русские летописи, повествуя о событиях конца 1240-х - начала 1250-х гг., даже сообщают о смерти Бату и правлении Сартака [ПСРЛ 1926-1928, с. 471 и след.; см. также: Бартольд 2002а, с. 499].

Именно в это время активизировал свою антимонгольскую политику Даниил Галицкий. Правитель Галицко-Волынской Руси очень благоразумно не поддержал своего зятя Андрея Ярославича в его аванюре в 1252 г., понимая, что Бату находился в тот момент на пике своего могущества и выступление против него было просто обречено на провал. Зато немного позднее Даниил выбрал удобное время, чтобы отомстить за унижения, которые, как он считал, ему пришлось претерпеть некогда в ставке Бату. В течение нескольких лет Даниил укреплял свои города и пограничные крепости, вооружал войска и, наконец, перешел к решительным действиям. В 1253-1255 гг. он без согласования с монгольскими властями принимал активное участие в войнах государей Центральной Европы — польских междоусобицах, помогал венграм в войне с немцами. А в 1255 г. допустил вовсе неслыханное нарушение вассалитета: в Дрогичине состоялась коронация Даниила по западноевропейскому обряду — он стал королем Малой Руси [ПСРЛ 1908, с. 827]. В ответ на это Бату (а возможно, его сын Сартак) в тот же год направил войска баскака Курумиши во владения Даниила. Поначалу действия монголов были даже успешны. Воспользовавшись войной Даниила с ятвягами, монголы беспрепятственно вступили в те земли, которые находились под совместной юрисдикцией Бату и Даниила. На их сторону перешел наместник Бакоты Милей, а воевода Кременца Андрей, прежде неоднократно принимавший то сторону Даниила, то сторону монголов, был казнен по приказу баскака. Надо думать, основания для расправы с кременецким воеводой имелись вполне серьезные, ибо ему не помогла выпутаться даже «Батыева грамота», на которую он ссылался [ПСРЛ 1908, с. 827-829]²⁷.

Но на этом успехи Курумиши и закончились. Даниил не готовился к противостоянию: не прекращая войны с ятвягами, он отправил против монголов и их союзников своего сына Льва, который взял в плен Милея. Казнь Андрея Кременецкого также ничего не дала наместнику Бату: захватить Кременец ему так и не удалось. Тогда монголы решили прибегнуть к крайнему средству, выдвинув в противовес Даниилу другого претендента на Галицкий стол. Смоленский княжич Изяслав Мстиславич был готов выступить против Романовичей и требовал себе военной поддержки. Курумиши, однако, довольно трезво оценил расклад сил и ответил: «како идеси на Галичъ, а Данйло князь лють естъ; оже отъимет ти животь, то кто тя избавить?» Изяслав все же решил действовать на свой страх и риск, видимо, понадеявшись на галицкое боярство, все еще находившееся в оппозиции Даниилу. Но его надежды не сбылись: галицкий князь даже не удостоил его чести лично встретиться в бою — против Изяслава был отправлен второй сын Даниила, Роман, а сам князь демонстративно отправился на охоту, во время которой убил шесть вепрей! Изяславу, кажется, даже удалось войти в Галич, но Роман Даниилович его тут же выгнал, разгромил и пленил [ПСРЛ 1908, с. 829; см. также: История УССР 1982, с. 26]. Таким образом, Курумиши, начав боевые действия, но не рискнув ввязываться в длительный вооруженный конфликт с Даниилом, оказал своему повелителю весьма дурную услугу: Даниил убедился, что могущество монголов в Западной Руси было не таким значительным, как представлялось прежде, и вскоре начал действовать еще более решительно, постепенно вытесняя монголов из Познисья.

²⁷ В. В. Григорьев считает этого Андрея «венгерским королевичем» [Григорьев 1876, с. 176]. Никаких основания для подобного отождествления нет, поскольку брат короля Белы IV, одно время правивший Галичем, умер еще в 1234 г. [ПСРЛ 1908, с. 771].

В то время как Даниил успешно строил независимое от монголов государство в Юго-Западной Руси, Бату столкнулся с проблемами и на другом западном пограничье своих владений — в Сельджукском султанате. После победы Бату и Мунке над Угедэидами в Руме воцарился Изз ад-Дин Кей-Кавус II — старший сын и законный наследник Рукн ад-Дина Кей-Хосрова II, вслед за отцом признавший сюзеренитет правителя Улуса Джучи. Попытки нойона Байджу противопоставить ему его младшего брата Рукн ад-Дина Килич-Арслана IV были успешно пресечены Бату еще в эпоху регентства Огул-Гаймиш, и на какое-то время в Малой Азии установилось спокойствие. Но после воцарения Мунке Байджу вернул свой пост правителя Передней Азии и теперь, ободренный поддержкой из Каракорума вновь начал строить козни Бату, стремясь ослабить его влияние. В этом ему большую поддержку оказывали глава гражданской монгольской администрации в Сельджукском султанате Тадж ад-Дин Хорасани и быстро возвышавшийся сельджукский вельможа Муин ад-Дин Перване, женатый на султанской сестре. При их поддержке Килич-Арслан IV вновь начал смуту в ултанате, всячески стремясь свергнуть брата [см.: Фиш 1972, с. 276-279].

Авторитет Бату в Малой Азии, однако, по-прежнему был весьма велик, и братья, чтобы уладить свои разногласия, в 1254 г. отправились к нему на суд. При этом расклад сил несколько изменился: с ними вместе выехал третий сын Кей-Хосрова II — Ала ад-Дин (принявший султанское имя Кей-Кубад III), который также метил в соправители. Братья, по-видимому, неплохо представляли себе характер Бату: чтобы принять компромиссное решение и примирить противоборствующие стороны, он вполне мог утвердить на престоле младшего брата в ущерб старшим. В результате старшие сыновья Кей-Хосрова II нашли общий язык на почве ненависти к младшему и убили его по дороге. Бату ничего не оставалось, как сохранить существующее положение: Кей-Кавус II остался правителем западных земель султаната, Килич-Арслан IV — восточных. Как и следовало оживать, таким решением остались недовольны все. Конфликт между братьями приобрел вооруженный характер, и вскоре Кей-Кавус, ставленник Бату, напал на брата, захватил его в плен и бросил в крепость Буруглу. Не удовлетворившись своим триумфом, он постарался нанести удар и Байджу, отправив к Бату послание, в котором сообщил, что «послы Байджу-нойона и других нойонов слишком часто являлись в Рум, и каждый год бесчисленные средства уходили на их нужды». Бату, довольный победой своего протеже, принял его посланников очень ласково и, видимо, предпринял какие-то действия против Байджу, заставив его ограничить контроль над сельджуками. Когда посланцы султана явились к даруге с распоряжениями наследника Джучи, Байджу недвусмысленно заявил им: «Несомненно, мой убыток принесет вам злополучие», намекая на скорые ответные меры со своей стороны [Шукуров 2001, с. 155-156].

Однако эти пограничные волнения и мятежи тревожили Бату далеко не так сильно, как ухудшение отношений со ставкой хагана. Несомненно, он уже понял, насколько крупный просчет допустил, когда позволил своим представителям на курултае — Берке и Туга-Тимуру (или Сартаку?) так скоро покинуть Каракорум, уступив контроль над политикой Монгольской державы своим восточным родичам и военной клике. Но приходилось подчиняться всем решениям великого хана — даже тем, которые уменьшали влияние Бату! Иначе, какой пример подавал бы глава Золотого рода остальным, отказавшись повиноваться хагану, которого он сам же возвел на престол?!

По его приказу в 1255 г. Сартак отправился в Каракорум. Возможно, существовала официальная причина его поездки — какое-то поручение отца (возможно, представлять Улус Джучи на очередном курултае, созванном Мунке). Но полагаю, что фактически он поехал в столицу Монгольской империи с целью восстановления пошатнувшегося авторитета Бату. Видимо, наследник Джучи надеялся, что сын, не очень-то удачно проявивший себя при попытке сохранить контроль над Юго-Западной Русью, сможет добиться больших успехов при дворе великого хана.

Стоит обратить внимание, что ни один источник не сообщает о намерении Бату утвердить Сартака своим наследником, хотя, по мнению исследователей, именно с такой

целью Бату отправил сына к Мунке [Сафаргалиев 1996, с. 316; Мухамадиев 2005, с. 106; ср.: Мыськов 2003, с. 52]. Вообще, за всю историю Улуса Джучи было всего несколько случаев перехода власти непосредственно от отца к сыну, и то все они являются исключением, подтверждающим отсутствие такого порядка наследования: Тинибек, наследовавший Узбеку в 1341 г., вскоре был убит своим братом Джанибеком; преемником последнего в 1357 г. стал его сын Бердибек, но он пришел к власти, устранив отца (возможно, как раз из-за того, что тот не хотел назначить его наследником); Махмуд, сын Кичи-Мухаммада, наследовал отцу в его владениях в 1459 г., но не признавался верховным правителем Дешт-и Кипчака — таковым являлся правитель Большой Орды Сеид-Ахмед, из другой ветви Джучидов; наконец, «Ахматовы дети» Шейх-Ахмед, Сеид-Ахмед, Сеид-Махмуд и Муртаза тоже пришли к власти после гибели их отца в 1481 г., но были вынуждены разделить власть на четверых, да и их владения уже с большой натяжкой можно было считать «Золотой Ордой»...

Итак, Сартак прибыл в Каракорум, и ему действительно вскоре удалось расположить к себе великого хана, но это не имело никакого значения, ибо очень скоро в столицу пришло известие о смерти правителя Улуса Джучи [Juvaini 1997, p. 268]. Думаю, и сообщение Джузджани о том, что «Сартак (этот) из страны Кипчакской и Саксинской отправился ко двору Менгу-хана, чтобы по милости Менгу-хана сесть на место отца (своего) Бату» [СМИЗО 1941, с. 16], следует понимать так, что Сартак, прибыв в Каракорум, узнал о смерти отца и после этого был назначен его преемником.

§ 28. Смерть Батыея: мифы и факты

*Хоть сотню проживи, хоть десять сотен лет,
Придется все-таки покинуть этот свет,
Будь падишахом ты иль нищим на базаре, —
Цена тебе одна: для смерти санов нет.*

Омар Хайям

Конечно, смерть столь могущественного правителя просто должна была породить слухи и легенды. И они появились, причем исходили не от восточных историков, прославлявших наследника Джучи, а от его злостных хулителей — авторов русских летописей и иных сочинений. Наиболее широкое распространение получила так называемая «Повесть об убиении Батыея».

Согласно ее содержанию, Бату «достиге... до самага великаго Варадина града Угорскато», когда в Венгрии правил «самодержец тоя земли краль Власлов». В то время как «окаяннейший царь Батый пришедь в землю, грады разрушая и люди Божия погубляя», и «Краль же Владиславъ сия видевь, и тако сугубый плачь и рыдание приложив, начать Бога молити», «сестра его помогаше Батыею». Благочестивый король Владислав сумел снискать божественную поддержку, обрел чудесного коня и секиру и «на кони сидя и секиру в руке держа, ею же Батыея уби» вместе со своей сестрой-изменницей [Горский 20016, с. 218-221].

«Повесть» неоднократно привлекала внимание исследователей [см.: Розанов 1916; Halperin 1983; Ульянов 1999; Горский 20016], и на сегодняшний день установлено, что она не только создана гораздо позже эпохи Бату, но и вообще является политическим, а не историческим произведением.

Тем не менее основой «Повести» послужили события, зафиксированные в исторических источниках!

Поскольку Бату во время своего похода в Венгрию даже не подходил к Варадину (город был взят и разрушен Каданом, сыном Угедэя) и, кроме того, в Венгрии в тот период правил король Бела IV, а не Владислав, по мнению исследователей, это произведение отразило неудачный поход в Венгрию хана Тула-Буги, правнука Бату, в 1285 г., когда монгольские войска и в самом деле понесли серьезные потери и фактически потерпели поражение [Вернадский 2000, с. 187; Веселовский 1922, с. 30-37; Горский 20016, с. 198]. К

тому же в это время в Венгрии правил король Владислав (Ласло) IV (1272-1290)...

Но в любом случае «Повесть» являлась вовсе не рассказом об историческом событии, а политическим памфлетом, созданным между 1440-ми и 1470-ми годами. Это был заказ московских государей, готовившихся к борьбе с ослабевающей Золотой Ордой и желавших показать своим подданным, что ордынцы не столь уж непобедимы. Авторство «Повести» приписывается Пахомию Сербу (Логофету), составителю «Русского Хронографа» [Лурье 1997, с. 114; Горский = 20016, с. 205-212]. Политическая и идеологическая заданность произведения позволяет объяснить многочисленные ссылки на божий промысел, апелляции к православным святым. Так, например, героем «Повести» является балканский святитель XII в. Савва Сербский, а в образе короля Владислава — победителя язычников угадывается не столько Владислав IV (который имел прозвище «Кун», то есть «Половец», и под конец жизни сам склонился к отречению от христианства [см., напр.: Плетнева 1990, с. 180]), сколько Владислав I (1077-1095), имевший прозвище «Святой». Это позволяет сделать вывод, что при составлении «Повести», несомненно, были использованы материалы более древних центральноевропейских преданий [Горский 20016, с. 197-199].

Московским государям было очень важно перед решающей схваткой с Ордой (кульминацией которой стало «стояние на Угре» в 1480 г.) обосновать законность своего выступления против бывшего сюзерена, и они всеми силами старались дискредитировать ордынских «царей» в глазах своих подданных, подорвать веру в законность их правления с самого начала. Так, русские идеологи не пощадили даже память Джучи, вообще не имевшего никакого отношения к завоеванию Руси или установлению зависимости ее от монголов: «Сего убо мучительнаго народа оный царь Егухан... бяше поганий идолопоклонник,, окаянный свою душу извергши, сниде во ад» [Лызлов 1990, с. 21].

Отсюда — и противопоставление православной Руси мусульманской Орде, причем летописцы XV-XVI вв., а вслед за ними и более поздние авторы стали утверждать, что Бату «первый из того народа проклятаго Махомета учение прият и распространи» [Лызлов 1990, с. 21]. Более того, архиепископ Вассиан в своем послании Ивану III на Угру говорит про «окаянного Батыя, который пришел по-разбойничьи и захватил всю землю нашу, и поработил, и воцарился над нами, хотя он и не царь и не из царского рода» [ПЛДР 1982, с. 531]. Таким образом, «Повесть об убиении Батыя» очень четко вписывается в антиордынскую идеологическую кампанию, проводившуюся на Руси во второй половине XV в.: ордынские ханы, начиная с их родоначальника Бату, обвинялись в незаконном захвате власти, принятии «проклятой» веры, да еще и были представлены весьма неудачливыми воителями, которых побеждали христианские монархи, сражавшиеся за истинную веру. Не случайно и то, что летописцы вставляли «Повесть» сразу же после «Сказания об убиении Михаила Черниговского»: так они проводили идею о скором и неотвратимом возмездии язычнику-Бату за убийство князя, погибшего за православную веру [ср.: Горский 20016 с. 211].

С сюжетом «Повести» во многом перекликается «Слово Меркурии Смоленском» — еще одно произведение, созданный на рубеже XV-XVI вв. В нем также повествуется о нашествии Бату на Русь, то есть дается вполне реальный исторический контекст; но сюжет о приходе Бату «с великою ратью под богоспасаемый город Смоленск» можно считать исторически достоверным с большой оговоркой: возможно, весной 1238 г. один из монгольских отрядов и вступил в пределы Смоленского княжества, но сам Смоленск при нашествии не пострадал. Смоленское княжество было единственным, которое, кажется, вообще не подвергалось набегам монголов ни во время походов Бату, ни при его преемниках. Единственное нападение ордынских войск на Смоленск фиксируется в летописях под 1340 г. [см. напр.: Московский 2000, с. 235], но и в этот период времени княжество входило в сферу влияния Орды. Соответственно, полностью вымышлен и сюжет «Слова» о гибели Бату: благочестивый житель Смоленска по имени Меркурий, ободренный явившейся к нему богородицей, «достигнув войск злочестивого царя, с помощью божьей и пречистой богородицы истребляя врагов, собирая плененных христиан и отпуская их свой

город, отважно скакал по полкам, как орел в поднебесье летая. Злочестивый же царь, проведав о таком истреблении людей своих, великим страхом и ужасом был охвачен и, отчаявшись в успехе, быстро бежал от города с малой дружиной. И, когда он добрался до Угорской земли, то там злочестивый убит был Стефаном-царем» [ПЛДР 1981, с.205, 207]. Как видим, несмотря на некоторые различия в Еюжете «Слова» и «Повести об убиении Батыя», обстоятельства «гибели» Бату в них очень похожи: он приходит в Венгрию, где и гибнет от рук местного короля Владислава («Повесть») или Стефана («Слово»). Несомненно, это сходство следует объяснить одинаковой причиной создания «Повести» и «Слова» — политическим заказом русских государей, гремившихся обосновать легитимность борьбы с Золотой Ордой и ее наследниками, а возможно, «Повесть» послужила источником для «Слова».

«Слово о Меркурии Смоленском» является самостоятельным произведением, тогда как «Повесть об убиении Батыя» вошла во многие летописные своды, что дало основание авторам более позднего времени считать ее отражением реальных событий. Так, например, Сигизмунд Герберштейн излагает сюжет «Повести» в «Записках о Московии», отмечая, что «так повествуют летописи» [Герберштейн 1988, с. 165-166], некоторые же современные авторы вообще склонны принимать ее за непреложную истину. Например, В. И. Демин пишет: «Существует даже предание, никем аргументированно не опровергнутое (sic! — Р. П.), о гибели Батыя... при осаде венгерского города» [Демин 2001, с. 212-213]. Наиболее курьезную, на мой взгляд, версию смерти Бату предлагает современный российский военный историк А. В. Шишов: «1255 год принес великому князю Александру Ярославичу Невскому хорошее во всех отношениях известие из Сарая. Хан Батый был зарублен во время завоевательного похода в Угорскую землю». Интересно, что дата смерти Бату (1255 г.), отмеченная в ряде источников, накладывается г-ном Шишовым на легендарное сообщение об «убиении Батыя» в Венгрии, причем сам автор под «Угорской землей» имеет в виду территории, населенные финно-угорскими племенами! [Шишов 1999, с. 261].

Любопытно, что кончина Бату не послужила основой для создания мифов и легенд на Востоке. Мусульманские историки, в отличие от русских и западноевропейских, не пытались как-то приукрасить (или тем более представить в невыгодном свете) обстоятельства смерти наследника Джучи. Ни у Джувейни, ни у Рашид ад-Дина, оставивших, пожалуй, самые подробные (по сравнению с другими) сведения о Бату, мы не находим ни слова об обстоятельствах и причинах его смерти: они сообщают о ней просто как о свершившемся факте [Juvaini 1997, p. 268; Рашид ад-Дин 1960, с. 81]. Аналогичным образом сообщают о его смерти другие рабские, персидские, тюркские, армянские авторы.

Косвенные сведения позволяют сделать вывод, что на самом деле истинная причина смерти Бату была весьма прозаичной: он умер от какой-то ревматической болезни. Болезнь эта была распространена среди Чингизидов, в чьих жилах текла кровь представительниц племени кунграт: «получившая известность болезнь ног племени кунграт обусловлена тем, что оно, не сговорившись с другими, вышло из ущелья прежде всех и бесстрашно пошло ногами их огни и очаги; по этой причине племя кунграт удручено» [Рашид ад-Дин 1952а, с. 154]. Бату, сын кунгратки Уки-хатун, неоднократно жаловался на боли в суставах и онемение ног. Например, Рашид ад-Дин пишет, что «Бату... уклонился от участия в курилтае, сославшись на слабое здоровье и на болезнь ног» (хотя, вполне вероятно, что когда Бату приводил такие отговорки, чтобы не ехать на курултай, возможно, его болезнь не была еще столь тяжелой, поскольку он, заявляя на словах о своих мучениях, на деле проявлял чудеса активности). Персидский автор XVI в. Гаффари также сообщает, что «у Бату в 639 г. появилась слабость членов и в 650 г. он умер» [Рашид ад-Дин 1960, с. 118; СМЗСО 1941, с. 210]. Отметим, что на опухание ног жаловался и его дядя Угедэй, сын Борте-хатун — также представительницы племени кунграт. Вильгельм де Рубрук, видевший Бату в последние годы его жизни, сообщает, что «лицо Бату было тогда покрыто красноватыми пятнами» [Вильгельм де Рубрук 1997, с. 117; Языков 1840, с. 141], что также является одним из симптомов ревматического заболевания.

Бату был погребен в соответствии с древними степными традициями. Джузджани сообщает: «Похоронили его по обряду монгольскому. У этого народа принято, что если кто из них умирает, то под землей устраивают место вроде дома или ниши, сообразно сану того проклятого, который отправился в преисподнюю. Место это украшают ложем, ковром, сосудами и множеством вещей; там же хоронят его с оружием его и со всем его имуществом. Хоронят с ним в этом месте и некоторых жен и слуг его, да (того) человека, которого он любил более всех. Затем ночью зарывают это место и до тех пор гоняют лошадей над поверхностью могилы, пока не останется ни малейшего признака того места (погребения)» [СМИЗО 1941, с. 16]. Вероятно, так же были похоронены и другие родичи Бату, не принявшие ни ислама, ни буддизма.

Часть пятая ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЖИЗНИ

§ 29. «Батый забытый», или Почему источники молчат о Батые?

All truths are not be told
Английская пословица

Сообщения о Бату встречаются в большинстве сочинений, повествующих о событиях первой половины XIII в., а особенно — о монгольских завоеваниях. Наследник Джучи нередко упоминается мимоходом, но тем не менее источники достаточно четко фиксируют факт участия Бату в западном походе и предводительство им.

Однако правил без исключений не бывает — имеются источники, содержащие сведения о событиях эпохи Бату, деяниях монголов и, в частности, их походе на Европу, но не упоминающие имени наследника Джучи. Подобное отсутствие сведений о наследнике Джучи было бы вполне объяснимо, если бы он являлся одним из «служилых» Чингизидов — многочисленных потомков Чингис-хана, обладавших небольшим уделом или просто командовавших отрядами и не сыгравших заметной роли в истории. Или если бы он был «халифом на час», заняв место отца на короткий срок, а затем умер бы, так и не успев совершить ничего значительного. Но ведь Бату являлся одним из крупнейших деятелей Монгольской империи и в течение двух десятилетий влиял на политику многих азиатских и европейских государств! Да и на троне Улуса Джучи он находился не год и не два, а целых 29 лет. Следовательно, молчание о Бату объясняется вовсе не небрежностью или незнанием авторами документов или исторических сочинений, а чем-то другим. Но чем именно?

Довольно просто можно объяснить отсутствие сведений о Бату в византийских хрониках, содержащих сообщения о деяниях монголов в XIII в. — «Истории» Георгия Акрополита, «Истории о Михаиле и Андронике Палеологах» Георгия Пахимера и «Римской истории» Никифора Григоры. В византийской историографии вообще очень редко упоминаются имена «варварских» правителей, если последние не имели прямого отношения к Византии и ее монархам: еще Константин Багрянородный в своем сочинении «Об управлении империей» рекомендовал сыну оценивать каждый иноплеменный народ «в чем может быть полезен ромеям, а в чем вреден» [Константин Багрянородный 1991, с. 33].

Не слишком изменились взгляды византийских историков и спустя несколько столетий. Георгий Акрополит сообщает просто о «тахарах», не называя их предводителей [Акрополит 2005, с. 72 и след.], писавший в начале XIV в. Георгий Пахимер (1242-1310) упоминает поименно в своем сочинении только тех монгольских правителей, которые имели контакты с константинопольским двором и даже роднились с императорами, — Ногая, Хулагу, Абагу, Газана... Остальные же для Пахимера — просто «тохарцы», представлявшие собой в его

глазах безликую толпу. И Бату в сочинении Пахимера лишь угадывается в числе «начальников своего народа, носивших название ханов», которые послали Ногай с берегов Каспия в Причерноморье [Пахимер 1862, с. 315; ср.: Коробейников 2001, с. 428-430]. Весьма любопытно представлена информация о деяниях Бату в сочинении Никифора Григоры (1295-1360): «Между тем, по смерти их правителя Чингисхана, его два сына, Халай и Телепуга, разделяют между собою власть над войсками. И Халай, оставив к северу Каспийское море и реку Яксарт, которая, вырываясь из скифских гор, широкая и глубокая, несетя чрез Согдиану и вливает свои воды в Каспийское море, — спускается вниз по нижней Азии. Но речь об этом мы оставляем пока, потому что наше внимание отвлекает Европа. Другой из сыновей Чингисхана, Телепуга, положив границами своей власти на юге вершины Кавказа и берега Каспийского моря, идет чрез землю массагетов и савроматов, и покоряет всю ее и все земли, которые населяют народы по Меотиде и Танаису. Потом, простершись за истоки Танаиса, с большою силою вторгается в земли европейских народов» [Григора 1862, с. 33]. Византийский историк, в своем презрении к варварам, даже не удосужился уточнить имена монгольских вождей, поэтому приходится угадывать, о ком же все-таки идет речь в его повествовании. «Халая» можно с определенной уверенностью отождествить с Хулагу. Что же касается сумбурного рассказа о монгольском походе на Европу, то в нем смешались сведения о западном походе Бату в 1240-х гг. и набегах его правнука Тула-Буги («Телепуга») на Польшу и Венгрию в 1280-х гг. Византийские интеллектуалы стремились дать целостную философскую картину мира, в которой «свой мир» представлен как центр вселенной и потому достоин подробного описания, а отдаленные территории представлены достаточно схематично. Естественно, при таком подходе личности каких-то степных вождей не представляли интереса и потому чаще всего упоминались мимоходом [Бибииков 1997, с. 89].

Подобными соображениями можно объяснить отсутствие сведений о наследнике Джучи и в ряде западноевропейских сочинений. Например, имя Бату отсутствует в рассказе о путешествии Иоанна де Плано Карпини в «Хронике» Салимбене де Адама (XIII в.); в приведенном им письме великого хана Гуюка к папе римскому упомянуты имена только «Чингисхана», «Охой-хана» и «Куюх-хана» [Салимбене 2004, с. 225-229]. Не встречаем мы имени Бату и в «Новой хронике» флорентийца Джованни Виллани (ок. 1284-1348), который целую главу своей хроники посвящает завоеванию монголами Венгрии и попытке их вторжения в Германию. Несомненно, в рамках глобальной картины мировой истории, которую он создавал, имя монгольского предводителя не имело особого значения. Из монгольских правителей у Виллани упомянут только «Кангиз» (Чингис-хан) и то потому, что флорентиец пользовался при описании деяний монголов хроникой Хайтона Армянского, да еще сослался на книгу Марко Поло [Виллани 1997, с. 124-125].

Гораздо более загадочным выглядит отсутствие сведений о Бату в сообщениях непосредственных участников событий, связанных с его западным походом.

Один из самых первых источников по истории похода на Запад — донесения венгерского доминиканца Юлиана, на которые мы уже неоднократно ссылались выше. Ни в первом из них, составленном со слов Юлиана братом Рихардом ок. 1235 г., ни во втором, которое составил сам брат Юлиан в 1237 г., нет ни слова о Бату, хотя доминиканец достаточно подробно сообщает о планах монголов по вторжению в Германию, об их военных действиях против болгар и мордвы и о сосредоточении монгольских войск у русских границ, причем с подробной диспозицией — где какая часть войск располагается и против кого намерена действовать. Но ни одного имени монгольских военачальников не упомянуто. Поименно Юлианом названы только «тот первый вождь, по имени Гургута, который начал эту войну» и «его сын Хан», который «живет в большом городе Орнах», то есть Чингис-хан и Угедэй [Юлиан 1996, с. 28]. Конечно, сам Юлиан не имел возможности увидеть Бату или кого-либо из его приближенных, но почему, находясь в его владениях, он ни разу не слышал его имени? Почему, говоря о походе монголов, он ни разу не упомянул имени верховного главнокомандующего? Допустим, во время составления первого

донесения Юлиана, в 1235 г. предводитель монгольских войск еще не определился, но второе письмо относится уже ко времени весьма активных военных действий, в которых Бату играл значительную, можно сказать — ведущую роль. Предположим, что имена предводителей похода могли считаться в тот момент «закрытой информацией», но это противоречит чуть более поздним источникам. Например, русским летописцам или Рогерию, описывавшим события 1240-1242 гг., имена предводителей монгольских войск уже были хорошо известны.

Не меньшее недоумение вызывает отсутствие сведений Бату в нескольких документах, составленных непосредственно во время вторжения монголов в Европу. В первом из них — письме магистра ордена тамплиеров во Франции Понса де Обона французскому королю Людовику IX (ок. 1242 г.) — достаточно подробно описаны детали монгольского вторжения в Польшу, включая битву при Лигнице и гибель великопольского князя Генриха Благочестивого. Как известно, Понс де Обон не являлся очевидцем этих событий и излагает их, «...как мы их слышали от братьев наших из Полонии, пришедших в капитул» [Савченко 1919, с. 2]. Учитывая это и то, что самого Бату в Польше не было, отсутствие упоминаний о нем вполне объяснимо, хотя и непонятно, почему в таком случае не упомянуты имена Орду и Байдара, командовавших монгольскими войсками в Польше.

Не упомянут Бату и в послании германскому королю Конраду IV, направленном в 1241 г. венгерским королем Белой IV, против которого Бату сражался у Шайо. Почему? Ведь Бату еще до сражения неоднократно направлял Беле послания — и великого хана, и свои собственные. Возможное объяснение отсутствия сведений о Бату в королевском послании позволяет найти его текст: «Ибо Он, по чьему приказанию управляется мир, из-за грехов людских, как мы твердо верим, допустил, что свирепые народы, называющие себя татарами, пришли с востока, как саранча из пустыни, и опустошили Великую Венгрию, Булгарию, Куманию и Россию, а также Польшу и Моравию... А так как мы сопротивлялись не без больших потерь в людях и имуществе, судьба была снова неблагоприятна к нам. Тот, к кому мы забросили якорь нашей надежды, заставил нас, из-за грехов наших, понести поражение» [Goeskenjan 1985]. Как видим, в письме ярко отражены традиционные для западноевропейского общества того времени апокалиптические мотивы, нашествие монголов рассматривалось как кара господня, а их войско сравнивалось с саранчой. Видимо, в глазах европейцев оно представляло собой безликую угрожающую толпу, в которой не имело смысла выявлять отдельных предводителей,

В еще одном документе — письме германского императора Фридриха II Гогенштауфена королю Англии Генриху III Плантагенету, дошедшем до нас в составе «Великой хроники» Матфея Парижского, имя Бату также отсутствует. Император ссылается на информацию, полученную от Стефана II, епископа Вацского, который был отправлен в Германию королем Белой IV. Благодаря сведениям венгерского прелата император сумел весьма подробно описать действия монголов — от разгрома кипчаков («куманов») и русских до вторжения в Польшу и Венгрию. В письме присутствует такая строка: «Однако он имеет повелителя, за которым следует, которому послушно повинуются и [которого] почитают и величают богом на земле» [Матфей Парижский 1997, с. 276]. Полагаю, имеется в виду именно Бату — речь идет о предводителе, за которым монголы следовали, а не о великом хане, находившемся в своей столице. Но имени «повелителя» Фридрих II все же не называет, хотя должен был бы узнать его от посланца венгерского короля, а уж тем более — если бы сам состоял с ним в «переписке», на которой настаивал Л. Н. Гумилев!

Аналогичным образом имя Бату отсутствует в письме Ивона из Нарбонны епископу Бордо (1243 г.), благодаря которому у нас есть сведения об англичанине, сражавшемся на стороне монгольских войск в Венгрии. Ивон, сообщая о монголах, лишь упоминает о «татарских вождях», не называя ни одного имени. Правда, информация Ивона, вроде бы основанная на сообщениях представителя монгольского же войска, поразительно напоминает ужасные слухи, распространенные в Европе: что монголы уничтожают всех и вся на своем пути, пожирают трупы убитых врагов [Матфей Парижский 1997, с. 281; Kerr

1811, сб. VI]... Поэтому можно предположить, что либо сведения пленного англичанина были дополнены самим автором письма, либо пленник выполнял поручение монголов, стремившихся как можно сильнее деморализовать врага, распространяя подобные слухи.

Наконец, еще одна загадка — отсутствие сведений о Бату в Лаврентьевской летописи. Нет, наследник Джучи в ней, безусловно, упоминается, но — только начиная с 1243 г., с поездки великого князя Ярослава Всеволодовича «к Батыеви». Между тем при описании событий 1237-1241 гг. имя Бату в этой летописи не встречается: речь идет исключительно о «Татарах»! Отметим, однако, что более поздние летописи, авторы которых опирались на летопись Лаврентия, уже содержат имя Бату и при описании нашествия на Русь. В них даже специальные разделы носят названия «Пленение царя Батыя» (Рогожский летописец), «О пленении Русския земля от Батиа» (Тверская летопись), «Батыева рать» (Московский летописный свод конца XV в.), «О Батыи» (Типографская летопись): в Лаврентьевской летописи отсутствует даже подобное заглавие. Это подтверждает мнение исследователей о том, что по распоряжению суздальского архиепископа Дионисия информация о походе Бату на Русь была заменена описанием батальных сцен более ранних периодов, и только вместо прежних этнонимов вставлялся новый — «Татары». Точно так же Троицкая и Новгородская первая летописи содержат первые упоминания о Бату тоже под 1243 г., хотя монгольскому нашествию 1237-1238 гг. в них отведено немало места.

Таким образом, отсутствие сведений о Бату объясняется вовсе не намерением авторов принизить его значение или истребить память о нем среди потомков, а идеологическими соображениями, особенностями мировосприятия монархов, сановников, служителей церкви и самих историков того времени.

§ 30. Батый легендарный

Сага и эпос — ответ на новые интеллектуальные запросы. Новое сознание, рожденное бурей и натиском движения племен, у наиболее творческих личностей вызывало потребность в искусстве.

А. Дж. Тойнби. Постигание истории

Деятель такого масштаба, как Бату, не мог не оставить след в народной памяти. Образцов золотоордынского народного творчества не сохранилось, поэтому сегодня доступны только эпос и фольклор народов, некогда находившихся под властью Бату и его преемников. В отличие от исторических сочинений, в которых реальность и миф переплетаются, подобные произведения не претендуют на какую-либо достоверность, и в них, как правило, «любые совпадения имен и событий случайны».

Сразу же вспоминаются русские былины, в которых образ Бату, естественно, далек от положительного. Конечно, не следует отождествлять исторического Бату с Батыем («Батыгой») русских былин, но, в любом случае, появление последнего свидетельствует о значительной роли реального Бату в истории Руси, и потому небезынтересно рассмотреть, как его образ запечатлен в народном творчестве.

Батыю отведена сомнительная честь быть противником самого Ильи Муромца: об этом повествуют былины «Илья Муромец и Батый», «Илья Муромец и татары», «Изгнание Батыя» и др. Их содержание почти одинаковое: Батый с огромным войском приходит под Киев и требует уплаты дани; князь Владимир (не реальное историческое лицо, а собирательный образ) обращается к Илье Муромцу, которого сам же и отправил раньше в изгнание или бросил в темницу, чтобы тот отвез подарки татарскому владыке; Илья везет одарки и вручает их, но, будучи оскорблен надменностью Батыя и его чрезмерными требованиями, выступает против сей татарской рати (один либо с Алешей Поповичем и Добрыней Никитичем) и прогоняет татар, перебив едва ли не все их войско.

Героя былин именуют «Батыем Батыевичем» и награждают теми же эпитетами, что и

древнерусские летописцы: «собака», «окаянный», «проклятый» и прочими «ласковыми» именами, на которые так щедр русский язык. Интересно, что в былинах об Илье Муромце приводится число войск Батыя, очень близкое к тому, которое современные исследователи признают наиболее достоверным:

«За Батыем было силы сорок тысячей,
За сыном было силы сорок тысячей,
За зятем было силы сорок тысячей».
/Былины 1958, с. 166/

Упоминается также, что собиралась эта сила «три года и три месяца» (нельзя не отметить параллель между этим характерным для былин промежутком времени и тем фактом, что три года прошло от курултая после покорения Китая в 1234 г. до первого нашествия на Русь!). То, что Илья Муромец бьется с татарами «за веру христианскую» — явное отражение тенденции конца XIV в., когда на Руси была создана доктрина борьбы с татарами, как с мусульманами и врагами христианства. При этом в реальности врагом православия не был ни сам Бату, ни Золотая Орда впоследствии, даже в мусульманский период.

Помимо Ильи Муромца — непобедимого борца за землю Русскую, защитника всех обиженных, бедняков, вдов сирот, против Батыя в былинах выступают и менее «идеальные герои». Например, в былине «Добрыня Никитич и Василий Казимирович» вместо того, чтобы везти дань «Батуру Батвесову», царю «земли Поленецкой», Добрыня и Василий побеждают его и требуют дань с него [Былины 1958, с. 76-85]. Еще интереснее и необычнее былины так называемого «городского цикла», герои которого не сильномогучие богатыри, как Илья Муромец и Добрыня Никитич, а «голь кабацкая» во главе с неким Василием Игнатьевичем. По-видимому, следует воспринимать такие былины, как своеобразную пародию на героический эпос: в них у Батыя даже армия оказывается такая же по численности, как и в «героических» былинах; объясняются причины отсутствия в Киеве настоящих богатырей («Святополк-богатырь на Святых на горах, Ай молодой Добрыня во чистом поли, А Алешка Попович в богомольной стороны, А Самсон да Илья у синя моря» [Былины 1958, с. 377]). Так, в былине «Василий Игнатьевич и Батыга» Батыга Сергеевич (sic! — Р.П..) приходит под Киев

И с сыном Батыгой Батыговичем,
И с зятем Тараканником Каранниковым,
И с думным дьяком вором-выдумщиком,

и Васька-пьяница... поступает к нему на службу с условием, что Батыга будет его поить допьяна. В некоторых вариантах былины Василий предупреждает татар, чтобы те не трогали ни Киева, ни князя Владимира, а били бы только бояр и дворян. В конце былины Василий реабилитирует себя: он хитростью разделяет войско татар на части и уничтожает его, а Батыга убегает, поклявшись за себя и детей своих, что никогда более не подойдет к Киеву.

Любопытно, что отношение к Батыю в былинах добродушно-ироническое, как к врагу, но старому знакомому, будто бы не воспринимаемому всерьез: и Илья Муромец, и другие герои даже разговаривают с ним не очень серьезно, а с какой-то снисходительностью. Вот что говорит Илья Батыю, который пленил его, а теперь предлагает поступить к нему на службу:

«Нет у меня с собой сабли вострая,
Нет у меня копьа мурзаецкого,
Нет у меня палицы боевья,
Послужил бы я по твоей по шее по татарския!»
/Былины 1958, с. 172/

Или другой пример: Василий Игнатьевич «извиняется» перед Батыгой:

«Ай прости меня, Батыга, во такой большой вины!
А убил я три головки хорошеньких,
Хорошеньких головки, что ни лучшеньких:

Убил сына Батыгу Батыговича,
Убил зятя Тараканчика Корабликова,
Убил черного дьячка, дьячка-выдумщика.
А с похмелья у меня теперь головка болит,
А с перепою у меня да ретиво сердце щемит.
/Былины 1958, с; 378/

И Батыга не только прощает Ваське гибель своих близких, но еще и поит его вином и вверяет очередную часть своей рати! Никаких отражений реальных событий в подобных сюжетах просто не может быть. На эту же мысль наводит и наблюдение фольклориста В. Ф. Миллера, записавшего в 1896 г. сибирский вариант былины о нашествии Батыги и подвигах Васьки-пьяницы: как установил исследователь, зачин былины совершенно не соответствует содержанию ее основной части [Миллер 1900, с. 69-74]. Это наводит на мысль о «подставлении» Батыя, в стандартный былинный сюжет, в более раннем варианте которого, возможно, фигурировал иной персонаж.

Помимо былин, сохранились и произведения другого жанра, которые можно считать народными и эпическими: речь идет о так называемых «воинских повестях» — таких как «Повесть о разорении Рязани Батыем». В отличие от довольно сухого стиля летописей, язык этих произведений гораздо более живой и образный, и они носят, скорее, публицистический или даже художественно-литературный характер. Но образ Бату и в них в какой-то мере легендарен. Возможно, создатели былин именно из этих источников позаимствовали такие характеристики Бату, как «безбожный», «лукавый», «похотливый»... Автор «Повести о разорении Рязани Батыем», несомненно, стремился создать крайне отрицательный образ Бату, чтобы и его преемники — ханы Золотой Орды представляли в глазах читателей в невыгодном свете. Портрет Бату, составленный автором «Повести» на редкость непривлекательный: «царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей», «безбожный царь Батый разъярился и оскорбился», «окаянный Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части», «и увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился» [Воинские повести 1985, с. 107, 109-110]. После таких слов как-то неуместно выглядит в «Повести» похвала, которую Бату адресует Евпатию Коловрату (тоже, несомненно, эпическому персонажу), и воздаяние телу Евпатия последних почестей!

«Батый» в русском эпосе и фольклоре, по-видимому, является собирательным образом для ордынских и постордынских правителей, с которыми Русь, а впоследствии и Россия, воевала в течение многих веков. Выбор в качестве обобщающего персонажа именно Батыя объясняется значительностью роли, которую его исторический прототип играл в истории Руси — так же, например, как и Мамай, тоже часто фигурирующий в былинах [ср.: Лихачев 1985, с. 468-469]

На основании вышесказанного можно, казалось бы, сделать вывод, что в памяти русского народа Бату сохранился исключительно как притеснитель, завоеватель и жестокий угнетатель. Желание видеть его посрамленным и побежденным отразилось в многочисленных былинах и иных произведениях народного творчества. Выражением «Батыев погром» и сегодня обозначают беспорядок, кавардак. Но только ли негативное значение имеет упоминание имени Бату?

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля есть сообщение о том, что в Тамбовской и Тульской губерниях в XIX в. Млечный путь называли Батыевой дорогой. Другое название Млечного пути, принятое на Руси, — Моисеева дорога [Даль 1998, с. 54]. Параллель «Батый — Моисей» выглядит довольно парадоксальной, не правда ли? Очевидно, имя Бату вызывало в свое время не только негативные реакции. В противном случае вряд ли такое название сохранилось бы в течение шестисот с лишним лет. Кроме того, под Суздалем и сегодня имеется село Батыево - согласно местным преданиям, на его месте располагалась ставка Бату во время его похода на Русь [Воронин 1967, с. 142].

Фигурирует ли Бату в эпосе других народов?

В татарском эпосе «Идегей», созданном в XV-XVI вв., несколько раз упоминается «Байду», сын Джучи, или «Баянду, Саин-хан». Образ Бату в этом эпосе, пожалуй, наиболее приближен к историческому прототипу: он упоминается в качестве завоевателя и правителя Поволжья, ему не приписываются какие-либо фантастические черты или деяния [Идегей 1990, с. 56, 161].

Современные казахские историки упоминают о казахском средневековом эпосе «Ер-Саин», в котором «рассказывается о подвигах Бату хана, изображенного народным героем» [История Казахстана 1999]. Однако содержание поэмы не дает оснований для отождествления Ер-Саина с Бату.

Небольшая народная поэма «Ер-Саин» повествует о юном герое, который в десятилетнем возрасте становится сподвижником одного из главных героев казахского эпоса — Кобланды-батыра и играет при нем роль «младшего героя», столкнувшись с превосходящими силами калмыков, Кобланды готов отступить, но Ер-Саин, подобно франкскому эпическому герою Роланду, вместе со своими сорока сподвижниками принимает бой и гибнет... по причине недостаточной набожности (?). В отличие от Роланда, Ер-Саина впоследствии оживляет его супруга. Также в эпосе действуют и выросшие чудесным образом (принимая во внимание малолетство самого героя) сыновья Ер-Саина, которые противопоставлены отцу как «слабый тип героя» [Баркова 2003]. Конечно, можно выявить некоторые черты героя поэмы, которые можно отнести и к Бату. Например, «недостаточная набожность» Ер-Саина, зафиксированная, впрочем, применительно к историческому Бату только у Джувейни. Затем упоминание о сыновьях Ер-Саина, которые не могут сравниться с отцом по силе, соответствует историческим сведениям: сыновья Бату не оставили заметного следа в истории. Но в целом можно определенно утверждать, что ни по сюжету, ни по историческому контексту никакой связи между Ер-Саином и Бату (Саин-ханом) нет — кроме использования в имени обоих слова «саин»! Прежде всего вряд ли Бату, один из влиятельнейших правителей Монгольской империи, был бы выведен в качестве «младшего героя» при Кобланды-батыре, даже не обладавшем ханским титулом. Нет никаких параллелей и в отношении происхождения: Ер-Саин рождается по предсказанию ангела у пожилого бездетного Боз-Моная — нет и намека на его ханское происхождение. Впоследствии Ер-Саин ведет жизнь, простого кочевника и казака, расправляясь с былыми обидчиками своего отца, что опять же невозможно отождествить ни с одним периодом жизни исторического Бату [Жирмунский 1974, с. 241, 258]. Кроме того, Ер-Саин, представленный как ногайский богатырь, воюет с калмыками, тогда как в эпоху Бату ни ногайцев, ни калмыков еще не существовало, и вообще, наследник Джучи никогда не вел боевых действий в Монголии и Центральной Азии [Жирмунский 1974, с. 519]. Наконец, и центральный эпизод поэмы — сражение небольшого отряда Ер-Саина против тысяч врагов — не соответствует ни одному известному по источникам эпизоду из жизни Бату.

М. Г. Крамаровский сообщает о героях северокавказского эпоса, прототипами которых послужили монгольские правители — крылатом Хъад-харгасе (Чингис-хан); Сайнаге (Бату, Саин-хан), Балгеа (Берке), Нокае (Ногай) [Крамаровский 2001, с. 16-17; 2003, с. 73]. Между тем современные исследователи кавказского фольклора настаивают на «ложности осмысления» Сайнага как Саин-хана. Согласно их исследованиям Сайнаг — это форма имени одного из гораздо более древних героев аланского эпоса Сауанаг-алдара — «Князя Черной скалы» [см., напр.: Гуриев].

Таковы эпические и фольклорные произведения. Но образ Бату приобретал легендарные черты не только в фольклоре, но и в источниках, которые мы сегодня признаем историческими. Например, в «Скифской истории» А. Лызлова читаем: «Окаянный Батый, видя себе имуща многое воинство, начат дыхати огнедыхателною яростию на народ христианский, хотящи их погубите, и страны оны своими грубыми народы заселити, и истребити имя христианское» [Лызлов 1990, с. 22]. Как видим, образ Батыя практически не отличается от его образа, созданного в художественном произведении — «Повести о разорении Рязани Батыем»! И надделение отрицательного персонажа магическими

способностями — прием, широко распространенный в эпосе и фольклоре, — присутствует, таким образом, в историческом источнике, в значительной степени приближая его к разряду мифотворческих произведений [см., напр.: Липец 1984, с. 53].

Интересные «факты» о Бату обнаруживаются и в поздних европейских источниках. Например, польский автор начала XVI в. Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях» пишет: «Четвертым императором был сын Батыя Темир-Кутлу, в переводе с татарского — счастливое железо (темир — счастливый и кутлу — железо). Он был счастлив и любил войну. Это и есть прославленный в истории Темерлан, опустошивший всю Азию и дошедший до Египта» (Меховский 1936, с. 64). Вторят ему Альберт Кампензе, заявивший, в письме к папе Клименту VII, что «Отец этого Тамерлана известен у нас в Истории под именем Батыя; на Татарском же языке называется Занка (Zansa)» [Библиотека 1836, с. 17], француз Блез де Виженер, указавший в своей записке польскому королю Генриху де Валуа (1573 г.): «Четвертым ханом татарским был Темир-Кутлук, что значит счастливое железо, сын Батыя, иначе называемый Тамерланом» [Виженер 1890, с. 84], и Даниил Принц, австрийский дипломат, посетивший Москву в 1577 г., написавший в своем отчете по итогам этой поездки, что «Батый имел сына, Тамерлана (Tamerlanam), которого Москвитяне называют Темир-Кутлук (Temir Kulta); из истории известно, какой он блеск придал своему народу одним только тем, что возил с собой Турецкого Султана, Баязета, заковав его в золотые цепи» [Принц 1877, с. 7]. Вероятно, эти авторы опирались на сведения Матвея Меховского, потому что информации о Бату как отце Тамерлана мы не находим ни у одного русского и тем более восточного автора. Как видим, Бату в позднесредневековой европейской исторической традиции представили отцом Тимура, хотя последний на самом деле никогда не управлял Улусом Джучи и не имел отношения к роду Чингизидов. При этом еще и самого Тимура отождествили с современным ему золотоордынским ханом Тимур-Кутлугом — из династии Туга-Тимура, брата Бату! Тот факт, что оба Тимура (и Хромой, и Кутлуг) жили на полтора века позже Бату, этих историков не смущал.

Таким образом, имя Бату, как и любого другого выдающегося деятеля, стало после его смерти обрастать легендами, причем не только в народном творчестве, но и в исторических сочинениях, которым исследователи привыкли доверять. Порой очень трудно определить, что в источниках вымысел, а что правда. Да и само понятие «правда» весьма относительно: то, что представлялось истинным персидскому летописцу XIII-XIV вв. — апологету Бату, могло показаться страшной ложью или нелепостью русскому летописцу или европейскому историку XV-XVI вв., которому Бату представлялся исчадием ада.

§ 31. Pro et contra

Справедливый царь подобен зеркалу, несправедливый на его обратную сторону похож; тот озарен как светлое утро, у этого сходство с ночной темнотой найдешь.

Алишер Навои. Возлюбленный сердец

Как и любой выдающийся деятель, Бату имел своих почитателей и недоброжелателей среди историков. Приведем несколько характеристик, данных ему представителями самых разных стран и эпох. Чтобы нагляднее представить «палитру мнений», начнем с крайне отрицательных отзывов, от которых будем постепенно переходить к положительным,

«**Повесть об убиении Батыя**» (создана между 1440-ми и 1470-ми гг., предполагаемый автор — **Пахомий Логофет**): «И понеже злочестивый онъ и злоименитый мучитель не доволен бывает, иже толика злая, тяжкая же и бедная хри-стианом наведе, и толико множество человекъ погуби, но тцашеся, аще бы мощно и по всей вселенной сотворити, ни да по не именовано ся бы христианское именованье, абие в то же лето устремляется на западныя Угры къ вечерним странам, их же прежде не доходи; многа же

места и грады пусты сотворивъ, и бяше видети втораго Навуходносора, град Божий Иерусалимъ воююще. Сей же злейший и губительнейший бысть онаго, грады испровергая, села же и места пожигая, человеки же закалая, инехъ же пленяя» [цит. по Горский 20016, с. 218]. Как уже отмечалось, «Повесть» создавалась с вполне определенными целями, и представленный в ней образ Бату соответствовал политическим задачам, которые ставили перед собой московские правители второй половины XV в. — представить ордынских правителей в как можно более невыгодном свете, — а вовсе не отражал информацию о реальном историческом деятеле.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» (начало XVI в.): «Царь Батый лукав был и немилостив в неверии своем, распалился в похоти своей»; «Безбожный царь Батый разъярился и оскорбился»; «Окаянный Батый дохнул огнем от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части». «И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и еще больше разъярился и ожесточился» [Воинские повести 1985, с. 107, 109-110]. Идеологическую направленность и художественный характер этого сочинения мы уже отметили выше. Возможно, в «Повести» имелись изначально какие-то сведения, основанные на свидетельствах очевидцев или летописных источниках, близких по времени написания к эпохе Бату, Но впоследствии они подверглись такой серьезной переработке, что вряд ли можно опираться на «Повесть» как на источник по истории того периода и воспринимать мнение ее авторов о Бату как отношение к нему его русских современников: она отражала официальную позицию русских идеологов эпохи создания-самого произведения.

Андрей Иванович Лызлов (1655-ок. 1697), русский историк и чиновник на царской службе: «Потом нечестивый Батый, не удовольився толикими безчисленными христианскими кровями, яко кровопийственный зверь дыша убийством христиан верных, отгуду со многими воинствы иде в Венгерскую землю, идеже бысть ему брань с царем Коломаном. Но и тии такожде побеждени быша от поганых и бежаша, по них же гнаша нечестивии даже до реки Дуная, пленующы страны оныя» [Лызлов 1990, с. 25]. «Скифская история» А. И. Лызлова представляет собой оригинальное произведение в русской историографии того времени: его источниками послужили «Польская хроника в 30 книгах» Мартина Кромера (1555), «Описание Сарматии Европейской» Алессандро Гваньини (1578), «Хроника польская, литовская, жмудская и русская» Матая Стрыйковского (1582) и ряд других, то есть преимущественно труды центральноевропейских авторов, и уже в меньшей степени русские исторические источники — Степенная книга, Хронограф Русский, Киевский синопсис. Основанный на источниках позднейших времен, труд А. И. Лызлова вобрал в себя и отношение их авторов к Бату, которое опять же существенно отличалось от более раннего.

Николай Михайлович Карамзин (1766-1826), русский историк, писатель и публицист, автор капитального труда «История государства Российского»: «Батый двинул ужасную рать свою к столице Юриевой, где сей князь затворился. Татары на пути разорили до основания Пронск, Белгород, Ижеславец, убивая всех до основания...». «Батый, как бы утомленный убийствами и разрушением, отошел на время в землю Половецкую, к Дону...» [Карамзин 1991, с. 508, 513]. Н. М. Карамзин допустил ту роковую для исследователя ошибку, которая нередка и для современных историков: работая с русскими летописями, он полностью стал на позицию их авторов. В полной мере это проявилось и в его отношении к Бату, которого летописцы начиная с конца XIV в. представляли настоящим чудовищем.

«Слово о Меркурии Смоленском» (начало XVI в.): «Злочестивый царь Батый пленил Русскую землю, невинную кровь проливая, как воду, обильно и христиан истязая. И, придя с великою ратью под богоспасаемый город Смоленск, стал тот царь от города в тридцати поприщах, и многие святые церкви пожег, и христиан убил, и решил непременно захватить город этот» [ПЛДР 1981, с. 205]. Довольно типичное отношение к Бату со стороны авторов «житийных» сочинений, отражающее в еще большей степени позицию в отношении монголов их заказчиков — русских государей, боровшихся с наследниками Золотой Орды.

Владимир Алексеевич Чивилихин (1928-1984), советский писатель и

литературовед: «Бату, внук Темучина сын Джучи... и в самом деле, очевидно, не был сильной и мужественной личностью, если в истории нет ни одного упоминания о его участии в боях, если в жестокой борьбе чингизидов за богатства и земли он получил наихудший удел на дальней бесплодной северо-западной окраине империи. Руками военнопленных и рабов построил свою столицу далеко в стороне от метрополии и важнейших торговых дорог, избегал бывать даже на курултаях, так и не решился вступить в борьбу за великоханский престол, который после спившегося Угедея пустовал пять лет, потом был занят врагом Бату Гуюком, а через два года уступлен Мунке. За последние пятнадцать лет жизни Бату ни разу ни с кем не воевал, жил безмятежно, наслаждаясь в роскошном дворце восточными сластями, разноплеменным гаремом, безграничной властью над покоренными народами, куражась над их послами с неуравновешенностью алкоголика и расправляясь с их князьями с жестокостью сатрапа, потягивая вино не только на досуге, но и, кажется, перед официальными приемами далеких гостей... Бату-хан бесславно кончил свою жизнь и, в отличие от других потомков Чингиза, похороненных на родине, был зарыт в прикаспийской степи вместе с многочисленными, как пишет Большая Советская Энциклопедия, „женами, слугами, конями и баранами"» [Чивилихин 1982б, с. 56]. Исследования древнерусской литературы, несомненно, сформировали негативную позицию В. А. Чивилихина по отношению к Бату и вообще всему «монголо-татарскому», что и обусловило вышеприведенную характеристику, весьма традиционную в советской историографии и базирующуюся на доктрине противостояния Руси и Орды. Непонятны только причины, побудившие автора приписать Бату те пороки, которые средневековые авторы отмечали у других Чингизидов, но ни один из них не упоминали в отношении Бату: чем наследник Джучи так досадил В. А. Чивилихину лично?

Эрнест Лависс (1842-1922) и **Альфред Рамбо** (1842-1905), французские историки, соавторы и редакторы многотомной **«Всеобщей истории с IV столетия до нашего времени»** : «Сын Джуджи, Батый, который позднее был прозван Саин-ханом, то есть Добродушным, ...мирно управлял своими кипчаками, киргизами, болгарями, башкирами, русскими и другими народами и вяло, не торопясь, воевал с непокорными»; «К линии Джуджи, к Добродушному все относились с презрением... Чтобы расшевелить Добродушного, ему прислали Субутая в качестве главнокомандующего и его штаб в качестве военного совета. Ни одним завоевателем не помыкали так грубо, как несчастным Батыем. Субутай корил его по всякому поводу; его двоюродные братья из младших линий постоянно насмехались над ним — особенно двое: пьяница Гуиук и рубака Бури, человек невероятно грубый. Он делал завоевания против своей воли...»; «Батый, со своей стороны был сыт завоеваниями; он не был похож на своих воинственных двоюродных братьев Гуиука и Менгке и на своих троюродных братьев, Кайду, Байдара и Бури, фанатиков войны, которые искали лишь ран и клялись именем Субутая... Добродушный пытался тайно бежать. Батыя удержала железная рука, и он вынужден был против воли продолжать поход и повиноваться почтительному приказу своего страшного слуги, Субутая»; «Октай умер 11 декабря 1241 г. Когда в Венгрию пришло официальное известие о его смерти, вероятно в марте 1242 г., Батыя невозможно было удержать никакими силами. Сам Субутай согласился отпустить его...» [Крестовые походы 1999, с. 1058-1060, 1070, 1072, 1073]. Будучи специалистами в том числе и по истории России, авторы, несомненно, восприняли негативное отношение к Бату со стороны древнерусских летописцев. А вот выводы насчет презрения к Бату со стороны родичей и его безволия — это уже вольная интерпретация самими исследователями сведений «Сокровенного сказания».

«Сказание о Мамаевом побоище» (первая четверть XV в.): «Тот же безбожный Мамай стал похваляться и, позавидовав второму Юлиану-отступнику, царю Батыю, начал расспрашивать старых татар, как царь Батый покорил Русскую землю» [Воинские повести 1985, с. 237]. «Сказание представляет большой интерес, поскольку является одним из первых русских сочинений, отразивших новую русскую государственную доктрину — противопоставление православной Руси мусульманской Орде, представление монголов

исконными врагами русского народа. Но какова связь между Бату и Юлианом-отступником? Как известно, Бату никогда не исповедовал христианства, тем более — не отрекался от него, и христиан не преследовал. Тем не менее образ его как первого мусульманского правителя Улуса Джучи и впоследствии успешно эксплуатировался историками, что уже было отмечено нами выше.

Иоанн де Плано Карпини (1180-е-1252), итальянский религиозный деятель, дипломат, впоследствии — архиепископ, посланец папы римского к монголам, составивший по итогам этой поездки «Книгу о Тартарах»: «Бату (Bati), он наиболее богат и могуществен после императора». «Вышеупомянутый Бату очень милостив к своим людям, а все же внушает им сильный страх; в бою он весьма жесток; он очень пронизателен и даже весьма хитер на войне, так как сражался уже долгое время» [Иоанн де Плано Карпини 1997, с. 49,73]. Как и подобает автору отчета об увиденном, а не идеологического памфлета, францисканец воздерживается от каких-либо оценок и сообщает о Бату только то, что мог наблюдать сам или же узнал от приближенных наследника Джучи. Поэтому в его сообщении отсутствуют и столь характерные для его современников сравнения монголов с исчадиями ада и пр.

«**Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра Невского**» (1280-е гг.): «В то же время был в восточной стране сильный царь, которому покорил бог народы многие от восхода и до запада» [Воинские повести 1985, с. 133]. Несмотря на «житийный» характер, «Повесть» не содержит негативного отзыва о «Батые», характерного для сочинений подобного жанра. Дело в том, что она создавалась в 1280-е гг. — примерно за сто лет до начала формирования антиордынской идеологии на Руси, а кроме того Бату (как следует и из самой «Повести») весьма положительно относился к Александру Невскому.

Марко Поло (1254-1324), венецианский торговец и дипломат на службе у монгольских правителей Китая и Ирана, автор «Книги о разнообразии мира»: «Первым царем западных татар был Саин; был он сильный и могущественный царь. Этот царь Саин покорил Россию, Команию, Аланию, Лак, Менгиар, Зич, Гучию и Хазарию, все эти области покорил Саин...» [Марко. Поло 1997, с. 370-371]. Подобно Иоанну де Плано Карпини, венецианец довольно нейтрально отзывается о Бату, даже в большей степени положительно. Это вполне объяснимо: Марко Поло сам являлся приближенным монгольского правителя (правда, в Китае, а не в Золотой Орде) и преуспел на этой службе, сохранив, естественно, преимущественно положительные впечатления о монголах.

Георгий Владимирович Вернадский (1887-1973), русский правовед, историк-евразиец, эмигрант, автор многотомной «Истории России»: «Указателем духовных качеств Бату является эпитет „саин“, который дается ему в некоторых восточных анналах, а также в тюркском фольклоре. Его переводят как „хороший“. Поль Пеллье отмечает, однако, что это слово имеет также толкование „умный“, и в случае с Бату его надо понимать именно в этом смысле. Таким образом, саин-хан может обозначать: „благоразумный хан“ или „мудрый хан“» [Вернадский 2000, с. 147-148]. Как видим, историк склонен представить Бату, скорее, в положительном свете. В этом отношении его позиция, вообще характерная для евразийцев, может быть противопоставлена позиции Н. М. Карамзина, не менее характерной для историков-русистов. И если последние опирались в своих трудах на русские летописи, евразийцы в большей мере базируются лишь на сведениях восточных хронистов, что и обусловило их отношение к монголам вообще и к Бату в частности,

Александр Юрьевич Якубовский (1886-1953), русский советский историк-востоковед, соавтор Б. Д. Грекова по работе «Золотая Орда и ее падение»: «Кочевой феодал, шаманист по своим воззрениям, с точки зрения горожанина-мусульманина человек совсем некультурный, Бату не растерялся в сложной обстановке молодого государства, выросшего из монгольского завоевания юго-восточной Европы. Опираясь на своих советников, в числе которых было немало мусульманских купцов, Бату сразу же взял жесткий курс, главной целью которого являлось получение максимальных доходов путем

жесточайших форм феодальной эксплуатации. Он наладил взимание даней с покоренных русских княжеств, для чего посылал специальных чиновников — даругачей — во главе монгольских отрядов, оставивших по себе такую печальную память, создал аппарат для взимания разных феодальных повинностей и податей с земледельческого и кочевого населения, а также с ремесленников и купцов в городах Крыма, Булгара, Поволжья, Хорезма и Северного Кавказа. Наконец, много сделал, чтобы вернуть всем завоеванным областям былую торговую жизнь, которая так резко оборвалась в связи с опустошением в результате монгольского завоевания. И во всем этом Бату проявил много жестокого умения и дальновидности» [Греков, Якубовский 1998, с. 60]. Позиция исследователя весьма своеобразна. С одной стороны, он вроде бы придерживается традиционного для советской историографии подхода, согласно которому Золотая Орда представлялась «государством агрессивным, проводившим захватнические войны и разбойничьи походы на земли русского народа». С другой — роль Бату все же получила оценку с учетом отношения не только русских летописцев, но и восточных хронистов и потому несет отчасти позитивную окраску, что в обстановке того времени, когда писалась книга (1950 г.), было, в общем-то, смело и достаточно рискованно...

Эдуард Гиббон (1737-1794), британский историк, автор многотомной «История упадка и разрушения Великой римской Империи»: «Брат великого Батыя Шейбани-хан повел в сибирские степи орду из пятнадцати тысяч семейств» [Гиббон 1997, с. 159]. Не будучи специалистом по истории ни Руси, ни средневековых монголов, Э. Гиббон не уделил много внимания этой эпохе и, соответственно, личности Бату. Мы приводим эту цитату только с целью показать, что к XVIII в. европейские историки уже сумели отойти от восприятия азиатских кочевников и их предводителей как неизбежного зла и стали довольно трезво оценивать масштабность их деяний.

Ризаэтдин Фахретдин (1859-1936), татарский религиозный и политический деятель, публицист: «В сущности, именно уроки Чингис хана и Бату хана, а также огромное влияние Золотой Орды и превратили Русь в ту Россию, которой она позже стала. Поэтому русские должны не проклинать монголов, а благодарить их за науку» [Фахретдин 1996, с. 82]. Книга казанского богослова «Ханы Золотой Орды», включающая и очерк «Бату хан», откуда взята эта цитата, уже на момент первого ее издания в начале XX в. не несла никакой новой информации и была достаточно примитивной, поскольку ее автор всего лишь пересказал известные ему из исторических исследований сведения по истории Золотой Орды. Его творение представляло (и представляет по сей день) ценность лишь в глазах националистически настроенной части татарской общественности, поскольку автор ее поет гимн могуществу и славе татарской Золотой Орды и с крайним презрением отзывается о русских князьях, причем подобно своим антагонистам — историкам-русистам — стоит на позиции противостояния Орды и Руси.

Григор Акнерци (инок Магакия, вторая пол. XIII-начало XIV вв.), армянский историк, автор «Истории народа стрелков»: «Смбат вскоре прибыл к Саин-хану, который чрезвычайно любил христиан. Он был очень добр, за что народ прозвал его Саин-хан, т. е. добрый, хороший хан» [Пат-канов 1871, с. 18]. Автор черпал сведения о Бату из трудов современников наследника Джучи — Киракоса Гандзакеци и Вардана Великого. А объяснение причин положительной характеристики наследника Джучи находится в самом тексте: он «чрезвычайно любил христиан»!

Абу-Омар Минхадж-ад-дин Осман ибн Сирадж-ад-дин ал-Джуджани (ок. 1193 -после 1260), персоязычный историк при дворе делийских султанов, автор «На-сировых разрядов»: «Он был человек весьма справедливый и друг мусульман; под покровительством его мусульмане проводили жизнь привольно... В продолжение его царствования и в течение его жизни странам ислама не приключалось ни одной беды ни по его воле, ни от подчиненных его, ни от войска его. Мусульмане туркестанские под сенью защиты его пользовались большим спокойствием и чрезвычайной безопасностью» [СМИЗО 1941, с. 15]. Позиция этого автора заслуживает особого внимания, поскольку, в отличие от других

персидских историков, он писал свой труд при дворе не монгольских правителей, а их противников — султанов Дели. Кроме того, Джузджани и сам пострадал от монголов: он вынужден был бежать из Хорезма, потеряв высокий поэт и все имущество, поэтому вполне объяснимо его отрицательное отношение к монголам вообще, проявившееся в его сочинении. И положительная характеристика Бату как-то выделяется среди других его отзывов о монголах. Однако объяснение столь лестного отзыва о Бату в труде Джузджани присутствует в самом тексте, так же как и у Магакии: «под его покровительством мусульмане проводили жизнь привольно». Информаторами Джузджани, скорее всего, были мусульманские путешественники и торговцы, посещавшие Золотую Орду, а купцам, как уже отмечалось выше, наследник Джучи оказывал покровительство. Поэтому неудивительно, что до Джузджани доходили лишь положительные отзывы о Бату.

Киракос Гандзакечи (1200—1271), армянский историк и религиозный деятель: «Великий военачальник Батый, находившийся на севере, обосновался на жительство на берегу Каспийского моря и великой реки Атль, равной которой не найдется на земле, ибо из-за равнинной местности она растекается, подобно морю. Там в великой и обширной долине Кипчакской и расположился он (Батый) вместе с огромным, неисчислимым войском, ибо обитали они в шатрах, а когда снимались с места, шатры перевозили на повозках, впрягая в повозки множество волов и лошадей. Он (Батый) очень усилился, возвеличился над всеми и покорил всю вселенную, обложил данью все страны. И даже его сородичи почитали [Батый] больше всех остальных, и тот, кто царствовал над ними (коего они величают ханом), садился на престол по его приказу. Случилось умереть Гиуг-хану. В царском их роде началась распря о том, кому сесть на престол. И все нашли, что он (Батый) достоин сесть [на престол] или же станет царем тот, кого пожелает [Батый]... После того стали отправляться к Бату цари и принцы, князья и купцы и все обиженные и лишённые отечества. Он по справедливом суждении возвращал каждому из них вотчины и княжества, снабжал их грамотами, и никто не смел сопротивляться его воле» {Киракос 1976, с. 217-218}. Этот автор был свидетелем и даже участником многих событий монгольского периода, описанных им в своем труде. Тем не менее с Бату он лично не встречался, да и Армения во второй половине XIII в. уже попала под власть ильханов Ирана, Вероятно, в положительной характеристике, данной Киракосом Бату, отразилось его желание противопоставить благоприятствующую армянам политику преемника Джучи деятельности персидских ильханов, совершивших ряд опустошительных набегов на Кавказ. Кроме того, Киракос очень положительно отзывался о деятельности Сартака, сына Бату, который оказывал покровительство армянским христианам; не исключено, что положительное впечатление о сыне заставило историка более позитивно оценить личность и деятельность его отца [ср: Klaproth 1833, p. 211-212].

Ала ад-Дин Ата-Малик Джувеини (1226-1283) иранский историк и сановник в Государстве ильханов, автор «Истории завоевателя мира»: «И Бату жил в своем собственном лагере, который он разбил в районе Итиля; и он построил там город, который называется Сарай; и его слово стало законом во всех странах. Он был царем, не склоняющимся ни к какой вере или религии: он признавал только веру в Бога и не был слепо предан какой-либо секте или учению. Его щедрость была безмерна, а его терпимость безгранична. Правители всех стран и монархи со всех сторон света и все остальные приходили к нему; и до того как их подношения, которые копились веками, успевали убрать в казну, он раздавал их монголам и мусульманам и всем присутствующим и не смотрел, много это было или мало. И купцы из разных стран приносили ему всевозможные товары, и он брал все, и увеличивал цену в несколько раз против начальной. И он делал пожалования султанам Рума и Сирии и вручал им ярлыки; и ни один из тех, кто приходил к нему, не ушел, не достигнув своей цели» [Джувеини 2004, с. 183-184]. Джувеини создавал свой труд по поручению великого хана Мунке, и потому положительная характеристика Бату более чем понятна: ведь именно Бату возвел Мунке на трон и являлся его соправителем, и, соответственно, Джувеини выражал в отношении Бату официальную позицию Каракорума.

Рашид ад-Дин ат-Тиб Фазлаллах ибн Имад ад-Доула Абу-л-Хайр Яхья ал-Хамадани (ок. 1247-1318), персидский историк и государственный деятель в Государстве ильханов, создатель свода всемирной истории, известной как «Сборник летописей»: «Бату появился на свет от Уки-фудж-хатун, дочери Ильчи-нойона из рода кунгираб. Его называли Саин-хан. Он был очень влиятелен и всемогущ и ведал улусом и войском вместо Джучи-хана и прожил целый век. Когда всех четырех сыновей Чингиз-хана не стало, то старшим над всеми внуками оказался он и был у них в великой чести и почете. На курултаях никто не противился его словам; напротив, все царевичи повиновались и подчинялись ему» [Рашид ад-Дин 1960, с. 71]. Характеристика Бату, данная в этом труде, более чем положительна. С одной стороны, Рашид ад-Дин был придворным историографом монгольских правителей и, соответственно, должен был прославлять монголов. Стало быть, его отзыв о Бату следует считать обычным панегириком? Однако историк состоял при дворе (и даже был везиром) ильханов Ирана — государства, которое к тому времени уже довольно долго воевало с наследниками Бату, ханами Золотой Орды; следовательно, особой заинтересованности в восхвалении правителя враждебного государства у Рашид ад-Дина вроде бы и не было. Значит, его оценка объективна? Но и тут следует сделать оговорку: «Сборник летописей» был закончен око-ло 1307 г., а незадолго до этого улусы уже распадавшейся Монгольской империи заключили соглашение о восстановлении единства под номинальным верховенством императора Тэмур — внука Хубилая [см.: Письмо 1996, с. 107-108]. Соответственно, воспевая правителя другого государства, Рашид ад-Дин прославлял и весь род монгольских правителей, как раз в это время предпринявший очередную попытку преодолеть разногласия. Таким образом, однозначного ответа насчет объективности или предвзятости автора «Сборника летописей» нет...

Шихаб-ад-дин Абдаллах ибн Фазлаллах Ширази, более известный как **Вассаф-и-хазрет** (вторая пол. XIII-первая пол. XIV вв.), «придворный панегирист» ильханов Ирана, сподвижник Рашид ад-Дина, автор «Истории Вассафа»: «Бату... отличался пронизательностью, правосудием и щедростью» [СМИЗО 1941, с. 84-85]. Этот автор являлся протеже Рашид ад-Дина и создавал свой труд примерно в то же время, что и его покровитель, поэтому его позиция по отношению Бату сходна с позицией Рашид ад-Дина.

Абу-л-Гази Бахадур-хан (1603-1664), хивинский хан (прав. 1643-1663), историк, автор «Родословного древа тюрков»: «Из внуков Чингисовых никто не превосходил Бату-хана в искусстве управления и в благоразумии» [Абуль-Гази 1996, с. 85]. Как и в случае с Рашид ад-Дином, не стоит пытаться установить, насколько объективен был хивинский хан-историк. С одной стороны, он, казалось бы, и не был заинтересован в восхвалении Бату, поскольку являлся потомком его брата Шибана. С другой, давая столь лестную характеристику Бату, он прославлял весь род Джучидов, к которому принадлежал сам. Наконец, не стоит забывать, что Абу-л-Гази при создании своего труда опирался на труды того же Рашид ад-Дина и вполне мог отразить его отношение к Бату, став на позицию своего источника.

Лев Николаевич Гумилев (1912-1992), русский советский историк-евразиец: «Основатель Золотой Орды Бату-хан — это деятель большого масштаба, никак не меньше, чем в Западной Европе Карл Великий, король франков, император Запада. Только его империя слишком быстро распалась, а Орда существовала два с половиной столетия, затем ее преемницей стало Московское государство. Имя Бату при жизни стало обрастать легендами. Не случайно, видимо, этот властитель получил прозвище Саин, то есть справедливый, добрый» [Гумилев 1994б, с. 309]. Историк и поэт, Лев Николаевич Гумилев известен своими экстравагантными теориями и рискованными аналогиями, с одной из которых мы имеем дело и здесь. Вместе с тем, его оценка Бату вполне характерна для последователей евразийского движения, к которым он себя причислял²⁸.

²⁸ Для полноты картины не могу не привести еще одно «мнение», правда, оно не заслуживает включения в основной перечень и потому приводится в сноске. Красноярский писатель, автор детективных и

Послесловие

НАСЛЕДИЕ И НАСЛЕДНИКИ

Сие все представляя, обращаю паки на первое, о тебе разсуждая: ибо я есмь человек и смерти подлежу, то кому вышеписанное с пощию выш-няго насаждение и уже некоторое и возвращенное оставлю?

Из письма Петра I царевичу Алексею

У Бату от его многочисленных жен было, вероятно, немало детей, но из источников известны имена только троих его сыновей — Сартака, Тукана и Абукана. Матерью Сартака, по-видимому, была старшая жена Бату — Боракчин-хатун, тогда как Тукан и Абукан ее сыновьями не были: после смерти Бату Боракчин, согласно монгольскому обычаю, вышла замуж за Тукана [СМИЗО 1884, с. 150; Мыськов 2003, с. 63-64]. Каждый из сыновей Бату, в свою очередь, имел детей, что гарантировало продолжение рода. Правда, монгольский порядок наследования вовсе не гарантировал сохранение за ними отцовского трона...

Именно поэтому Бату перед смертью не назначил преемника. Лучше других он понимал две вещи: во-первых, каждый из Чингизидов имел равные права на власть в любом улусе, поэтому сам он мог лишь рекомендовать избрать кого-то своим преемником, но никак не назначить его; во-вторых, кандидатура нового правителя, в любом случае, зависела от воли великого хана. Узнав о смерти Бату, Мунке тут же нашел удобный предлог удалить Сартака из Каракорума: великий хан назначил его преемником отца и приказал сразу же отбыть в свои владения [Juvaini 1997, p. 268; Рашид ад-Дин 1960, с. 81]. Таким образом, Мунке одновременно избавился от советника, навязанного ему Бату, и назначил правителем западных улусов своего ставленника, на признательность и лояльность которого имел основания рассчитывать.

Но решение великого хана одобрили далеко не все в Улусе Джучи, в особенности Берке, который, оставшись старшим в роду Джучидов, не очень-то горел желанием видеть правителем Улуса Джучи своего племянника, тем более что тот откровенно ему заявлял: «Ты мусульманин, я же держусь веры христианской; видеть лицо мусульманское (для меня) несчастье». Согласно мусульманским источникам, Берке, оскорбленный этими словами, обратился к Аллаху с мольбой покарать нечестивого Сартака, и последний умер спустя четыре дня [СМИЗО 1941, с. 15; Бартольд 1964, с. 263-264]. Армянские авторы, менее расположенные к мусульманину Берке, прямо говорят, что Сартак был отравлен своим дядей Беркечаром — единокровным братом Берке по приказу последнего [Киракос 1976, с. 226; ср.: Бартольд 20026, с. 503].

Тем не менее и после смерти Сартака Берке не удалось возглавить улус: по повелению Мунке власть перешла к малолетнему Улагчи, который, впрочем, тоже вскоре отправился вослед отцу — вероятно, также не без помощи Берке. Джувейни называет Улагчи сыном Сартака, а Рашид ад-Дин и последующие авторы — сыном Бату и, соответственно, братом Сартака. Полагаю, в этом случае следует с большим доверием отнестись к более раннему

фантастических романов А. А. Бушков: «Батый — вымышленная фигура, которой частью приписывают деяния Ярослава, частью — Александра. Кстати, Батый в нашей историографии выглядит удивительно бесцветно. Если разобраться вдумчиво, сам он ничем и никак себя не проявляет, завоевание Руси и все последующие меры по наведению порядка происходят как бы сами собой, без его участия. Стоит лишь допустить, что Батый — чистойшей воды вымысел, как все становится на свои места» [Бушков 2004, с. 189].

источнику просто потому, что он более ранний [Juvaini 1997, p. 268; ср.: Рашид ад-Дин 1960, с. 73, 81; МИКХ 1969, с.33-34].

Теперь же, когда трон, казалось бы, освободился для брата Бату, против него выступила Боракчин-хатун, которая пользовалась большим влиянием, поскольку по приказанию Мунке являлась регентшей при Улагчи. После смерти Бату она вышла замуж за его сына Тукана и родила ему сына Туда-Менгу, которого и попыталась возвести на трон после смерти Улагчи. Надо полагать, что сам Тукан к этому времени тоже скончался, поскольку о его претензиях на трон ничего не сообщается. Для достижения своей цели она не остановилась даже перед тем, чтобы призвать на помощь Хулагу, готовая признать зависимость от иранского правителя, лишь бы не допустить прихода Берке к власти. Но последнему удалось пресечь ее замыслы, а саму правительницу схватить и казнить [СМИЗО 1884, с. 150-151; Мыськов 2003, с. 72-73]. Таким образом, с 1256 по 1258/1259 г. Джучиды вели жестокую борьбу за власть, которая закончилась победой Берке и занятием им трона. Берке находился всю жизнь в тени брата и теперь, заполучив власть, стремился затмить его, отстраивая города и ведя масштабные войны. Но во многом он продолжил политику Бату и делал все возможное, чтобы сохранить целостность Улуса Джучи. Последнее было особенно нелегко, ибо смерть Бату в значительной степени развязала руки его беспокойным вассалам.

Даниил Галицкий, воспользовавшись раздорами между наследниками Бату, окончательно вытеснил Курумиши из Понизья, сосредоточив в своих руках власть над южнорусскими степями, некогда принадлежавшими его отцу. Ненадолго, впрочем: Берке сразу после своего воцарения отправил в Галицко-Волынскую Русь Бурундая с большими силами и заставил Романовичей вновь признать сюзеренитет Улуса Джучи, на этот раз — на гораздо более долгое время, до 1330-х гг.

Узнав о смерти Бату, активизировал свои действия и Байджу-нойон, чьи угрозы представителям султана Кей-Кавуса II оказались не пустыми словами. Во главе своих войск он вторгся в Румский султанат, сверг султана Кей-Кавуса, заставив его искать убежища в греческой Никее, и вернул престол его брату Килич-Арслану IV [Шукуров 2001, с. 156; Фиш 1972, с. 276, 280]. Тут Берке оказался менее властен, ибо за спиной Килич-Арслана и Байджу стоял Хулагу, правитель Ирана, имевший многочисленную армию, в составе которой были даже войска Улуса Джучи, и, что еще более важно, его поддерживали великие ханы — его братья — Мунке, затем Хубилай. Только некоторое время спустя султан Кей-Кавус вернул себе трон (правда, с помощью никейского императора, а не Берке!), причем на довольно короткий срок: вскоре ему вновь пришлось покинуть родину и на этот раз — окончательно.

Но наследие Джучи и Бату сохранилось: даже жестокие междоусобицы наследников последнего не привели к распаду улуса. Как бы далеко ни заходили властные амбиции первых Джучидов, их держава вплоть до середины XIV в. сохраняла единство. Более того, после смерти Берке в 1266 г. и очередной кратковременной смуты к власти пришел Мун-ке-Тэмур, внук Бату. С этого времени на монетах Золотой Орды, а также и на продукции местных ремесленников ставилась «тамга дома Бату». Эта тамга, с одной стороны, служила своего рода гербом Улуса Джучи, с другой — являлась символом харизмы Бату, которая передавалась его наследникам и обеспечивала им покровительство Неба [Крамаровский 2001, с. 47-49; ср.: Мухамадиев 2005, с. 107-108].

Потомки Бату правили Улусом Джучи до 1380 г., пока им на смену не пришли представители других ветвей Джучидов [см., напр.: Григорьев 2000, с. 54, 75, 103; Почекаев 2004, с. 30-31]. Но и последние считали себя наследниками именно Бату. Так, Туга-Тимурид Тимур-Кутлуг (прав. 1392-1399) в своем тарханном ярлыке ссылается на решения «уже умершего Саин-хана» [Радлов 1889, с. 21]. А один из последних ханов — Ахмат, также потомок Туга-Тимура (прав. 1465-1481), указывал в своем ярлыке Ивану III Московскому, что «вам ся есмя государи учинили от Саина царя сабельным концом» [Базилевич 1948, с. 31]. Даже сам Улус Джучи восточные историки позднее будут называть «Саин-хановым юртом» [Абу-л-Гази 1958, с. 44], а время правления Саин-хана считать «золотым веком» этого государства, причем личность самого Бату в памяти его потомков затмила в какой-то

мере даже фигуру самого Чингис-хана.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Хронологическая таблица

- 1209 — Рождение Бату, сына Джучи и Уки-хатун
1227 — Февраль-март — смерть Джучи
Август — смерть Чингис-хана
1228-1229 — Участие Бату в курултае, на котором Угедэй, третий сын Чингис-хана, утвержден великим ханом
1229 — Первое вторжение войск Улуса Джучи в Волжскую Булгарию
1230 — Бату сопровождает Угедэя в походе против империи Цзинь
1232 — Вторжение войск Улуса Джучи в глубь территории Волжской Булгарии
1234 — На курултае Бату поручено завоевание Волжской Булгарии и Дешт-и Кипчака
1235 — На курултае поход на Запад объявлен всеобщим делом рода Чингис-хана
1236 — Поход Бату в Волжскую Булгарию
1237 — Лето-осень — покорение Волжской Булгарии, разгром кипчакских орд
Декабрь — нападение на Рязанское княжество
21 декабря — взятие и разорение Рязани
1238 — Январь — начало войны с Владимирской Русью. Битва у Коломны
20 января — взятие Москвы
3-7 февраля — осада и штурм Владимира
22 февраля-5 марта — войска Бату осаждают и захватывают Торжок
1 (4) марта — гибель великого князя Юрия на реке Сить
Апрель-май — осада и взятие Козельска
1239 3 марта — взятие и сожжение Переяславля-Южного
Лето-осень — боевые действия против кипчаков, народов Северного Кавказа
Действия против кипчакского предводителя Бачмана
Октябрь — осада и взятие Чернигова
Осень — вторжение монголов в Крым
1240 Весна — передовые отряды монголов под командованием Мунке подходят к Киеву, убийство монгольских послов
6 октября-19 ноября (6 декабря) — осада и взятие Киева
1241 Зима — разорение Галицко-Волынской Руси
Март — вторжение в Польшу, Венгрию и Трансильванию
9 апреля — разгром польско-немецких войск у Лигницы
11 апреля — войска под командованием Бату побеждают армию венгерского короля Белы IV
11 декабря — смерть великого хана Угедэя
1242 5 мая — смерть Чагатая, последнего сына Чингисхана. Бату становится «ака» — главой рода Борджигин.
Осень — прекращение похода на Запад
1243 — Первые переговоры с русскими князьями, великий князь Ярослав признает зависимость от великого хана и его представителя на Западе — Бату
1244 — Сельджукский султан Кей-Хосров II признает зависимость от Бату
1244-1245 — Войска Бату ведут боевые действия на Северном Кавказе
1245 — Грузинская царица Русудан признает зависимость от Бату
Убийство князей Михаила Черниговского и его родственника Андрея в ставке Бату (возможно, по соглашению с Ярославом Владимирским)

Даниил Галицкий признал зависимость от Бату
1246 Апрель — прибытие в ставку Бату Иоанна де Плано Карпини, посланника папы римского
Лето — избрание Гуюка, сына Угедэя, великим ханом
1248 — Лето — смерть Гуюк-хана во время похода против Бату
1249-1250 — Попытки сторонников Бату собрать великий курултай для возведения на трон Мунке, сына Тулуя
1251 — «Избрание» Мунке великим ханом
1252 — Раскрытие заговора против Мунке. Расправы Мунке и Бату со своими противниками. «Неврюева рать» в Северо-Восточной Руси
1253 — Лето — прибытие к Бату Вильгельма де Рубрука, посланника Людовика IX
1254 — Даниил Галицкий начинает вооруженные действия против монголов в Понизье
1255 — Бату разрешает конфликт между сельджукскими султанами Кей-Кавусом II и Килич-Арсланом IV
1256 — Смерть Бату. Смерть Сартака. Мунке назначает Улагчи правителем Улуса Джучи

2. Генеалогические таблицы

Источники и литература

- Абу-л-Гази 1958 Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-гази, хана хивинского / Пер. А. Н. Кононова. М., 1958.
- Абуль-Гази 1996 — Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакинф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии: — М.; Т.; Б.. 1996. С. 3-186.
- Акрополит 2005 — Георгий Акрополит. История / Перевод, вступительная статья, комментарии и приложения П. И. Жаворонкова. СПб., 2005.
- Алтан Тобчи 1973— Лубсан Данзан. Алтай Тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монгольского, введ., коммент. и прил. Н. П. Шастиной. М., 1973. (Памятники письменности Востока. X).
- Альбрик 2004 г— Хроника Альбрика из монастыря Трех источников // Послания из вымышленного царства. СПб., 2004. С. 164-167.
- Английские источники 1979 — Матузова В. И. Английские средневековые источники, IX—XIII вв.: Тексты; Перевод; Комментарий. М., 1979.
- Антонов 2005 — Антонов И. В. Кыпчаки в Волго-Уральском регионе в XIII-XIV вв. // VI Конгресс этнографов и антропологов России: Санкт-Петербург. 29 июня — 2 июля 2005 г. Тезисы. СПб., 2005. С. 43.
- Арсланова 2002 — Арсланова А. А. Остались книги от времен былых... Казань, 2002.
- Базилевич 1948 — Базилевич К. В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III // Вестник Московского университета. 1948. № 1. С. 29-46.
- БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: В 4-х тт. Т. 1. М., 2001.
- Бар-Эбрей — Бар-Эбрей. Всеобщая история («Светская история») // Сирийские

источники XII-XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960. С. 53-89.

Баркова 2003 — Баркова А. Л. Функции младших героев в эпическом сюжете. Дисс. канд. филолог, наук. М., 2003.

Бартольд 1943 — Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943.

Бартольд 1963 — Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1. М., 1963.

Бартольд 1964 — Бартольд В. В. Мусульманские сведения о Чингизидах-христианах // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 2. М., 1964. С. 263-264.

Бартольд 2002а — Бартольд В. В. Батый (из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 496-500.

Бартольд 2002б — Бартольд В. В. Беркай (из «Энциклопедии ислама») // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 503-507.

Бартольд 2002в — Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 17-192.

Башилов 1992 — Башилов Б. История русского масонства. М., 1992. Вып. 1/2.

Белавин 2000 — Белавин А. М. Торговые фактории волжских болгар и пути возникновения городов в Поволжье и Предуралье в средние века // Средневековая Казань: возникновение и развитие. Материалы Международной научной конференции. Казань 1-3 июня 1999 г. Казань, 2000. С. 122-126.

Березин 1849 — Березин И. Н. Шейбаниада: История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849.

Бибиков 1997 — Бибиков М. В. Человек и пространство в византийской историографии // Исторический источник: человек и пространство. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Москва, 3-5 февраля 1997 г. М., 1997. С. 88-89.

Библиотека 1836 — Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. СПб. 1836.

Биография 1965 — Биография Елюй Чуцая из «Юань ши» // Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М., 1965. С. 185-201.

Бира 1978 — Бира Ш. Монгольская историография (XIII-XVII вв.). М., 1978.

Бичурин 2005 — Бичурин Н. (о. Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. М., 2005. С. 7-234.

Бойл 2002 — Бойл Дж. Э. Посмертный титул Бату-хана // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 28-31.

Брокгауз и Ефрон — Брокгауз и Ефрон. Энциклопедия // Электронное издание: Компакт-диск. М., 2003.

БСЭ 1970 — Большая Советская Энциклопедия. Т. 3. М., 1970.

Бушков 1997 — Бушков А. А. Россия, которой не было. М.; СПб.; Красноярск, 1997.

Бушков 2004 — Бушков А. А. Россия, которой не было-3. М., 2004.

Былины 1958 — Былины. Т. 1. М., 1958.

Ван Го-вэй 1940 — Хэй-да ши-люэ («Краткие сведения о черных татарах») // Ван Го-вэй. Хайнин Ван Цзин-ань сянь-шэн ишу (Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзин-аня из Хайнина). Т. 37. 1940 [Неопубликованные перевод и комментарий предоставлены автору Р. П. Храпачевским].

Вардан 1861 — Всеобщая история Вардана Великого / Предисловие, перевод, коммент. М. Эмина. М., 1861.

Великая хроника 1987 — «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI-XII вв. / Пер. Л. П. Поповой, коммент. Н. И. Щавелевой. М., 1987.

Вернадский 1999 — Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис-хана // Вернадский Г. В. История права. СПб., 1999. С. 111-148.

Вернадский 2000 — Вернадский Г. В. История России: Монголы и Русь. Тверь; М., 2000.

- Веселовский 1922— Веселовский Н. И. Хан из тёмных земель Золотой Орды Ногай и его время. Пг., 1922.
- Виженер 1890— Мемуары, относящиеся к истории южной Руси. Выпуск I (XVI ст.). Киев, 1890.
- Виллани 1997 — Виллани Д. Новая хроника, или История Флоренции / Пер., статья и примеч. М. А. Юсима. М., 1997.
- Вильгельм де Рубрук 1997 — Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина, вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 86-189.
- Владимирцов 2002 — Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 295-488.
- Воинские повести 1985— Воинские повести Древней Руси. Л., 1985.
- Воронин 1967—Воронин Н. Н. Владимир, Боголюбово, Суздаль, Юрьев-Польской. Книга-спутник по древним городам Владимирской земли. М., 1967
- Гадло 1994 — Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X-XIII вв. СПб., 1994.
- Гаев 2002 — Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. — Нумизматический сборник. Т. 3. Нижний Новгород, 2002. С. 9-55.
- Галстян 1962— Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII-XIV вв. / Пер. с древнеарм. предисл. и примеч. А. Г. Галстяна. М., 1962,
- Герберштейн 1988— Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. Вст. ст. А. Л. Хорошкевич. Под ред. В. Л. Янина. М., 1988.
- Гесер 1995 — Сказание о милостивом Гесер-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света /Пер. С. Ач Козина // Повелители вселенной. СПб., 1995. С. 23-318.
- Гёкеньян 2001 — Гёкеньян Х. Западные сообщения по истории Золотой Орды и Поволжья 1223-1556 // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2001. С. 82-110.
- Гёкеньян 2005 — Гёкеньян Х. Знамя/штангарт и литавры у алтайских народов // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ, 2005. С. 127-134.
- Гиббон 1997 — Гиббон Э. Закат и падение Римской Империи. Т. VII. М., 1997.
- Горский 1996 — Русские земли в XI-XIII веках: Пути политического развития. М., 1996.
- Горский 2001 а — Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...». Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001.
- Горский 2001 б — Горский А. А. «Повесть об убиении Батыея» и русская литература 70-х годов XV века // Средневековая Русь. Ч. 3. М., 2001. С. 191-221.
- Горский 2004 — Горский А. А. Русь. От славянского расселения до Московского царства. М., 2004.
- Греков, Якубовский 1998— Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998.
- Григора 1862 — Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами. СПб, 1862.
- Григорьев 1876 — Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству // Григорьев В. В. Россия и Азия. СПб., 1876. С. 170-258.
- Григорьев 1978— Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII-XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978.
- Григорьев 1985 — Григорьев А. П. Время составления краткой коллекции ханских ярлыков русским митрополитам // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 8. 1985. С. 93-134.

Григорьев 2000— Григорьев А. П. Ярлык Мухаммеда Бюлека от 1379 г. митрополиту Михаилу (реконструкция содержания) // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. XIX. 2000. С. 3-104.

Григорьев 2004 — Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золо-тоордынских документов. СПб., 2004.

Григорьев, Фролова 1999— Григорьев А. П., Фролова О. Б. Географическое описание Золотой Орды в Энциклопедии ал-Калкашанди // *Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки*. Вып. 18. 1999. С. 42-88.

Грумм-Гржимайло 1994— Грумм-Гржимайло Г. Е. Джучиды. Золотая Орда // *Мир Льва Гумилева. «Арабески» истории*. Книга I: Русский взгляд. М., 1994. С. 100-148.

Грушевский 1913— Грушевський М. Ілюстрована історія України. Київ-Львів, 1913. Электронная версия с сайта: <http://webua.net/ua/history/Grushevs>.

Губайдуллин 2000 — Губайдуллин А. М. Оборона границ Волжской Булгарии и древняя Казань // *Средневековая Казань: возникновение и развитие*. Материалы Международной научной конференции. Казань. 1-3 июня 1999 г. Казань, 2000. С. 113-116.

Гумилев 1992а — Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992.

Гумилев 1992б— Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.

Гумилев 1994а— Гумилев Л. Н. Апокрифический диалог // Гумилев Л. Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М., 1994. С. 324-351.

Гумилев 1994б— Гумилев Л. Н. «Я, русский человек, всю жизнь защищаю татар от клеветы...» // Гумилев Л. Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М., 1994. С. 247-323.

Гумилев 1995 — Гумилев Л. Н. От Руси до России. М., 1995.

Гуриев — Гуриев Т. А. «Народная» этимология в нартиаде // *Кавказский текст: национальный образ мира как концептуальная поликультурная система*. Электронная публикация с сайта: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.** =subjects&func=viewpage&pageid=1262

Даль 1998 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Том I. М., 1998.

Данилевский 2000 — Данилевский И. Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII-XIV вв.). М., 2000.

Дегтярев, Дубов 1990 — Дегтярев А., Дубов И. Начало отечества. М., 1990.

Демин 2001 — Демин В. Н. Загадки Урала и Сибири. М., 2001.

Джувейни 2004 — Чингисхан. История Завоевателя мира, записанная Ала ад-Дином Ата-Меликом Джувейни / Пер. с перс, текста на англ. Дж. А. Бойла. Пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М., 2004.

Дугаров 2003 — Дугаров Р. Н. Очерки средневековой истории Кукунора (Ойрат-монгольская цивилизация IУ-XIХ вв.). Улан-Удэ, 2003.

Евтеев 2005 — Евтеев А. А. Монголы и половцы в столице Золотой Орды. Антропологический состав мусульманского населения Сарая-Бату // VI Конгресс этнографов и антропо-логов России. Санкт-Петербург. 29 июня — 2 июля 2005 г. Тезисы. СПб., 2005. С. 371.

Егинбайулы 2001 — Егинбайулы Ж. Археологические исследования комплекса Жоши-хана // *Отан тарихы*. 2001. № 2. С. 90-106.

Егоров 1985 — Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985.

Егоров 1997 — Егоров В. Л. Александр Невский и Чингизиды // *Отечественная история*. 1997. №2.

Ермолаев 1994 — Ермолаев В. Ю. «Черная легенда»: имя идеи и символ судьбы // Гумилев Л. Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи. М., 1994. С. 7-24.

Ермолинская летопись 2000— Ермолинская летопись. Рязань, 2000. (Русские летописи. Т. 7).

Жирмунский 1974— Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. М., 1974.

Жуковская 2005 — Жуковская Н. Л. Напитки «белые», напитки «черные» — сакральная антитеза в пищевой традиции монголов // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Санкт-Петербург. 29 июня — 2 июля 2005 г. Тезисы. СПб., 2005. С. 232.

Зайцев 2004 — Зайцев И. А. Астраханское ханство. М., 2004.

Зенин — Зенин Д. «Несть равных ему на свете» // Электронный журнал «Древний мир»: http://ancient.holm.ru/topics/articles/11_russia/index..htm.

Ибн Биби 1927 — Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник. Т. 25. М., 1927.

Идегей 1990 — Идегей: Татарский народный эпос / Пер. С. Липкина. Казань, 1990.

Измайлов 2004 — Измайлов И. Л. Военное искусство Волжской Булгарии X-XIII вв. (стратегия и тактика обороны и полевого боя) // Культурные традиции Евразии: вопросы средневековой истории и археологии/Серия «Восток-Запад: Диалог культур Евразии». Вып.4. Казань, 2004. С. 78-88.

Иловайский 1884 — Иловайский Д. И. История Рязанского княжества. М., 1884.

Иоанн 1994 — Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994.

Иоанн де Плано Карпини 1997 — Иоанн де Плано Карпини. История монголов / Пер. А. И. Малеина, вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 28-85.

Иоганка 2000 — Письмо брата Иоганки венгра, ордена миноритов, к генералу ордена, брату Михаилу из Чезены // Из глубины столетий. Казань, 2000. С. 157-160

История Казахстана 1999 — Кузембайулы А., Аманжолулы Е. История Республики Казахстан. Астана, 1999. Электронная версия с сайта: <http://www.historykz.nm.ru>.

История СССР 1982 — История Украинской ССР. Т. 2. Киев, 1982.

История Эрдэни-дзу 1999 — История Эрдэни-дзу / Пер., введ., коммент и прил. А. Д. Цендиной. М., 1999. (Памятники письменности Востока. СХУШ).

Кадырбаев 2005 — Кадырбаев А. Ш. Ислам и мусульмане в истории монголов XI-XIII вв. (по материалам китайских династийных историй) // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ, 2005. С. 206-219.

Казанская история 1954 — Казанская история. / Вступит. ст., подг. текста, коммент. Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954.

Караев 1995 — Караев О. К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек, 1995.

Карамзин 1991 — Карамзин Н. М. История государства Российского. Тт. II-III. М., 1991.

Карамзин 1992 — Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IV. М., 1992.

Каргалов 1967 — Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967.

Каргалов 1984 — Каргалов В. В. Конец ордынского ига. М., 1984.

Киракос 1976 — Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976. (Памятники письменности Востока. ЦП).

Киргизы 1973 — Материалы по истории киргизов и Киргизии. Т.1.М., 1973.

Кляшторный 1984 — Кляшторный С. Г. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Востокведение. Вып. 9. 1984. С. 143-153.

Кляшторный, Султанов 1992 — Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

Кляшторный, Султанов 2004 — Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004.

Князький 1996 — Князький И. О. Русь и Степь. М., 1996.

Козин 1941 — Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un nireua tobei-gan*. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Введ., перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941.

- Константин Багрянородный 1991 — Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
- Коробейников 2001 — Коробейников Д. А. Византия и государство Ильханов в XIII-начале XIV в.: система внешней политики империи // Византия между Западом и Востоком. СПб., 2001. С. 428-473.
- Кошечев 1993 — Кошечев В. Б. Еще раз о численности монгольского войска в 1237 году // Вопросы истории». 1993. № 10. С.131-135.
- Крамаровский 2000 — Крамаровский М. Г. Джучидский пир // Государственный Эрмитаж. Отделу Востока 80 лет. СПб., 2000. С. 56-60.
- Крамаровский 2001 — Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
- Крамаровский 2003 — Крамаровский М. Г. Великая Орда Златая (Улус Джучи как цивилизация) // Родина. 2003. №11. С. 66-74.
- Крестовые походы 1999 — Эпоха крестовых походов / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. СПб., 1999.
- Кривошеев 2003 — Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII-XIV вв. СПб., 2003.
- Кривошеев 2005 — Кривошеев Ю. В. «Монгольский вопрос» в русском общественном сознании: прошлое и современность, наука и идеология // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ, 2005. С. 263-270.
- Кухистани 1958 — Сочинение Ма'суда бен Османи Кухистани «Тарихи Абулхаир-хани» / Пер., коммент. К. С. Ибрагимов // Известия АН Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. № 3 (8). Алма-Ата, 1958. С. 85-102.
- Кучкин 1990— Кучкин В. А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX вв. М., 1990. Вып. 1.
- Кучкин 1991 — Кучкин В. А. Русь под игмом: как это было? М., 1991.
- Кучкин 1996— Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец Средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 18-33.
- Кычанов 1973 — Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973.
- Кычанов 1986 — Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права. М., 1986.
- Кычанов 1999 — Кычанов Е. И. Сведения «Юань ши» о завоевании Руси монголами // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 18. 1999. С. 160-169.
- Кычанов 2000— Кычанов Е. И. «История династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 19. 2000. С.146-156.
- Кычанов 2001 — Кычанов Е. И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223-1556. Казань, 2001. С. 30-42.
- Кычанов 2002 — Кычанов Е. И. О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань ши») // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 75-83.
- Лаушкин 2001 — Лаушкин А. В. Идеология «Ордынского плена» и летописные известия о «Неврюевой рати» // История и культура Ростовской земли. Материалы конференции 2000 г. Ростов 2001. С. 24-31.
- Лебедев В. П. Судьба города Сарая XIII в.: факты, вопросы, версии, гипотеза // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков». Саратов 2001, Муром, 2003. М., 2005. С. 16-20.
- Липец 1984 — Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.
- Лихачев 1947— Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое

значение. Л., 1947.

Лихачев 1949 — Лихачев Д. С. «Повесть о разорении Рязани Батыем» // Воинские повести Древней Руси: М.; Л., 1949.

Лихачев 1985 — Лихачев Д. С. Обращение ко времени независимости Руси // История всемирной литературы: В 9 томах. Т. 3. М., 1985.

Лосева, Томилов 1980 — Лосева З. К., Томилов Н. А. Легенды и исторические предания иртышских татар // Духовная культура народов Сибири. Томск, 1980. С. 18-33.

Лотман 1997 — Лотман Ю. М. История русской прозы // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб., 1997.

Лурье 1976 — Лурье Я. С. Общерусские летописи XIУ-ХУ вв. Л., 1976.

Лурье 1997 — Лурье Я. С. История России в летописании и восприятии Нового Времени // Россия Древняя и Россия Новая. СПб., 1997. С. 13-171.

Лызлов 1990 — Лызлов А. Скифская история. М., 1990.

Мавродин 2002 — Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. СПб., 2002.

Майоров 2001 — Майоров А. В. Галицко-Болынская Русь. Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001.

Мальшев 2003 — Мальшев А. Б. Золотая Орда и Иран: политические, экономические и культурные связи // Нижнее Поволжье и Исламская Республика Иран: исторические, культурные, политические и экономические связи. Саратов, 2003. Электронная версия с сайта Саратовского государственного университета: http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc_publication/reg_ist/iran/default/php.

Марко Поло 1997 — Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И. П. Минаева, вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 190-380.

Маршак 1994 — Маршак Б. И. К вопросу о сельджукской тюревтике // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. М., 1994. С. 237-247.

Материалы 1938 — Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. М., 1938.

Материалы 1996 — Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654-1685. М., 1996.

Матфей Парижский 1997 — Матфей Парижский. Великая хроника / Пер., коммент. М. И. Матузовой // Русский разлив / Арабские истории. Мир Льва Гумилева. М., 1997. С. 264-301.

МАЭ 1978 — Музей археологии и этнографии Омского государственного университета. Фонд 1. 1978.

Мелихов 1977 — Мелихов Г. В. Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 62-84.

Меховский 1936 — Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. М.; Л., 1936.

МИКХ 1969 — Материалы по истории казахских ханств, XV- XVIII вв. Алма-Ата, 1969.

Миллер 1900 — Миллер В. Ф. Зачин былины о нашествии Батыги // Известия Отделения Русского языка и словесности императорской Академии наук. Т. У. СПб., 1900. С. 69-74.

Миллер 1999 — Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. М., 1999.

Мишон 2000 — Мишон В. М. Река Воронеж: от первых упоминаний в летописях до наших дней // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География и геоэкология. 2000. №4. С. 164-169.

Молдобаев — Молдобаев И. Б. Кыргызы в эпоху «Золотой Орды». Электронная публикация: <http://turkolog.narod.ru>.

Московский свод 2000 — Московский летописный свод конца XV в. Рязань, 2000. (Русские летописи. Т. 8).

- Мункуев 1965 — Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чуцая. Перевод и исследование. М., 1965.
- Мухамметов 2000 — Мухамметов Ф. Ф. Социально-политическая борьба в монгольском обществе и на Руси (конец ХН-ХІУ вв.). Челябинск, 2000.
- Мухамадиев 2005 — Мухамадиев А. Г. Древние монеты Казани. Казань, 2005.
- Мхитар 1869 — Хронографическая история, составленная отцом Мехитаром, вардапетом Айриванкским / Введ., пер., коммент. К. П. Патканова. СПб., 1869.
- Мыськов 2003 — Мыськов Е. П. Политическая история Золотой Орды (1236-1313 гг.). Волгоград, 2003.
- Набиуллин 2001 — Набиуллин Н. Г. Город Джукетау в XIII-XIV вв. (к проблеме перехода домонгольского города в золо-тоордынский) // Татарская археология. 2001. № 1-2 (8-9). С. 47-63.
- Нарочницкая 2002 — Нарочницкая, Н. А. Россия и русские в мировой истории. М., 2002.
- Насави 1996 — Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-Султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб., пред., коммент., прим. и указатели З. М. Буни-ятова. М., 1996. (Памятники письменности Востока. CVII).
- Насилов 2002 — Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI-XVII вв. / Пер., коммент. и исслед. А. Д. Насилова. СПб., 2002.
- Насонов 2002 — Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002.
- Негри 1844 — Негри А. Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. Одесса, 1844. С. 379-392.
- Никитин 2003 — Никитин А. Н. Центрально-Европейские походы в освещении монгольских источников эпохи Угэдэй-каана (1228/29-1241) и Гуюка Далай-хана (1246-1248) // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. Тезисы докладов и сообщений XV научной конференции. 30 января — 1 февраля 2003 г. М., 2003. С. 239-241
- Номинчимэд 2004 — Номинчимэд Б. Чингис ханы дархан бэр, Монголын тулгар тшрийн нэрт згтгэлтэн Сорхугтани бэхи хатан // Электронное издание «Tsahim Ulaach Journal». Дугаар № 18. 2004 оны 3 сар: <http://tsahimulaach.tsahimurtuu.mn>.
- Омакаева, Пюрбеев — Омакаева Э. У., Пюрбеев Г. Ц. Проблемы монгольского синтаксиса в трудах профессора Ш. Лувсанвандана // Altaica X. Москва, 2005. С. 98-113.
- Д'Оссон 1937 — Д'Оссон К. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. Том I. Чингиз-хан. Иркутск, 1937.
- Пагсам 1991 — Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета / Пер. с тибетского, пред., коммент. Р. Е. Пубаева. Новосибирск, 1991.
- Панкратов 1998 — Панкратов Б. И. Переводы из «Юань-чао би-ши» // Страны и народы Востока. Вып. XXIX. 1998. С. 44-66.
- Патканов 1871 — История монголов инока Магакии, XIII в. / Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1871.
- Патканов 1873 — История монголов по армянским источникам / Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1873. Вып. I (Извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиани и коннетабля Смбата).
- Пахимер 1862 — Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. СПб., 1862.
- Пашуто 1956 — Пашуто В. Т. Героическая борьба русского народа за независимость. XIII век. М., 1956.
- Петров 2001 — Петров П. Н. Булгар середины XIII века и Великая Монгольская империя // Девятая всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16-21 апреля 2001 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 70-71.

- Петров 2003 — Петров П. Н. Очерки по нумизматике монгольских государств XIII-XIV веков. Н. Новгород, 2003.
- Петров 2005— Петров П. Н. Тамги на монетах монгольских государств XIII-XP/ вв. как знаки собственности // Труды международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII-XV веков». Саратов 2001, Муром 2003. М., 2005. С. 170-177.
- Письмо 1996— Письмо ильхана Олджайту: Монгольское посольство во Францию и Англию // Мир Льва Гумилева. Каспийский транзит. Т. 1. М., 1996. С. 107-108.
- Платонов 1998—Платонов О. Терновый венец России. М., 1998.
- ПЛДР 1981 — Памятники литературы Древней Руси. XIII в. М., 1981.
- ПЛДР 1982 — Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982.
- Плетнева 1990 — Плетнева С. А. Половцы. М., 1990.
- Послание 2002а — Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу. 23.1.1248 г. // Крестоносцы и Русь. Конец XII-1270 г. М., 2002. С. 262-267.
- Послание 2002б — Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу. 15.1X.1248 г. // Крестоносцы и Русь. Конец XII-1270 г. М., 2002. С. 268-272.
- Почекаев 2004а — Почекаев Р. Ю. Эволюция торе в системе монгольского средневекового права // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 539-540.
- Почекаев 2004б — Почекаев Р. Ю. Образ Мамаю в русском летописании как средство делегитимизации власти ордынского хана // Герои и антигерои в исторической судьбе России: Материалы 35-й всероссийской заочной научной конференции. СПб., 2004. С. 29-34.
- Принц 1877 — Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. М., 1877.
- Приселков 1-996 — Приселков М. Д. История русского летописания XI-XV вв. СПб., 1996.
- Приселков 2002 — Приселков М. Д. Троицкая летопись. СПб., 2002.
- Прохоров 1972 — Прохоров Г. М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. IV. Л., 1972.
- ПСРЛ 1889— Летопись Авраамки // Полное собрание русских летописей. Т. XVI. СПб., 1889.
- ПСРЛ 1908— Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Том второй. СПб., 1908.
- ПСРЛ 1926-1928— Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Том первый. Л., 1926-1928.
- ПСРЛ 2000а — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. III. М., 2000.
- ПСРЛ 2000б — Новгородская четвертая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. IV. Ч. 1. М., 2000.
- ПСРЛ 2002— Новгородская Карамзинская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 42. СПб., 2002.
- Радлов 1889 — Радлов В. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. Т. III. 1889.
- Рапов 1983 — Рапов О. М. Русские города и монгольское нашествие // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 77-89.
- Рашид ад-Дин 1946 — Рашид ад-Дин, Сборник летописей. Т. III / м : Пер. с перс. А. К. Арендса. Ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса, А. Ю. Якубовского. М.; Л., 1946.
- Сафаргалиев 1996 — Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X-XV вв. М., 1996. С. 277-526.
- Сахаров, 1999 — Сахаров А. Н. Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России. Конец XV-XVII века. М., 1999.
- Севортян 1974— Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

Свентославский 2002 — Свентославский В. Боевые газы в военном деле татаро-монголов // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Т. I (XXVI). СПб., 2002. С. 373-379.

Си ю цзи 1995— Си Ю Цзи, или Описание путешествия даосского монаха Чаи Чуня на Запад // Мир Льва Гумилева. Пустыня Тартари. М., 1995.

Скрынникова 1988 — Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI-начало XX века. Новосибирск, 1988.

Скрынникова 1997 - Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.

Скрынникова Т. Д. Сакральное право средневековых монголов // Россия и Монголия в свете диалога евразийских цивилизаций: Материалы международной научной конференции. Звенигород, 2-5 июня 2001 г. М., 2002. С. 143-146.

Смбат 1974 — Смбат Спарапет. Летопись / Пер. с древнеарм., пред, и примеч. А. Г. Галстяна. Ереван, 1974.

СМИЗО 1884 — Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

СМИЗО 1941 - Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941.

Соловьев 1988— Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. II. История России с древнейших времен. Т. 3-4. М., 1988.

Соловьев 1999— Соловьев К. А. Эволюция форм легитимности государственной власти в древней и средневековой Руси // Электронное издание «Международный исторический журнал». 1999. № 1-2: http://history.machaon.ru/all/number_02/diskussi/1_print/index.html.

Ставиский 1993 — Ставиский В. И. Рассказ о нашествии Батыя на Русские земли по рукописи из Пскова // Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР. Л., 1993. С. 148-150.

Султанов 2001 — Султанов Т. И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001.

Тарих-и Систан 1974 — Тарих-и Систан («История Систана») / Перевод, введение и комментарий Л. П. Смирновой. М., 1974. (Памятники письменности Востока. XLII).

Татищев 2003 — Татищев В. Н. История российская в 5 частях// Электронное издание: Компакт-диск. М., 2003.

Типографская летопись 2001 — Типографская летопись. Рязань, 2001. (Русские летописи. Т. 9).

Тоган 2001 — Тоган И. Джучи-хан и значение осады Хорезма как символы законности // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223[^] 1556. Казань, 2001. С. 146-187.

Трепавлов 1993— Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Трепавлов 2002 — Трепавлов В. В. Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины // Тюркологический сборник/2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 225-244.

Трепавлов 2005 — Трепавлов В. В; Улусный субстрат и имперский суперстрат: поиск «ядра» кочевой государственности // Монгольская империя и кочевой мир. Кн. 2. Улан-Удэ, 2005. С. 71-84.

Туркменистан 1981 — Туркменистан и туркмены в конце XV — первой половине XVI в. По данным «Алам ара-и Сефеви». Ашхабад, 1981.

Ульянов 1999— Ульянов О. М. Смерть Батыя (к вопросу о достоверности летописного сообщения о гибели в Венгрии золотоордынского хана Батыя) // Сборник Русского исторического общества. Т. 1. М., 1999. С. 157-170.

Ускенбай 2002 — Ускенбай К. З. Восточный Дашт-и Кыпчак в составе Улуса Джучи в XIII — первой трети XV века. Аспекты политической истории Ак-Орды. Диссертация... канд. ист. наук. Алматы, 2002.

Ускенбай 2003 — Ускенбай К. З. Восточный Дашт-и Кыпчак в составе Улуса Джучи в XIII — первой трети XV века. Аспекты политической истории Ак-Орды. Автореф. дисс...; канд. ист. наук. Алматы, 2003.

Утемиш-хаджи 1992 — Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., исследование В. П. Юдина. Алма-Ата, 1992.

Фахретдин 1996 — Фахретдин Р. Ханы Золотой Орды. Казань, 1996.

Федоров-Давыдов 1973 — Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Федоров-Давыдов 1992 — Федоров-Давыдов Г. А. Смерть хана Бату и династическая смута в Золотой Орде в освещении восточных и русских источников (источниковедческие заметки) // Археология и этнография Марийского края. Вып. 21. Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992. С. 72-82.

Феннел 1989 — Феннел Д. Кризис средневековой Руси. 1200-1304. М., 1989.

Фирдоуси 1994 — Фирдоуси. Шахнаме. Т. IV. М., 1994.

Фиш 1972 — Фиш Р. Джалилиддин Руми. М., 1972.

Флетчер 2004 — Флетчер Дж. Средневековые монголы: экологические и социальные перспективы // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004. С. 212-253.

Фома Сплитский 1997 — Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / Вступ. ст., пер. и коммент. О. А. Акимовой. М., 1997.

Хара-Давай 1996 — Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X-XVI вв. М., 1996. С. 73-274.

Хафиз 1983 — Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы) / Введ., пер., коммент. М. А. Сала-хетдиновой. Ч. 1. М., 1983.

Хафизов 2000 — Хафизов Г. Г. Распад Монгольской империи и образование Улуса Джучи. Казань, 2000.

Хоанг 1997 — Хоанг М. Чингисхан. Ростов-на-Дону: 1997.

Хорошкевич 2001 — Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV-начало XVI вв. М., 2001.

Храпачевский 2004 — Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2004.

Хрестоматия 1963 — Хрестоматия по истории Средних веков. Т. II. X-XV века. М., 1963.

Христианский мир 2002 — Христианский мир и «Великая монгольская империя». СПб., 2002.

Хроника Быховца 1966 — Хроника Быховца. М., 1966.

Хрусталева 2004 — Хрусталева Д. Г. Русь от нашествия до «ига». СПб., 2004.

Ц. де Бридиа 2002 — «История Татар» Ц. де Бридиа / Пер. с латыни С. В. Аксенова и А. Г. Юрченко // Христианский мир и «Великая монгольская империя». СПб., 2002. С. 75-126.

Цзинь ши 1998 — История золотой империи. Новосибирск, 1998.

Черепнин 1977 — Черепнин Л. В. Татаро-монголы на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 186-207.

Чивилихин 1982а — Чивилихин В. В. Память. Роман-эссе // Роман-газета. 1982. № 16.

Чивилихин 1982б — Чивилихин В. В. Память. Роман-эссе // Роман-газета. 1982. № 17.

Чимитдоржиев 2002 — Чимитдоржиев Ш. Б. Бурятские летописи об эпохе Галдан-Бошопту-хана // Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в ХУИ-ХУШ вв. Улан-Удэ, 2002. С. 185-188.

Шапшал 1953 — Шапшал С. М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию. Сборник статей. М., 1953. С. 304-316.

Шахматов 1908 — Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописях. СПб.,

1908.

- Шишов 1999— Шишов А. В. Александр Невский. Ростов-на-Дону, 1999.
- Шукуров 2000— Шукуров Р. М. Великие Комнины и «синоп-ский вопрос» в 1254-1277 гг. // Причерноморье в Средние века. Вып. 4. СПб., 2000. С. 177-208.
- Шукуров 2001 — Шукуров Р. М. Великие Комнины и Восток (1204-1461). СПб., 2001.
- Экземплярский 1998 — Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505г. М., 1998.
- Юань ши 2004 — Юань ши (Официальная хроника династии Юань) // Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М., 2004. С. 432-525.
- Юдин 1992—Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С.14-56
- Юдин 2001 — Юдин В. П. Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV-XVIII вв. //Юдин В. П. Центральная Азия в ХГУ-ХУШ веках глазами востоковеда. Алматы, 2001. С. 17-71
- Юлиан 1996 — Доминиканец Юлиан о Монголе-Татарии. , 1235-1237 / Пер. С. А. Аннинского // Мир Льва Гумилева. Каспийский транзит. Т, 1. М., 1996. С. 21гЗБ
- Юрасов 1990 — Юрасов М, К. Источники по исторической географии похода Бату в Венгрию. // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. М., 1990. С. 150-155.
- Юрченко 2000 — Юрченко А. Г. Золотая статуя Чингис-хана («мобильные» святилища Монгольской империи) // Святилища: археология ритуала и вопросы семантики: Материалы; тематической научной конференции. Санкт-Петербург — 14-17 ноября 2000 г. СПб., 2000. С. 20-26.
- Юрченко 2002а — Юрченко А. Г. Империя и космос: Реальная и фантастическая история походов Чингис-хана по материалам францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002.
- Юрченко 2002б — Юрченко А. Г. Францисканская миссия 1247 г. во владениях Бату-хана // Тюркологический сборник / 2001: Золотая Орда и ее наследие. М., 2002. С. 110-129.
- Юрченко 2003а— Юрченко А. Г. Русские и половцы перед лицом монгольского вызова (1223 г.) //Тюркологический сборник 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 385-400.
- Юрченко 2003б — Юрченко А. Г. Столица хорезмшаха Ургенч в европейской политической мифологии (XIII в.) // Университетские петербургские чтения. СПб.» 2003. С. 680-689.
- Юрченко 2003в — Юрченко А. Г. «Ты уже наш, татарин!». Даниил Галицкий у Батыя // Родина. 2003. №11. С. 78-82.
- Языков 1840 — Языков Д. И. Сартак. Батый. Мангу-хан / Труды Российской академии. 1840. Ч. 3. С. 126-186.
- Якобсон 1973 — Якобсон А. Л. Средневековый Крым. М-, 1973.
- Яков де Витри 2004 — Яков де Витри. VII послание из Египта в Европу // Послания из вымышленного царства. СПб., 2004. С.142-158.
- Benedicti Poloni 1929— Relatio Fr. Benedicti Poloni // Sinica Franciscana, vol. I: Itinera et relations Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum regedit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F. M., Quaracchi-Firenze, 1929. S. 135-143. Перевод предоставлен С. В. Аксеновым и А. Г. Юрченко.
- Boyle 1956 — Boyle J. A. On the Titles Given in Juvaini to Certain Mongolian Princes // HJAS. 19. 1956.
- Britannica 2001 — Encyclopedia Britannica 2001 // Электронное издание. Компакт-диск.
- Chambers 2001 — Chambers J. The Devil's Horsemen: The Mongol Invasion of Europe. London, 2001.
- Dlugosz — Dlugosz J. Historia Polonicae. Пер. с сайта «Восточная литература»: <http://www.vostlit.narod.ru>.

- Goeckenjan 1985— Письмо венгерского короля Бела IV германскому королю Конраду IV в кн.: Goeckenjan H., Sweeney J. R. *Der Mongolensturm / Ungarns Geschichtsschreiber IV*. Wien. 1985. Пер. В. Шульзингера, взят с сайта «Восточная литература»: <http://www.vostlit.narod.ru>.
- Grousset 2000 — Grousset R. *The Empire of the Steppes: A History of Central Asia*. New Brunswick, New Jersey, and London, 2000.
- Halperin 1983 — Halperin Ch. J. *The Defeat and Death of Batu // Russian History*. Irvine (Cal.), 1983. Vol. 10. № I.
- Juvaini 1997— Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introduction and bibliography by D. O. Morgan*. Manchester, 1997.
- Kerr 1811 — *General History and Collection of Voyages and Travels, Arranged in Systematic Order: Forming a Complete History of the Origin and Progress of Navigation, Discovery, and Commerce, by Sea and Land, from the Earliest Ages to the Present Time. Vol. I. By Robert Kerr*. Edinburgh, 1811 // Электронная версия с сайта «Project Guttenberg»: <http://www.gutenberg.net>.
- Klaproth 1833 — Klaproth M. *Des entreprises des Mongols en Georgie et en Armenie dans le XIIIe siecle // Nouveau Journal Asiatique*. Septembre 1833.
- Mandeville 1910— *The Travels of Sir John Mandeville // The Catholic Encyclopedia*. Volume IX. New York, 1910.
- May 1996 — May T. *Chormaqan Noyan: The First Mongol Military Governor in the Middle East*. Ph. D. D. Indiana University, 1996.
- Rachewiltz 1993 — Rachewiltz I. de. *Some Reflections on Chinggis Qan's Jasagh // East Asian History*. 1993. MS 6. Dec. 1993. P. 91-104.
- Rachewiltz 1999 — Rachewiltz I. de. *Was Toregene Qatun Ogodei's «Sixth Empress»? // East Asian History*. Canberra. 1999. Ms 17/18. June/December 1999. P. 71-76.
- Rossabi 1983— *China among Equals: The Middle Kingdom and Its Neighbors, 10th-14th Centuries / Ed. by M. Rossabi*. Berkeley, 1983.
- Saint-Quentin 1965— *Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares / Publiee par J. Richard*. Paris, 1965 (Неопубликованный перевод предоставлен автору А. Г.Юрченко).